

КРАТЧАЙШАЯ ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

САМЫЙ ПОЛНЫЙ И САМЫЙ КРАТКИЙ
СПРАВОЧНИК

ДЖОН ХЕРСТ

Annotation

Перед вами книга, которая в доступной, оригинальной и занимательной форме излагает историю европейской цивилизации.

А знаете ли вы, что Китай в течение долгого времени опережал Европу? Именно у китайцев европейцы позаимствовали книгопечатание, бумагу, компас, порох и шлюзы. Но все же промышленная революция, за которой последовал бурный экономический рост, произошла не где-нибудь, а в Европе.

В чем же кроется секрет неожиданного и стремительного скачка в развитии европейских государств?

Известный историк Джон Херст предлагает выяснить, почему и как европейская цивилизация достигла необычайных высот и оказала в дальнейшем огромное влияние на цивилизационные процессы во всем мире.

-
- [Джон Херст](#)
 - [ВВЕДЕНИЕ](#)
 - [Кратчайшая история](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Интермедия](#)
 - [История подробнее](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Заключение](#)
 - [Список карт](#)
 - [Список иллюстраций](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- 4
 - 5
-

Джон Херст

Кратчайшая история Европы

**Самый полный и самый краткий
справочник**

ВВЕДЕНИЕ

Если вы любите читать книги с конца, желая узнать, чем все закончилось, то эта книга вам определенно понравится. Конец тут описывается почти сразу же после начала, потому что история Европы в ней рассказана целых шесть раз, причем каждый раз под иным углом зрения.

Изначально это были лекции, призванные дать студентам университета общее представление об истории Европы. Но они не начинались с самого начала и не продолжались в определенной последовательности до конца. Я делал короткий общий обзор, а затем возвращался назад и рассматривал ту или иную тему уже более подробно.

В первых двух лекциях история Европы описывается в самых общих чертах. И это на самом деле «кратчайшая» история. Следующие шесть лекций посвящены конкретным темам. Цель их состоит в том, чтобы более глубоко раскрыть тему и исследовать ее подробнее.

У любой «истории», в обыденном понимании этого слова, есть сюжет: начало, середина и конец. Цивилизация же в данном смысле – вовсе не история, у нее нет сюжета, хотя, конечно, изучать нам ее гораздо интереснее, если полагать, будто за периодом развития обязательно следует период упадка, а затем полная и окончательная гибель.

Я же ставил перед собой цель показать, как основные слагаемые европейской цивилизации взаимодействовали и тесно переплетались, как из старого со временем возникало новое, как старое упорно сохраняло свои позиции и возвращалось.

В учебниках истории повествуется о многочисленных событиях и исторических деятелях. Это одна из сильных сторон истории, поскольку она приближает нас к реальной жизни. Но в чем смысл всего этого? Что действительно важно, а что не имеет особого значения? Многие люди и события, о которых говорится на страницах других книг, посвященных истории, в учебниках даже не упомянуты.

Более подробные лекции, вошедшие во вторую часть книги, завершаются примерно 1800 годом, и только по той причине, что, когда я читал их, студенты слушали другой курс лекций, посвященный

истории Европы уже после 1800 года. А ведь это исключает столько интересного! Время от времени я перескакиваю этот рубеж, но если мой подход верен, вы и сами без труда поймете, что основы современного мира, в котором мы живем, были заложены давным-давно.

После повествования об эпохе Античности рассказ, главным образом, ведется об истории Западной Европы. Не все области Европы внесли одинаковый вклад в становление европейской цивилизации. Возрождение в Италии, Реформация в Германии, парламентаризм в Англии, революционная демократия во Франции – все эти явления имели более существенные последствия, чем, скажем, разделы Польши.

В своей работе я во многом опирался на труды исторических социологов, особенно Майкла Манна и Патриши Кроун. Правда, профессор Кроун специализируется не на истории Европы, а на истории исламского мира, но одна из глав ее небольшой книги «Доиндустриальные общества» носит название «Странности Европы». В ней она на тридцати страницах излагает в самых общих чертах европейскую историю – почти как я здесь. Именно профессор Кроун натолкнула меня на мысль проанализировать основные слагаемые европейской цивилизации, что я и делаю в первых двух лекциях. По этой причине я очень многим ей обязан.

Мне повезло, что в мельбурнском университете Ла-Троб я несколько лет называл своим коллегой профессора Эрика Джонсона. Он был настоящим апологетом широкого подхода к истории, и из его книги «Европейское чудо» я очень много почерпнул.

В своей работе я не претендую на оригинальность, за исключением разве что метода. Я читал эти лекции австралийским студентам; они слушали подробнейший курс по австралийской истории, и они знали слишком мало об истории цивилизации, частью которой являются.

Джон Херст

Кратчайшая история

Глава первая

ЕВРОПА АНТИЧНАЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ

Европейская цивилизация уникальна тем, что она единственная цивилизация, оказавшая основополагающее влияние на мир. Она сумела этого добиться с помощью завоеваний и переселений; благодаря экономической мощи и силе идей; а также потому что оказалась в состоянии предоставить то, что хотели получить все. Сегодня все страны мира пользуются научными достижениями и разработанными с их помощью технологиями, а ведь наука – это европейское изобретение.

В основе европейской цивилизации лежат три следующих элемента:

1. Культура Древней Греции и Древнего Рима.
2. Христианство, которое само по себе является ответвлением иудаизма, религии иудеев.
3. Культура германских племен, вторгшихся в Римскую империю.

Таким образом, европейская цивилизация представляет собой смесь разнородных элементов. Почему это так важно, мы узнаем из дальнейшего.

* * *

Если мы задумаемся об истоках нашей философии, нашего искусства, нашей литературы, нашей математики, нашей науки, нашей медицины и нашего понимания политики, нам придется признать, что всеми этими интеллектуальными достижениями мы обязаны Древней Греции.

В период своего расцвета Древняя Греция не была единым государством; она состояла из маленьких государств, или «городов-государств», как мы их сейчас называем. Каждое из таких государств представляло собой отдельный город с окружающими его землями, который можно было обойти за день. В некотором смысле греки принадлежали тому или иному государству, как мы являемся членами

того или иного клуба. Именно в этих маленьких государствах впервые возникло понятие демократии. Это была не представительная демократия, как сегодня – никто никого не выбирал членом парламента. Все мужское население города собиралось в определенном месте и обсуждало общественные дела, принимало голосованием законы и решало политические вопросы.

По мере роста населения города-государства основывали колонии в других частях Средиземноморья. Греческие поселения возникли на территории современной Турции, вдоль побережья Северной Африки и даже вдоль берегов современной Испании, южной Франции и южной Италии. И именно в Италии римляне, бывшие в период истории довольно отсталым народом и жившие в городе-государстве, центром которого был Рим, впервые столкнулись с греками и многое позаимствовали у них.

Древнегреческие города и колонии. Древнегреческая цивилизация представляла собой города и колонии, занимавшиеся торговлей и сельским хозяйством и расположенные на побережье Средиземного и Черного морей.

Со временем римляне создали огромную империю, включившую себя и Грецию и греческие колонии. На севере границы империи проходили по двум большим рекам, Рейну и Дунаю, хотя иногда эти

границы расширялись. На западе естественной границей служил Атлантический океан. Англия входила в Римскую империю, но Шотландия и Ирландия находились уже за ее пределами. На юге простирались пустыни Северной Африки. Самой неопределенной была восточная граница, потому что там существовали соперничающие с Римом империи. В целом Римская империя окружала Средиземное море и включала в себя не только часть нынешней Европы, но и территории, лежавшие за пределами Европы: Турцию (Малую Азию), Ближний Восток и Северную Африку.

Римляне воевали искуснее греков. Они лучше составляли законы, с помощью которых управляли своей империей. Они превосходили греков в строительстве и в инженерных сооружениях, полезных как для войны, так и для мирной жизни. Но во всем остальном они признавали авторитет греков и рабски копировали их достижения. Типичный представитель римской элиты говорил на двух языках: на греческом и на латинском (языке древних римлян); он посылал своих сыновей в афинскую школу или нанимал раба-грека для обучения детей на дому. Поэтому когда мы говорим о «греко-римской» культуре, мы так поступаем вслед за самими римлянами.

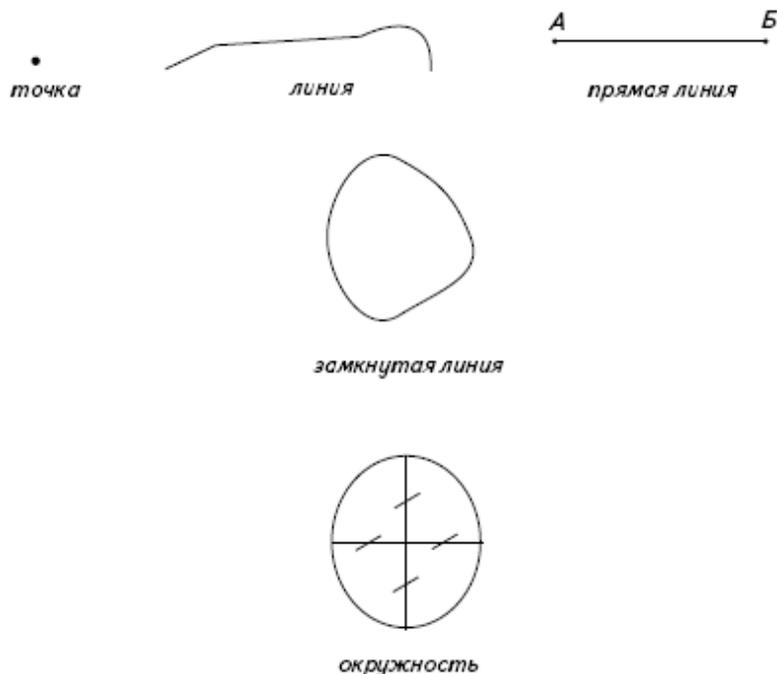

Территория Римской империи в I в.

Самой наглядной демонстрацией острого ума греков служит геометрия. Многие наверняка забыли, что это такое, поэтому начнем с азов. Геометрия устроена точно так же – она начинается с наиболее простых определений, служащих основанием дальнейших рассуждений и выводов.

Отправная точка – это точка, которую греки определяли как имеющую положение в пространстве, но не имеющую величины. Конечно, на этой странице она имеет определенную величину, но речь идет об идеальном случае, относящемся к царству чистых идей. Второе определение: линия имеет длину, но не имеет ширины. Далее, прямая линия – это кратчайшее расстояние между двумя точками.

На основе этих трех определений можно дать определение окружности: прежде всего, это замкнутая линия, образующая некоторую фигуру. Но как дать определение «округлости»? При здравом размышлении сделать это довольно трудно, хотя и возможно. Чтобы не мучить вас, сразу скажу, что окружность – это такая фигура, внутри которой есть точка, обладающая определенным свойством: отрезки прямых линий, проведенных от этой точки до любой точки на окружности, будут равной длины.

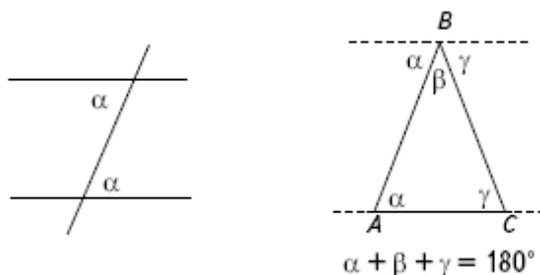
Кроме окружностей геометрия рассматривает и параллельные линии, которые никогда не пересекаются, и треугольники во всем их разнообразии, и квадраты, и прямоугольники, и другие фигуры.

Все они образованы линиями и имеют собственные свойства, все они строго определены, как и их пересечения и сочетания. Все доказывается с помощью описанных выше положений.

Например, с помощью свойств параллельных линий можно доказать, что сумма углов в любом треугольнике равна 180 градусам.

ГЕОМЕТРИЯ В ДЕЙСТВИИ

Параллельные линии не пересекаются. Из этого определения следует, что другая линия будет пересекать их под равными углами. Если бы эти углы не были равными, то параллельные линии сходились бы или расходились, и тогда они уже не были бы параллельными. Для обозначения углов мы используем греческие буквы, напоминающие нам об истоках геометрии. Здесь использованы три первые буквы греческого алфавита: альфа, бета и гамма, и на рисунке слева буквой α обозначены два равных угла.

На этом основании можно вычислить сумму углов треугольника. Треугольник ABC на рисунке справа заключен между двумя параллельными линиями; вообще, опираться на известное – это основной способ, каким в геометрии узнают неизвестное. Угол α у точки A равен углу α у точки B, поскольку это противоположные углы, образованные линией, пересекающей параллельные линии. Точно так же угол γ у точки C равен углу γ у точки B. Таким образом, вдоль верхней

параллельной линии расположены три угла: $\alpha + \beta + \gamma$. Вместе они образуют прямую линию, равную 180 градусам.

Итак, $\alpha + \beta + \gamma = 180$ градусов. Как мы уже показали с помощью параллельных линий, сумма внутренних углов треугольника равна $\alpha + \beta + \gamma$. Следовательно, сумма внутренних углов треугольника равна 180 градусам.

Так мы использовали свойства параллельных линий для доказательства некоего свойства треугольников.

Геометрия – это не только простая, элегантная и логическая, но еще и красивая система. Но что значит «красивая»? Красивой ее находили греки, и это многое объясняет в их понимании мира. Греки занимались геометрией не только для гимнастики ума, как это мы делаем в школе, и не только в практических целях, таких как измерение площади поля или навигация. Они воспринимали геометрию как средство объяснения основополагающих законов мироздания. Если посмотреть на все, что нас окружает, можно поразиться удивительному разнообразию мира: самые разные формы самых разных цветов и размеров. На первый взгляд кажется, что одновременно происходит великое множество разных событий, причем бессистемно и хаотично. Греки же верили, что всему можно найти простое и логичное объяснение. В основе всего сущего должно лежать нечто простое, регулярное и логичное. Нечто вроде геометрии.

Греки не занимались наукой в том смысле, в каком ею занимаемся мы, то есть выдвигая гипотезы и ставя эксперименты. Они считали, что если напрячь ум и хорошенько подумать, то можно прийти к правильному ответу. Поэтому всю их науку можно назвать системой вдохновенных догадок. Один греческий философ сказал, что все в мире состоит из воды, и это показывает, насколько отчаянно греки стремились свести все к простому объяснению. Другой философ сказал, что все состоит из четырех элементов: земли, огня, воздуха и воды. Еще один философ говорил, что все состоит из мельчайших частиц, которые он назвал атомами – и, как выяснилось впоследствии, оказался прав. Он высказал вдохновенную догадку, к которой мы вернулись только в XX веке.

Когда лет четыреста назад, через две тысячи лет после древних греков, появилась наука в современном понимании, она начала ставить под сомнения главные постулаты древнегреческой мысли,

пользовавшиеся до тех пор авторитетом. Но при этом она не отказалась от стремления древних греков находить простые, логические и математические объяснения. Ньютон, величайший ученый семнадцатого столетия, и Эйнштейн, величайший ученый двадцатого столетия, утверждали, что ближе всего к правде самые простые ответы. Оба они умели выражать свои теории в математических формулах, описывающих состояние и движение материи.

Древние греки часто ошибались в своих предположениях, причем довольно сильно. Их предположение, что в основе всего лежат логические и математические объяснения, тоже могло оказаться ошибкой, но оказалось правдой. Это величайшее наследие древних греков, которые они передали европейской цивилизации.

Можно ли объяснить, почему древние греки оказались настолько умными и проницательными? Вряд ли. Предполагается, что историки должны объяснять исторические факты, но когда дело доходит до самых общих фактов – например, почему именно в маленьких городах-государствах родились великие мыслители с таким логичным и проницательным умом – они не могут предложить убедительных объяснений. Историкам, как и всем остальным, остается только удивляться.

Вот вам еще одно чудо. Мы подходим ко второму элементу европейской смеси. Древние евреи верили в существовании только одного Бога. Для той эпохи это было необычное воззрение. Древние греки и римляне верили в существовании целого множества богов. Евреи к тому же считали, что один-единственный Бог заботится прежде всего именно о них и что они принадлежат к богоизбранному народу. В обмен на такую привилегию евреи были обязаны соблюдать закон Божий. В основу этого закона были положены десять заповедей, данных евреям Моисеем, который вывел их из египетского плена. Христиане сохранили эти десять заповедей, которые оставались главным моральным критерием западного общества вплоть до недавнего времени. До сих пор можно услышать, как о человеке говорят, что он, допустим, никогда не нарушит восьмой заповеди, но иногда нарушает седьмую.

Вот эти десять заповедей, как они перечислены в Библии, в главе 20 Книги Исход:

И изрек Бог все слова сии, говоря:

Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов перед лицом Моим.

Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли.
<...>

Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно.

Помни день субботний, чтобы святить его.

Шесть дней работай, и делая всякие дела твои. <...>

Ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них; а в день седьмой почил. Посему благословил Господь день субботний и освятил его.

Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.

Не убивай.

Не прелюбодействуй.

Не кради.

Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего.

Эти десять заповедей были лишь первыми из огромного множества моральных предписаний. У евреев была очень сложная система законов и правил, которые касались не только областей, обычно регулируемых законами – преступлений, имущества, наследства, брака, – но также и питания, соблюдения чистоты, управления хозяйством и принесения жертв Богу в храме.

Хотя евреи и считали себя избранным народом, жизнь их была далека от идеальной. С ними часто случались различные бедствия; их завоевывали и брали в плен; но при этом они не только не сомневались в существовании Бога, но и в том, что он о них заботится. Каждый раз, как случалось какое-нибудь несчастье, они приходили к мысли, что это кара за то, что они разгневали Бога, не выполняя как следует его законы. Поэтому в иудаизме (еврейской религии), как и в христианстве

мораль и религия тесно переплетены, что наблюдается далеко не всегда.

Боги греков и римлян не останавливались перед безнравственным поступком, они вступали в незаконные связи и плели друг против друга интриги. В римской религии боги тоже могли наказывать людей, но не потому, что те поступали безнравственно, а потому, что не приносили им жертвы как следует или приносили, но недостаточно часто.

Иисус, основатель христианства, был иудеем, и все его последователи тоже были иудеями. В то время, когда он проповедовал свое учение, иудеи сами не распоряжались своей страной; Палестина была провинцией Римской империи. Некоторые из последователей Иисуса надеялись, что он возглавит восстание против римлян. Противники Иисуса пытались заставить его открыто признаться в этом. «Должны ли мы платить подать римлянам?» – спрашивали они его. «Покажите мне монету», – говорил он. – «Чье это изображение?» «Кесарево», – отвечали они ему. «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу», – говорил Иисус.

Иисус очень хорошо знал иудейский Закон и предание иудеев; на них основывалось и его собственное учение. Отчасти оно подводило краткий итог всей этой идеологии и обращало внимание на ее главные положения. Вот одно из его заповедей: «Возлюби Господа, Бога твоего всем сердцем твоим <...> возлюби ближнего твоего как самого себя».

Непонятно, хотел ли Иисус сказать, что можно взять только суть и отбросить детали, или детали для него были тоже важны – подробности о том, как соблюдать чистоту, приносить жертвы и тому подобное, – но все же основное внимание он уделял именно общему, а не частностям.

Ученые спорят, оставался ли Иисус в рамках иудаизма или отходил от него. Но ясно одно: он расширял древние моральные предписания, делал их очень требовательными и, казалось бы, почти невозможным для исполнения. Подумайте только о том, что он говорил о любви к врагам в Нагорной проповеди, как записано в пятой главе Евангелия от Матфея:

Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего.

А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас,

да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных.

Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари [ненавистные сборщики римских податей]?

И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?

Итак будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный.

В данном случае Иисус расширил иудейское предписание до понятия всеобщей любви.

Иисус был не единственным учителем и пророком той эпохи. Все эти проповедники возбуждали подозрения первосвященников еврейского народа, и в случае с Иисусом, религиозные предводители евреев вместе с римлянами договорились о его казни. Но от всех других учителей Иисус отличается тем, что ожил после своей смерти – по крайней мере, так считают его последователи. Так что он не был всего лишь учителем, пророком или просто хорошим человеком, как, пожалуй, считают многие из посещающих церковь в наши дни. Последователи Иисуса верили, что он был сыном Бога и что при его распятии случилось нечто, имеющее вселенское значение. Бог пожертвовал своим сыном ради спасения человечества от проклятия, последствия первородного совершенного человеком греха, из-за которого в мир пришло зло. Они утверждали, что если поверить в Христа, то можно спастись, и после смерти человек не будет приговорен к мучениям в аду, а будет находиться вместе с Богом на небесах.

Предназначалась ли эта религия для всех или только для евреев? Мнение учеников Иисуса по этому поводу после его смерти разделилось. Приверженцы традиции утверждали, что христианином можно стать только став сначала иудеем, соблюдающим все строгие предписания Ветхого Завета. К ним причислялось и обрезание, довольно болезненная процедура для взрослых мужчин. Если бы победили сторонники этой точки зрения, христианство осталось бы немногочисленной сектой иудаизма и, возможно, давно бы исчезло или не привлекало бы к себе особого внимания. Но победила другая точка

зрения, согласно которой это была совершенно новая религия. Не обязательно сначала быть иудеем, чтобы стать христианином; все строгие предписания не имеют значения, потому что Христос освободил нас от них; его учение о любви превосходит все ограничения закона. Такого мнения придерживался Павел, великий апостол и, как считают некоторые, основатель христианства как религии, потому что непосредственно после смерти Иисуса христианство считалось делом лишь одних иудеев. Иисус был иудеем, его последователи были иудеями и некоторые из них хотели, чтобы все это так и оставалось. Именно Павел четко сказал, что религия должна быть для всех, так что с этого момента христианство (пусть сначала и в теории) стало всемирной религией. Через триста лет оно распространилось по всей Римской империи.

Третья составляющая европейской смеси – это германские племена, вторгшиеся в Римскую империю. Они жили у северных ее границ и пересекли их около 400 года. К 476 году они разрушили западную часть империи. Именно здесь, во Франции, Испании и Италии, впервые оформилось то сочетание различных культур, которому предстояло стать европейской культурой.

Германские народности сначала не имели письменности и не оставили письменных памятников своей древности; о них имеется чрезвычайно мало сведений до их вторжения. Лучший письменный источник их истории, хотя и опосредованный – это сочинения римского историка Тацита, жившего в I веке. Он описывал вождей варваров и их товарищей, которые жили и сражались вместе, находя смысл жизни исключительно в битвах:

...если дело дошло до схватки, постыдно вождю уступать кому-либо в доблести, постыдно дружине не уподобляться доблестью своему вождю. А выйти живым из боя, в котором пал вождь, – бесчестье и позор на всю жизнь; защищать его, оберегать, совершать доблестные деяния, помышляя только о его славе, – первейшая их обязанность: вожди сражаются ради победы, дружинники – за своего вождя. Если община, в которой они родились, закосневает в длительном мире и праздности, множество знатных юношей отправляется к племенам, вовлеченным в какую-нибудь войну, и потому, что покой этому народу не по душе, и так как среди

превратностей битв им легче прославиться, да и содержать большую дружину можно не иначе, как только насилем и войной; ведь от щедрости своего вождя они требуют боевого коня, той же жаждущей крови и победоносной фразеи; что же касается пропитания и хоть простого, но обильного угощения на пирах, то они у них вместо жалованья. Возможности для подобного расточительства доставляют им лишь войны и грабежи. И гораздо труднее убедить их распахать поле и ждать целый год урожая, чем склонить сразиться с врагом и претерпеть раны; больше того, по их представлениям, потом добывать то, что может быть приобретено кровью, – леность и малодушие^[1].

Через триста лет эти воины завоевали Римскую империю.

Итак, мы рассмотрели все три элемента. Давайте подведем итоги.

Греки считали, что мир прост, логичен и объясняется математическими формулами.

Христиане верили, что мир порочен и что спасти человечество может только Христос.

Германские воины находили смысл жизни и удовольствие в битве.

Из такой неоднородной смеси и возникла европейская цивилизация.

Но как эти три элемента слились вместе? Рассмотрим для начала связь христианства с греко-римским миром. Римские власти периодически пытались искоренить христианство. Они отбирали священные книги и имущество церквей, бросали христиан в темницы и пытали их; тех, кто не соглашался отречься от Христа, они подвергали жестоким мучениям.

Обычно римляне были веротерпимы. Они управляли империей, которую населяли разные народности, придерживавшиеся разных верований. Если какие-то племена или народы не доставляли неприятностей и не бунтовали, то римляне позволяли исполнять им свои ритуалы и заниматься своими внутренними делами. Можно было исповедовать любую религию, но только при одном условии: приносить подношения императору. Да и подношения эти были чисто символическими. Обычно перед портретом или статуей императора возжигали огонь, в который бросали щепотку соли. Пламя вспыхивало, и этого было вполне достаточно. Это все равно что в наши дни отдавать салют флагу или исполнять государственный гимн. Но христиане этого не делали, потому что, как и иудеи, они утверждали, что поклоняться нужно только одному-единственному Богу, а император никоим образом им не является. Иудеев обычно освобождали от необходимости отдавать почести императору; римляне считали иудеев беспокойными чужаками, но, тем не менее, для них это был древний народ, со своими традициями, со своим богом и проживавший на определенной территории. Христиане же исповедовали новую религию и могли оказаться везде. Для римлян это были бунтовщики, которых следовало уничтожить. И они преуспели бы в этом, если бы последовательно их преследовали.

Затем произошло чудо. В 313 году император Константин стал христианином, или, по крайней мере, начал оказывать официальную поддержку христианской церкви, придя к мнению, что бог христиан поможет ему управлять империей гораздо лучше всех других богов. Тогда христиане еще не составляли большинства населения империи, но правитель государства давал деньги христианским церквям и

подтверждал власть епископов. Еще пятьдесят лет спустя другой христианский император запретил все остальные религии. Через четыреста лет, после того, как Иисус начал читать свои проповеди в беспокойной отдаленной провинции Римской империи, христианство стало официальной и единственной религией государства. Теперь большую власть в городах и селениях получили священники и епископы, принявшие разрушать языческие храмы. И это первая связь между разнородными элементами: *Римская империя становится христианской.*

Константин (272 – 337), римский император, официально признавший христианство в 313 году

К тому времени церковь уже отличалась от той, какой она была в первые годы после своего возникновения. Поначалу христиане встречались группами в частных домах. Через три-четыре века существовала уже целая иерархия церковных сановников: священники, епископы и архиепископы. Одному из епископов, епископу Рима, удалось стать папой, управляющим всей церковью. У церкви появилась своя система законов, свои собственные суды и тюрьмы. Не говоря уже о церковных делах, церковь заведовала такими важными вопросами как брак и наследство. Церковь устанавливала и взимала свои налоги, которые должны были выплачивать все, поддерживая таким образом господствующую религию.

После распада Римской империи церковь выжила, поскольку представляла собой своеобразное государство в государстве. Римский папа правил параллельно с императором, контролируя всю иерархию

нижестоящих церковных постов. Вот и вторая связь между элементами: *церковь становится римской.*

После распада империи церковь сохранила греко-римскую ученость. И это довольно удивительно, потому что все писатели, философы и ученые античной эпохи были язычниками, а не христианами. Зачем же христианской церкви было заботиться о наследии древних? Внутри церкви действительно была группа лиц, настроенных против древней учености и утверждавших, что все написанное в древности – ложь, а единственная истина это Христос. «Что общего между Афинами и Иерусалимом?» – вопрошал Тертуллиан. Но эта точка зрения не победила.

Христиане не разрабатывали своей системы образования, поэтому церковь полагалась на образованных людей, придерживавшихся греко-римской традиции, когда, став сложным организмом, ей пришлось упорядочивать и систематизировать свои правила и идеи. Для объяснения и защиты основных постулатов христианства ученые люди опирались на греческую философию и греческую логику. Христианские учителя считали, что великие философы и моралисты Греции и Рима тоже были в чем-то правы, хотя, конечно, непреложной истиной для них обладало лишь христианство. Учение древних философов можно использовать как путь продвижения к истине и как способ рассуждения об истине. Поэтому церковь и сохраняла сочинения древних, несмотря на то что считала их языческими. Это третье связующее звено между разнородными элементами: *церковь сохраняет греко-римскую ученость.*

Германские племена, наводнившие Римскую империю, вовсе не собирались ее разрушать. Они приходили за добычей, за лучшими землями, на которых можно было бы поселиться и наслаждаться хорошей жизнью. Многие из них охотно признавали власть императора. Но проблема заключалась в том, что к IV веку германцев стало так много и они заняли так много земли, что император почти полностью лишился подконтрольных ему территорий. По сути, Римская империя прекратила свое существование как раз из-за того, что не оставалось ничего, чем можно было бы править.

С другой стороны, германские воины обнаружили, что они должны были хоть как-то управлять обществом, в котором обосновались, а это вовсе не было их изначальной целью. Поэтому германцы сами

оказались в довольно трудном положении. Германцы были неграмотными, остатки римской администрации исчезли в хаосе, который они сами же и породили, торговля и города постепенно приходили в упадок. Вожди воинов провозглашали себя королями маленьких королевств, воевали с другими королевствами, расширяя свои земли или теряя их. И только по прошествии нескольких столетий начали формироваться границы таких современных западноевропейских государств, как Франция, Испания и Англия.

Центральная власть при подобных обстоятельствах была чрезвычайно слабой, настолько слабой, что даже не могла взимать налоги. (Для нас это кажется противоречием – власть, которая не взимает налоги.) Германский вождь стал королем, который наделял землями своих ближайших соратников, превратившихся в знать; если вдруг королю требовалось войско, то обеспечить его должны были представители знати. Но они теперь рассматривали выданные им земли как свою собственность и поэтому сами решали, сколько и каких воинов посылать королю, и на какие цели.

В наши дни главы государств иногда принимают парады и инспектируют войска. Они проходят вдоль шеренг, делают вид, что внимательно рассматривают солдат, возможно даже, делают им пару замечаний. Это остатки средневекового обычая, когда король действительно устраивал смотр присланному ему войску и думал: «Какой же сброд мои подданные прислали на этот раз?»

Короли долго боролись за упрочение личной власти: им хотелось править без опоры на знать, установить свою систему сборов налогов, содержать собственную армию и собственный штат чиновников. Но поскольку позиции королей оставались весьма шаткими, некоторые институты они так и не посмели поставить под сомнение. Частная собственность осталась неприкосновенной; землевладельцы превратили земли, которыми они владели на определенных условиях, в свою непререкаемую собственность. И этот факт всегда ограничивал притязания центрального правительства, поэтому европейские короли так и не стали подобием восточных деспотов, даже упрочив свою власть. Если деспоту что-то требовалось, он просто захватывал чью-либо собственность или посылал воинов на базар взять необходимые ему товары. В европейских же монархиях, даже когда они назывались «абсолютными», такого никогда не было. Фраза *«Не все принадлежит*

королю» как нельзя лучше выражает европейское отношение к власти. На основе права собственности выросло представление о правах человека, основополагающее европейское понятие. Убеждение, что власть центрального правительства должна быть ограничена, происходит из того, что когда-то власть правителей действительно была ограниченной.

Ограничение власти сказалось и на экономическом развитии. Уверенность торговца в том, что его товары не отберут, в немалой степени способствовала росту экономики Европы до невиданных в других частях света высот.

Теперь, зная о германских воинах и об их образе жизни, мы не удивимся, узнав, что вскоре после вторжения в империю они приняли христианство. Церковь оставалась единственным институтом, пережившим падение Римской империи. Встречать очередной отряд воинов, пришедших за добычей, часто выходил местный епископ. И именно епископ говорил: «Вы можете получить землю на этой стороне реки, но прошу вас, оставьте нам остальное». Он указывал на дворец бывшего римского наместника, который, вне всяких сомнений, присваивал себе военный вождь, и добавлял, что вождь может в любое время обратиться к нему за помощью в управлении. Вскоре епископы убедили военных вождей, что они получают больше добычи и убьют больше врагов, если признают христианского бога. Это были завоеватели особого рода: завоеватели, принявшие веру завоеванного населения. Церковь совершенно четко дала понять, что новые правители, короли и знать, должны стать заступниками христианской веры. Вот и последняя связь: *Германские воины поддерживают христианство.*

Если теперь мы перечислим все эти связи:

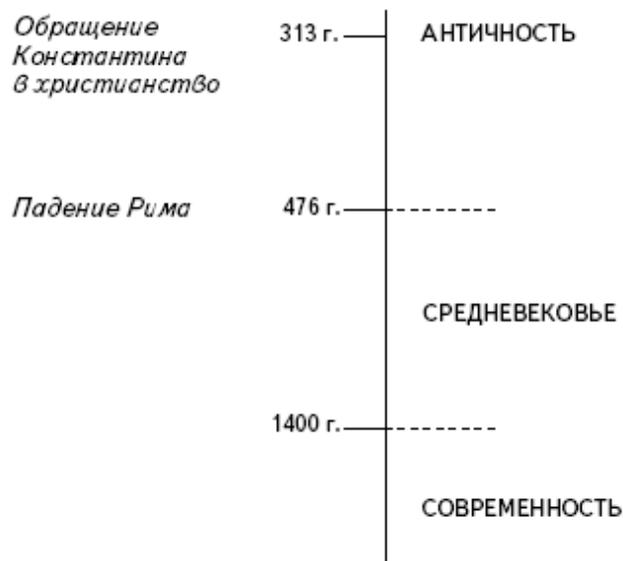

то приходим к следующему заключению:

Очень странное сочетание, не правда ли? Но германцы были вовсе не прирожденными союзниками, поэтому сочетание и оставалось нестабильным. Время от времени оно давало трещину, хотя и продержалось около тысячи лет – примерно с 476 года, когда окончательно пала Римская империя, до примерно 1400 года. Этот период историки называют Средними веками, или периодом Средневековья.

Многие исследователи, рассматривающие историю наиболее широко, считают, что именно в XV веке берет начало современность. Таким образом, мы имеем три эры европейской истории: древняя (античная), средневековая, современная.

На протяжении Средневековья указанные выше элементы составляли единое целое, хотя внутренне они могли изменяться. Возьмем для примера христианство. Чем-чем, а воинственной религией его никак не назовешь. Иисус сказал: «Любите врагов ваших». Первые христиане отказывались поступать на военную службу, и это была одна из причин, по которым римляне относились к ним с подозрением. Но вот христиане заключили союз с германцами, и эти закаленные в битвах воины поддерживали учение, призывавшее подставлять вторую щеку, если тебя ударили по первой щеке. Что это за противоречие? На самом деле оно не настолько велико, как кажется. После того как император Константин принял христианство и сделал его официальной религией, христианству неминуемо пришлось изменить свои взгляды на насилие. Любое государство должно защищать себя, и если церковь хочет найти у государства поддержку, она должна признать его право хотя бы на справедливую войну.

И все же, когда церковь приняла в свое лоно германских воинов, полностью их взгляды она не признала. С течением столетий воины превратились в рыцарей. Рыцарь находил удовольствие в битвах и гордился своей военной доблестью, но сражался он по благородным причинам. Церковь побуждала его сражаться с иноверцами, и он считал это весьма благородной причиной. Церковь поддерживала крестовые походы в Святую Землю, попавшую в руки арабов-мусульман, и даровала некоторые привилегии тем, кто отправлялся туда с мечом.

Король франков Карл Великий крепит меч к поясу Роланда, который, согласно легенде, погиб, сражаясь с мусульманами-сарацинами в Испании

Рыцарь также защищал слабых, особенно благородных дам. Теперь, когда воин руководствовался определенными моральными принципами, посвящение в рыцари происходило в ходе своего рода религиозной церемонии. Его меч клали на алтарь христианской церкви, а затем даровали рыцарю, который после этого должен был отправиться совершать подвиги.

Представление о том, что женщин нужно защищать и уважать, пустило в европейской культуре глубокие корни. После исчезновения рыцарства такое поведение стало считаться обязанностью «джентльмена», наследника христианских рыцарей. Джентльмен должен был демонстрировать свое уважение к дамам, вставая, когда они входили в помещение, не позволять себе садиться рядом с ними и приподнимать шляпу в знак приветствия. Даже меня еще учили этому в школе, и забыть эти правила поведения весьма трудно. Таким образом, меня можно назвать реликвией эпохи Средневековья.

В последние десятилетия женщины пытаются бороться с таким отношением к себе. Они не хотят, чтобы их ставили на пьедестал; они хотят быть равными. Но они часто забывают, что в этой борьбе они

изначально обладают преимуществом: легче бороться, находясь на пьедестале, нежели под пятой на земле. Именно потому что к женщинам в Европе испытывали определенное уважение, феминизм и нашел здесь широкую поддержку.

В других культурах дело обстоит иначе.

Рассмотрим теперь другой источник напряжения в этом союзе разнородных элементов.

Христианская церковь, как мы уже говорили, сохраняла греко-римскую ученость. И это был достаточно активный процесс; церковь не просто ставила древние книги на полку и благополучно забывала о них.

Эти книги дошли до наших дней (и мы можем их читать сегодня) только потому, что церковь делала с них копии на протяжении всех Средних веков. Книгопечатания тогда не существовало, книги ветшали и погибали. Именно монахи в монастырях, часто сами не зная, что они переписывали (отсюда и много ошибок), сохранили для нас большинство культурных сокровищ Древней Греции и Древнего Рима.

Монах-переписчик из Лакруа за работой. Христианская церковь стала хранительницей греко-римской литературы и использовала ее для поддержки своего вероучения

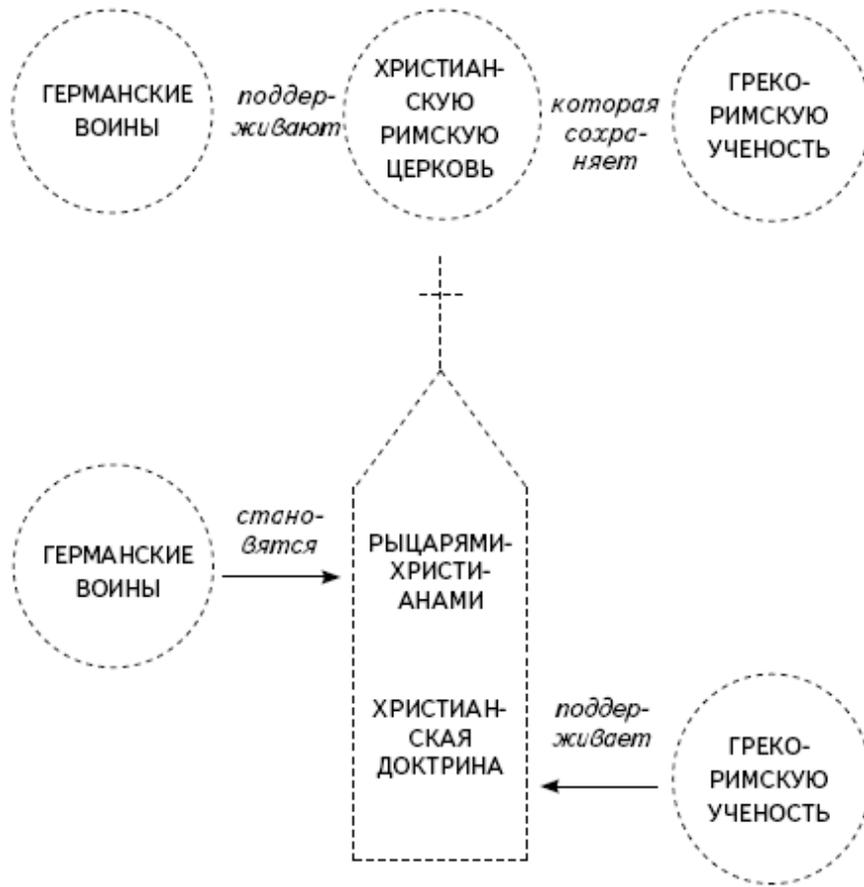
Если воспринимать эту литературу в буквальном смысле, можно прийти к выводу, что она излагает философию, систему ценностей и отношение к жизни, в основе своей не-христианские, языческие. Но церковь в Средние века обладала такой интеллектуальной властью, что никто и не думал воспринимать буквально все, что написано в книгах. Церковь заимствовала из них самое необходимое, переставляла избранные фрагменты по своему усмотрению, совмещала их с отрывками из Библии.

Так возникла христианская теология, то есть описание Бога, Божьего мира и его плана спасения человечества. Таким образом, древнегреческая философия, древнегреческая ученость и древнегреческая логика поступили на службу христианству. Открытие ранее неизвестных текстов не доставляло беспокойства христианским ученым; они переплетали их с уже имеющимися отрывками и составляли новую версию своей теологии.

Давайте подведем итоги всего, что происходило в Средние века. *Воины становятся христианскими рыцарями, а греко-римская ученость поддерживает христианство.*

В центре этих процессов находится церковь, на которую и опирается вся конструкция. Ученость стала христианской, рыцари стали христианскими, весь мир стал христианским.

Примерно после 1400 года этот странный союз начинает разваливаться, и зарождается то, что историки называют современностью.

ХРИСТИАНСКИЙ МИР

Глава вторая

ЕВРОПА СОВРЕМЕННАЯ

Сочетание элементов, легших в основу европейской цивилизации, не отличалось стабильностью. Оно продержалось достаточно долго – почти тысячу лет на протяжении Средних веков, – но отношения между его составными частями были далеко не гармоничными. Примерно после 1400 года эта конструкция начала разваливаться. Впервые это произошло в эпоху Возрождения.

Эпоху Возрождения часто описывают как эпоху открытия древнегреческой и римской учености. Но многие древние книги были известны и раньше, они никуда не пропадали, хотя в то время действительно были открыты некоторые древние знания. Изменилось же то, что если прежде древние знания использовала в своей теологии церковь, то теперь появились ученые, как правило вне церкви, пытавшиеся представить себе, как выглядел греко-римский мир во время порождения этих знаний. Они хотели создавать такие же произведения искусства, как древние художники, строить такие же здания, как древние архитекторы, писать по-латыни точно так же, как писали древние, и думать точно так же, как они. Они пытались вообразить древний мир, дохристианский и языческий, о котором церковь часто умалчивала, пользуясь древним знанием в своих целях.

Это был также и более «мирской» свет. Древних интересовал сам человек и его дела на земле, а не жизнь после смерти. Древние восхваляли способности человека, подчеркивали его сильные стороны, а не рассуждали о его порочности. Это был очень открытый в интеллектуальном отношении мир, к которому теперь прикоснулись и ученые эпохи Возрождения. Среди древних философов наблюдалось поразительное разнообразие мнений, и многие мыслители высказывали совершенно противоположные взгляды на то, как следует жить и каких моральных принципов следует придерживаться. Их споры и рассуждения вовсе не ограничивались жесткими рамками, которые церковь накладывала на мысль.

Но ученые эпохи Возрождения напрямую на церковь не нападали. Они также придерживались различных мнений, но в общем их взгляды

на христианство были во многом сродни взглядам на религию людей античности, то есть они считали, что религия в обществе должна существовать, что в целом она представляет собой благо или необходимость, но помимо ее существует и многое другое.

Религия не должна контролировать всю жизнь и всю мысль, что было целью церкви. После ослабления этого контроля европейская мысль стала более широкой, живой и менее догматичной.

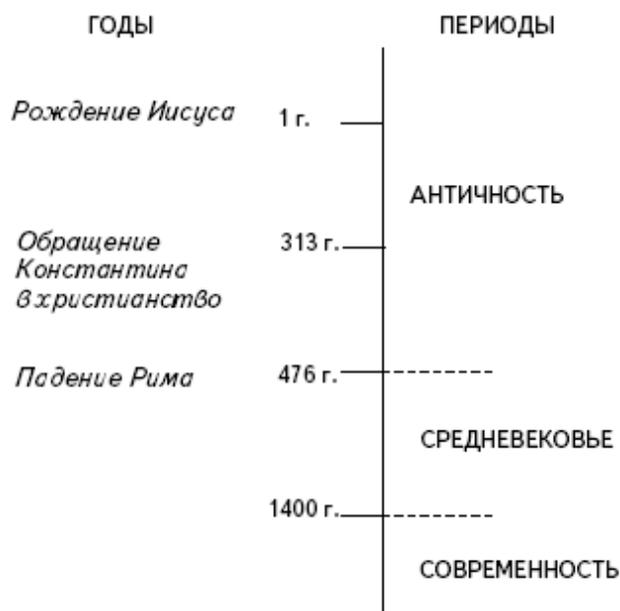
В эпоху Возрождения начался долгий процесс секуляризации европейского общества. Секулярное общество – это общество, в котором религия существует, но как частное дело его членов или групп людей, придерживающихся одного мнения, как в наше время. Религия не играет главной роли в обществе; она не навязывает свои правила и ритуалы всем без исключения и не контролирует мысль.

В ту эпоху люди одной культуры и традиции представляли себя наследниками другой культуры и традиции. Если хотя бы однажды попробовать такое, то уже никогда не станешь прежним. Ничто уже не покажется твердым и незыблемым. Европейское мышление буквально сбросило свою старую кожу, как это ему предстояло сделать еще не раз.

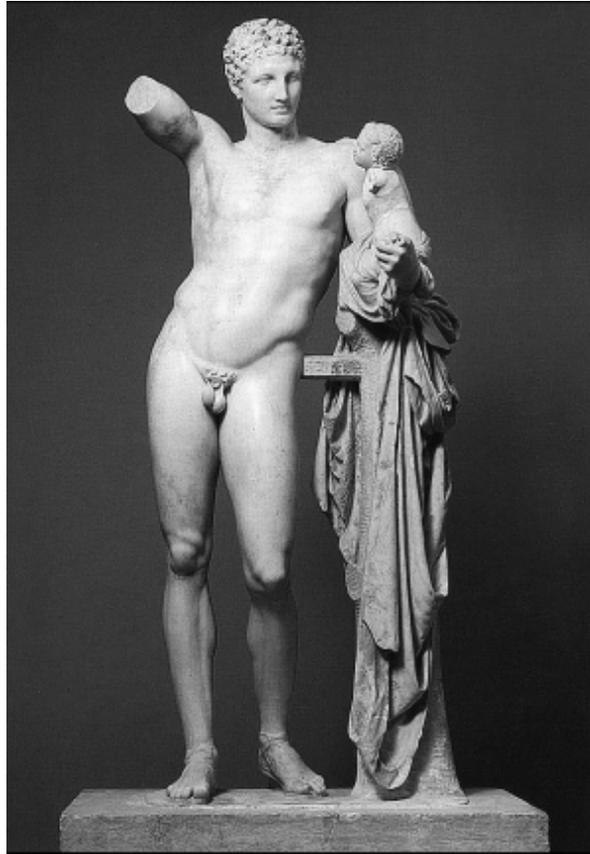
Люди эпохи Возрождения впервые назвали время Древней Греции и Рима «классическим» периодом. «Классический» в данном случае означает «лучший»: классический образец, классическое исполнение, то, что невозможно превзойти. Они верили, что достижения древних в области литературы, искусства, философии и науки превзойти уже невозможно. Если им удавалось хотя бы немного приблизиться к этим образцам, они считали это своим достижением. Таким образом, эпоха Возрождения придала новый смысл одному из элементов европейского комплекса: *классическая ученость совершенна.*

Наша система исчисления времени покоится на двух разных основаниях и служит постоянным напоминанием о противоречивой природе нашей цивилизации. Мы отсчитываем года с рождения Христа и в этом смысле до сих пор признаем нашу цивилизацию христианской. Первым годом «нашей эры» считается год рождения Иисуса Христа (на самом деле он родился не в первом году нашей эры, а, скорее всего, в шестом или четвертом году до нашей эры). Раньше так и говорили: «До Рождества Христова» и «после Рождества Христова». Но мы делим историю на крупные периоды – Античность, Средние века, современность, – которые не имеют с христианством ничего общего. В эпоху Возрождения было принято считать, что мир достиг совершенства в античную эпоху, а после этого человечество постепенно деградировало и утратило свое наследие. Этот период «потери наследия» и называется теперь Средними веками, когда церковь достигла величия и обрела власть над интеллектуальной и общественной жизнью. Таким образом, «Античность, Средние века и современность» – это не христианское деление времени на эпохи.

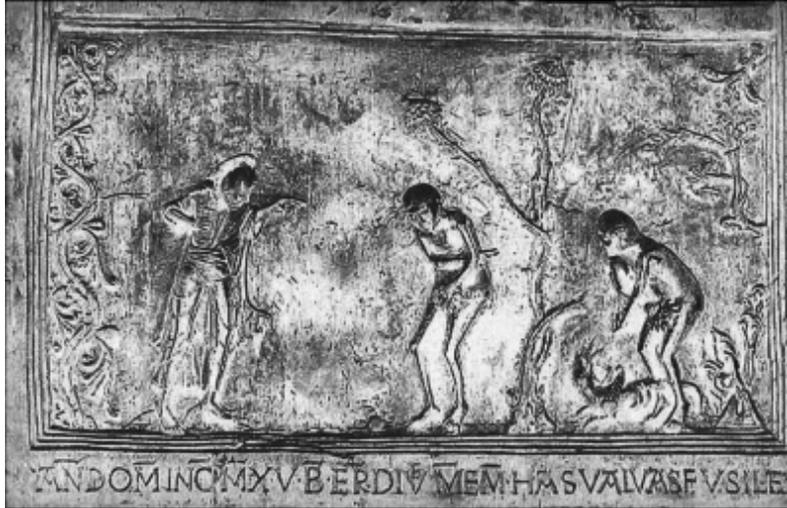

Смену этих эпох можно проиллюстрировать на примере трех скульптурных изображений. Первая – это древнегреческая скульптура, поэтому у нее и отсутствует одна рука. До нас дошло относительно мало настоящих древнегреческих скульптур; обычно мы знакомы с ним по римским копиям, которые не настолько хороши, как оригиналы. В данном случае перед нами бог Гермес с младенцем-Дионисом работы Праксителя. Человеческое тело, как объект красоты совершенства – это древнегреческое изобретение. Как пишет историк искусства Кеннет Кларк, нагота – это не то же самое, что просто голое тело. Нагота самодостаточна и совершенна сама по себе; голое же тело – это тело, лишенное одежды и определяемое через ее отсутствие. Конечно, не все мужские тела выглядят именно так: греки не ставили своей целью передать особенности того или иного тела. Они стремились найти в теле совершенство и с помощью математики рассчитали пропорции, которые кажутся нам самыми красивыми и доставляют удовольствие нашему взору.

Гермес работы Праксителя

Вторая скульптура передает средневековый взгляд на тело человека; это барельеф с дверей собора города Хильдесхайм в Германии. На нем изображены Адам и Ева, съевшие запретный плод вопреки запрету Бога. Адам обвиняет Еву; Ева обвиняет змея; оба они стыдятся своей наготы и пытаются прикрыть ее. Можно даже сказать, что перед нами не нагие, а просто голые тела, воплощение христианского учения о порочности тела как источника греха.

Адам и Ева перед Богом, барельеф на бронзовых дверях собора в Хильдесхайме

Третья скульптура – произведение Микеланджело эпохи Возрождения, который ориентировался на древнегреческие образцы и вернулся к идее наготы. Его Давид – пример совершенного человеческого тела: благородный, прекрасный и целеустремленный человек; как говорил Гамлет: «В делах подобен ангелу, в понятии – Богу».

Давид работы Микеланджело

В этом переходе от наготы к голому телу и снова к наготе и заключается движение от античности к Средневековью и от Средневековья к Возрождению, которое уже можно назвать современностью.

* * *

Возрождение было первым толчком, потрясшим средневековый мир. Вторым стала Реформация XVI века. Это была уже прямая атака на церковь. Реформация ставила перед собой цель вернуть христианскую церковь в состояние, в котором она находилась до того, как стала римской. Как мы уже видели, церковь вобрала в себя много римских черт, потому что она развивалась внутри Римской империи; когда империя рухнула, церковь продолжила свою деятельность под началом папы, игравшего своего рода роль императора, а также архиепископов и епископов, которые действовали подобно администраторам древней империи. На местном уровне церковными

делами руководили священники. Это была независимая религиозная организация со своими законами, наказаниями, тюрьмами и налогами.

Папа и епископы не только управляли церковью, но и считали **что** считать ее учением. Церковь возвещала о спасении, но только под собственным контролем. Ради спасения требовались священники и епископы. Нужно было причащаться, ходить на службу, во время которой священник совершал таинство превращения вина и хлеба в плоть и кровь Христову. Нужен был священник, который выслушивал бы исповедь, отпускал грехи и налагал епитимью, веля прочитать определенное количество молитв, совершить паломничество или даже бичевание себя перед алтарем. Если умирал богач, священник вполне мог убедить его, что ему не видать царствия небесного, пока он не завещает свои богатства церкви.

В Средние века многие священники, епископы и архиепископы принимали сан не потому что они были такими уж набожными или благочестивыми; мужчины вступали в ряды священнослужителей, потому что церковь была самой крупной и богатой организацией того времени. Тогда принимали сан по тем же причинам, по которым сегодня поступают на государственную службу, занимают пост в крупной корпорации, становятся политиком или преподавателем университета, чтобы получить хорошую и интересную работу, зарабатывать много денег, хорошо жить, наслаждаться властью. Церковь предоставляла человеку разнообразные возможности разбогатеть и обеспечить не только себя, но и своих родственников и друзей.

Вместе с тем эта богатая коррумпирующая организация проповедовала учение Иисуса Христа и продолжала дело первых христиан. Иисус со своими последователями отличались смирением, а папы и епископы проживали во дворцах. Иисус предупреждал об опасности богатства, и первые христиане собирались в домах своих единомыслителей.

Все это записано в Библии, поэтому сами священные тексты церкви могли стать настоящим динамитом в руках ее критиков. Как же церкви все эти долгие годы удавалось сохранять ведущую роль в обществе, не подвергая себя критике?

Поскольку Библия была записана на латинском языке, прочесть ее могли немногие. Церковь объявила себя непререкаемым авторитетом в

толковании Священного Писания, и если кто-то использовал Библию для критики церковного учения или практики, он создавал себе немало хлопот. Таких людей сжигали на кострах как еретиков, то есть неверующих или противников христианства, представляющих опасность как для себя, так и для всего христианского мира. Но в XVI веке одному из еретиков удалось не только избежать сурового наказания, но и стать основоположником целого религиозного движения. Его звали Мартин Лютер.

Лукас Кранах. Портрет Мартина Лютера, 1532 г.

Лютер был монахом, серьезно воспринимавшим религию. Он часто задумывался о собственном спасении: что сделать ему, грешнику, чтобы заслужить вечную жизнь? Однажды он прочитал Послание Павла к Римлянам, где апостол утверждал, что человека спасает вера в Христа. Лютер пришел к выводу, что не нужно ничего специально *делать*, чтобы обрести спасение; в особенности не нужно во всем полагаться на священников и слепо следовать их указаниям. Нужно только верить, то есть иметь веру в своем сердце; *спасает одна лишь вера* – вот основной пункт учения Лютера. Верьте в Христа, и вы обретете спасение. Конечно, каждый благочестивый человек должен

вести праведную жизнь и поступать так, как завещал сам Христос. Но сами по себе эти поступки не помогут обрести спасение. В этом и состоит фундаментальное различие между протестантизмом и католицизмом. Католики считают благие дела неотъемлемой частью спасения. Паломничество, пожертвования, раздача милостыни бедным – все это помогает заслужить благосклонность Бога. Лютер же сказал, что это не так: как поступки, пусть даже благородные, могут сделать нас, грешных и испорченных существ, лучше в глазах Бога? Единственное, что нам остается, – это верить, и если мы будем верить, то, как пообещал Бог, мы обретем спасение.

Это религиозное течение отличается крайним индивидуализмом; весь тот огромный аппарат, который церковь создала за многие столетия, Лютер отбросил как совершенно ненужный. Такие взгляды, разумеется, не нашли поддержки в Риме. Папа отверг всю критику Лютера и его учение о спасении. Лютер в ответ гневно осудил папу. *Что этот человек возомнил о себе? Нам говорят, что он представитель Бога на земле, но в действительности он враг Христа, то есть Антихрист. Он живет в роскоши, носит тиару, заставляет посетителей целовать свои ноги; его носят в паланкине на своих плечах слуги, тогда как из Библии мы знаем, что Христос ходил пешком.* Библия была основным аргументом Лютера в его критике церкви. Если что-то не описано в Библии, церковь не должна настаивать на этом и следовать этому на практике. Библия становилась единственным авторитетом. Порвав с Римом, Лютер сразу же перевел Библию на немецкий язык, чтобы каждый мог сам прочитать ее и сам обрести спасение.

Таким образом, Реформация была движением за реформирование церкви в соответствии с духом и словом Библии. Она стремилась восстановить жизнь ранней церкви. Основным ее лозунгом можно назвать следующий: *Христианство – не римское.*

Каким же образом Лютер избежал казни как еретик? Тому есть ряд причин. Одна из них – изобретение книгопечатания. Все критические мысли Лютера и его гневные осуждения папства немедленно печатались и расходились по всей Европе. Книгопечатание было изобретено всего лет за пятьдесят до первых нападок Лютера на церковь. Прежде чем папа смог дать организованный отпор Лютеру, все уже прочитали его критику. Лютер был уже не просто еретик,

опирающийся на немногочисленных последователей в одной стране, как неоднократно бывало раньше; этот человек быстро обрел поддержку в разных странах. Другая причина, по которой Лютеру удалось выжить, заключается в том, что некоторые немецкие князья поддержали его нападки на Рим. Германия в то время не была единой страной; в ней существовало много государств. Отчасти этим объясняется то, что церковь пользовалась в Германии большей властью, чем в централизованных Франции и Англии. Она владела обширными землями (в некоторых местах до половины всех земель), собирала многочисленные подати с населения, а папы назначали епископов без согласия местных властителей. Последовав за Лютером, немецкие князья получили возможность захватить церковные земли, назначать своих собственных епископов и не отсылать денежную подать в Рим. Лютеранская церковь была признана в половине немецких княжеств, и из Германии лютеранство распространилось на севере Европы, в Швеции, Дании и Норвегии. Англия приняла свою разновидность протестантизма, англиканство.

Вскоре у Католической церкви появился целый ряд противников. Протестантство разделилось на разные формы, специфические для каждой страны. Получилось так, что некоторые ответвления стали своего рода национальными церквями, тогда как католицизм оставался международной организацией. Как только люди начали самостоятельно читать Библию, на чем настаивал Лютер и другие реформаторы, они стали находить поводы подвергать критике и самого Лютера. В протестантстве продолжали возникать различные течения, поэтому у него не было верховного авторитета, который устанавливал бы единое прочтение Библии и единые нормы церковной жизни.

Протестантизм и католицизм более ста лет воевали друг с другом в буквальном смысле этого слова. Представители одного лагеря считали представителей другого лагеря не то чтобы христианами иного сорта, и даже не иноверцами, а антихристианами (антихристами), врага мистической церкви. Каждый был убежден, что сохранить истинное учение можно, только полностью уничтожив другую сторону, и такие убеждения привели к настоящей резне. Противники были убеждены, что лучше убить протестанта или католика, чем позволить ему проповедовать учение, оскорбительное для Бога и наносящее вред его церкви на земле. Но после того, как через сто лет войн ни одна сторона

не взяла верх, протестанты и католики заключили нечто вроде длительного перемирия, а затем постепенно возникла концепция веротерпимости. Поначалу было признано, что существуют страны католические и страны протестантские, а потом – и это было действительно великое достижение, – что разные формы христианства могут существовать и в одной стране, о чем ни протестанты, ни католики поначалу даже и подумать не могли.

Как Возрождение, так и Реформация были движениями, обращенными в прошлое; они пытались отделить один из элементов европейского комплекса от остальных. Представители Возрождения пытались возродить греко-римскую ученость, протестанты стремились возродить христианство первых веков, до того как оно переняло римскую организационную структуру. Католичество же продолжало признавать авторитет документов, важных для обоих течений. Оно сохраняло греко-римские тексты, на основании которых ученые эпохи Возрождения пытались подвергнуть сомнению авторитет католицизма, и сохраняло Библию, на основании которой протестанты пытались опровергнуть теологию и практику католицизма.

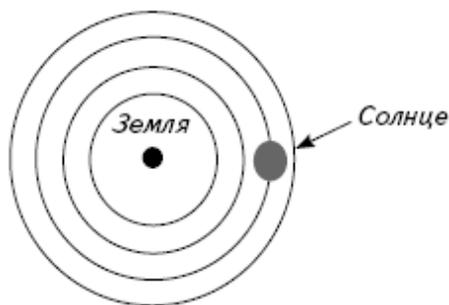
Теперь мы подходим к явлению, благодаря которому европейская культура обратила свой взор в будущее, стала верить в прогресс, в то, что со временем все становится только лучше, что, в общем-то,

довольно необычно. Вера в прогресс возникла в результате научной революции XVII века. Это период, в который зарождается современная наука.

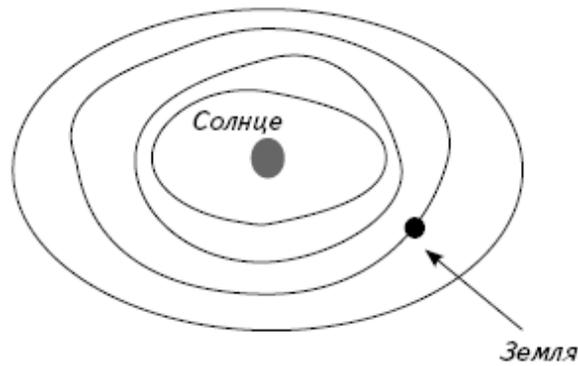
В начале XVII века сочинения древних греков по-прежнему оставались авторитетным источником знаний об окружающем мире.

Согласно воззрениям древних, Земля находилась в центре Вселенной, а все другие планеты, включая Луну и Солнце, вращались вокруг нее. Древние греки считали, что Земля неподвижна; нам ведь не кажется, что она движется, да и какая сила способна сдвинуть такую громадину? С другой стороны, мир на Земле не идеален – здесь все меняется и уничтожается со временем, а на небесах должен быть идеальный, не меняющийся мир.

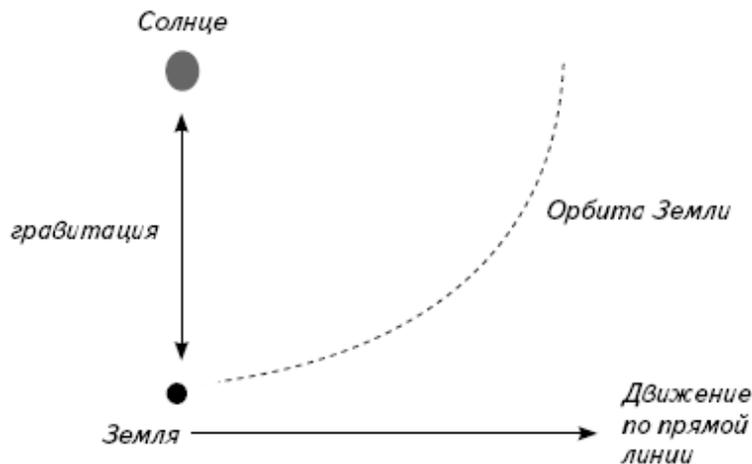
Почему планеты движутся по кругу? Потому что круг представляет собой идеальную фигуру. Согласно древнегреческой геометрии, существуют идеальные фигуры, примером которых служат круг и квадрат. Так что планеты движутся кругами, а поскольку они находятся в идеальном мире, то для движения им не требуется никакой посторонней силы. Они вечно кружат по своему гармоничному пути.

В XVII веке на смену этой точке зрения пришла другая, которую мы до сих пор воспринимаем как истинную. В центре этой системы находится Солнце; планеты движутся вокруг Солнца, но не по окружности, а по эллипсу; Земля – это одна из планет, вращающихся вокруг Солнца, а Луна вращается вокруг Земли. И это единая система: пропало деление на идеальный и неидеальный миры. Все движения в этой системе объясняются одним законом или одной серией законов.

Что же заставляет двигаться Землю и другие планеты? Как сказал Исаак Ньютон, всякое тело во Вселенной продолжает движение по прямой линии, если на него не действуют никакие силы. Кроме того, во Вселенной существует взаимное притяжение тел. Все тела притягивают друг друга: эту книгу притягивает к себе Земля точно так же, как она притягивает к себе Луну, а Землю притягивает к себе Солнце. Приливы на Земле сменяются отливами из-за меняющейся взаимной силы притяжения Земли и движущейся вокруг нее Луны. Это единая система, удерживающая всю материю. Теперь мы можем сказать, почему планеты движутся именно так. На них действуют две силы: инерция движения, заставляющая их двигаться по прямой, и сила притяжения Солнца. В результате взаимодействия этих сил планеты обращаются вокруг Солнца по эллиптическим орбитам.

Притяжение между всеми телами Ньютон обозначил термином «гравитация», и он же сформулировал Закон всемирного тяготения, выраженный в виде математической формулы. Этот закон гласит, что

притяжение усиливается при уменьшении расстояния между телами; кроме того, сила притяжения напрямую зависит от массы тел. По мере удаления тел друг от друга притяжение уменьшается и в той или иной степени зависит от расстояния между ними. Точнее, уменьшается оно в зависимости от расстояния, возведенного в квадрат, то есть довольно быстро. Так, например, если расстояние между телами увеличится вдвое, то притяжение между ними уменьшится в четыре раза (2×2). Вот формула этого закона – единственная формула, которой я побеспокою вас. Ньютон с ее помощью рассчитывал притяжение между Землей и Солнцем.

$$F = G \frac{m_1 \times m_2}{r^2}, \text{ где}$$

F — величина силы взаимного притяжения тел, G — гравитационная постоянная, m_1 — масса первого тела, m_2 — масса второго тела, r — расстояние между двумя телами.

Формулы, подобные этой, напоминают нам как о том, что в основе науки лежит математика, так и о том, что греки оказались правы: мир объясняется простыми законами, выраженными математическими формулами. Ученые XVII века развенчали многие древнегреческие представления о строении мира, но сохранили математический метод объяснения окружающей действительности.

Представьте себе только, что это за великолепное достижение – понять, какое место мы занимаем во Вселенной, на третьей планете от Солнца, и как устроена вся система! Ведь людям свойственно ставить себя в центр мироздания; свойственно доверять своим чувствам и считать, что Земля неподвижна. Им было свойственно и доверять авторитету мудрых греков. Над всем этим наука XVII века одержала решительную победу.

Основной лозунг научной революции можно сформулировать так: *Греки ошибались*. Уважение к классикам было подорвано. Мы не только сравнялись во всем с древними, но и превзошли их.

Ученые, конечно, отличались большим умом, но куда он их завел? Они обнаружили, что человечество находится не в центре Вселенной, а где-то, можно сказать, на окраине. Такова судьба западной цивилизации — мы умны, но постоянно доказываем свою незначительность. Еще более радикальный вывод был сделан в XIX веке, когда Дарвин предположил, что человек имеет общих предков с обезьянами. Это предположение еще сильнее уменьшило притязания человека на то, чтобы считаться венцом творения. Мы не находимся в центре мироздания; мы не венец творения; мы выходцы из царства животных; и мы стали такими, какими есть, в силу случайных обстоятельств.

Церковь, как протестантская, так и католическая, выступила против нового учения, гласящего, что в центре мироздания находится Солнце, а Земля вращается вокруг него. В Библии сказано, что Землю сотворил Бог, как и Солнце со звездами над нею. В конечном счете церкви пришлось пойти на уступки и признать правоту ученых, как это произошло и в случае с Дарвином, из-за чего она в значительной степени утратила свой авторитет.

Но поколения, выросшие после свершения научной революции, вовсе не считали, что научные открытия принизили величие человечества. Напротив, был сделан вывод, что мы можем пойти и дальше, раз уж силой своего ума выяснили, как работает механизм Вселенной, и описали его математическими формулами; благодаря разуму мы сможем поднять уровень своей жизни до таких высот, о

каких сейчас даже и не мечтаем. Именно это желание положить в основу всего разум и породило Просвещение, интеллектуальное движение XVIII века, главной целью которого было преобразование всех общественных институтов, от политики до морали и теологии на основе разумных принципов.

Просвещение зародилось и заняло наиболее прочные позиции во Франции. Ученые эпохи Просвещения считали, что миром правят невежество и предрассудки. Самыми иррациональными, то есть неразумными, силами в обществе они считали Католическую церковь и власть короля, абсолютного монарха Франции. Церковь и король поддерживали свою власть, используя предрассудки и невежество народа. Церковь выдумывала истории о чудесах и вечном наказании в аду, чтобы держать народ в узде и навязывать ему свои порядки. Короли придумывали истории о том, что они ставленники Бога и что выступать против них – это все равно что выступать против церкви; у народа не оставалось иного выбора, кроме как подчиняться. Один из деятелей эпохи Просвещения выразил свою программу следующим образом: «Человек не будет свободным до тех пор, пока последний король не будет повешен на кишках последнего священника».

Впрочем, это слишком радикальное мнение. Просвещение не было не только революционным, но даже политическим движением. Оно представляло собой лишь некое объединение ученых, писателей, художников и историков, считавших, что с распространением образованности предрассудки и невежество будут искоренены и что люди перестанут верить в сказки о чудесах или о королях, правящих от имени Бога. Просветители полагали, что, если все получат образование, наступит эпоха мира и гармонии. Но ведущие представители Просвещения не были демократами; они были бы рады видеть на троне просвещенного правителя, воплощающего их планы по преобразованию общества на основе разума. Некоторых монархов эпохи Просвещения и в самом деле можно назвать своего рода «просвещенными государями». Они отказались от варварских пыток и наказаний; они составили кодексы законов и начали задумываться о распространении образования среди широких масс.

Одним из величайших плодов Просвещения стала *Энциклопедия*, первая среди современных энциклопедий. Она примечательна тем, что предлагала своим читателям не сухое изложение фактов, записанных

учеными, признанными авторитетами в своей области знания. Это был фундаментальный литературный труд, потому что его авторы старались всему дать разумное обоснование и ничему не отдавали предпочтение. *Энциклопедия* начиналась не с обсуждения теологии и Бога, как того хотела бы церковь. Бог в ней описан в статьях на букву D (Dieu) и R (Religion), то есть организована *Энциклопедия* по алфавитному принципу, а это уже само по себе был вызов церкви, претендующей на высшую истину. Точно так же описывались все другие области знания и объяснялись на общих основаниях. О почитании Бога, например, в ней было написано следующее: «Почитание Бога не должно отходить от принципов разума, потому что сам Бог создал разум...»

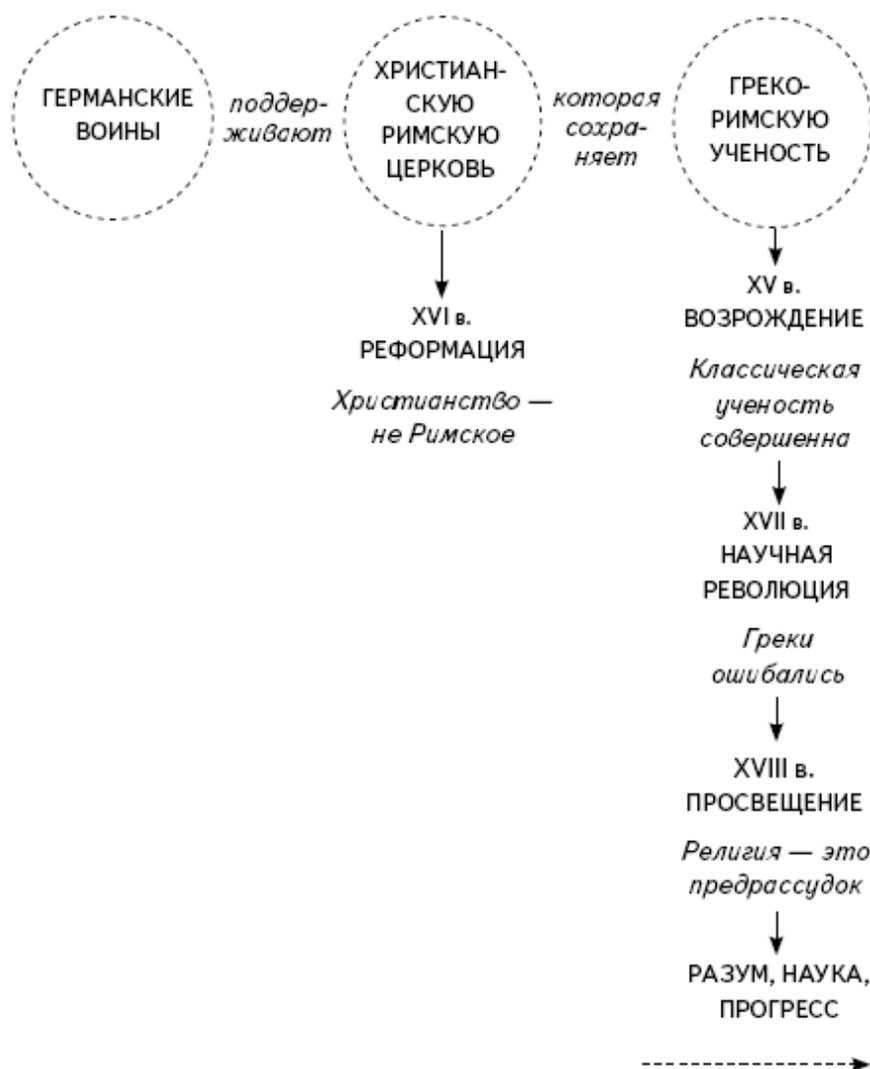
Издателям *Энциклопедии* приходилось соблюдать осторожность и воздерживаться от прямых нападок на церковь или короля, потому что во Франции XVIII века существовала цензура, хотя цензор и сам симпатизировал изданию, и однажды даже предложил хранить печатные формы у себя дома, как в самом безопасном месте.

Проследить за тем, как *Энциклопедия* вторгалась на заповедные территории, можно на примере статьи о Ноевом ковчеге. Она начинается с вопроса о том, насколько велик был этот ковчег. По всей видимости, он был довольно внушительных размеров, поскольку в нем должны были поместиться не только все европейские животные по паре, но и все животные остальных частей света. И не только животные, потому что животным необходим был корм, пока ковчег оставался на плаву. Одной овцы и одного барана было явно недостаточно, потому что львам потребовались бы сотни овец. Таким образом, ковчег был поистине невероятных размеров. Но в Библии сказано, что над ним работало только четыре человека. Какими же огромными и сильными были эти люди! Так под видимостью искреннего любопытства *Энциклопедия* развенчивала миф и сводила его к абсурду.

Деятели эпохи Просвещения не обязательно ставили под сомнение существование Бога, как творца Вселенной, или высшего разума, давшего ее развитию первый толчок. Они выступали против того, что называли предрассудками, и против контроля церкви за мыслью. Им были ненавистны церковные проповеди о том, что в случае непослушания люди будут гореть в аду. Лозунг Просвещения можно сформулировать следующим образом: *Религия – это предрассудок*. Так

что религию, которая некогда была основной составляющей европейской цивилизации, нужно оттеснить на задний план, а на ее место поставить разум. Если руководствоваться во всем *разумом* и *наукой*, в обществе будет наблюдаться *прогресс*. Стрелка в нижней части диаграммы уводит нас из тьмы к свету.

Прогресс был новым понятием. В древности люди не верили в прогресс; они верили, что все в этом мире подчиняется циклу роста и увядания, что в начале своего пути все общественные институты отличаются свежестью и силой юности, а затем начинается процесс разложения. Вся история идет по кругу. Церковь также не верила в прогресс, по крайней мере не в прогресс, который человечество может достичь независимо от Бога, потому что человек для нее был изначально греховен. Руководствуясь одним лишь собственным разумом, люди никогда не построили бы идеального общества.

* * *

Идеи Просвещения подверглись первым испытаниям во время Великой французской революции в конце XVIII века. Как ни прискорбно это признать, но, уничтожив власть короля и церкви, революция отнюдь не открыла новую эру просвещения; она обернулась кровопролитием, тиранией и диктатурой. Но прежде лишился своей стабильности еще один элемент европейской конструкции. Это произошло в рамках романтизма, художественного движения конца XVIII и начала XIX веков.

Романтики считали, что людьми движут страсти, чувства и эмоции, что прямо противоречило основным постулатам Просвещения, верившего в превосходство разума. Романтизм как движение распространился по всей Европе, но самые глубокие корни пустил в Германии. Последователи романтизма не желали контролировать свои чувства и страсти. Настоящий художник или писатель, по их мнению, не должен копировать труды классиков, изящно переиначивая старые темы на новый лад; вместо этого художник должен обнажать свою душу, пробуждать страсти, демонстрировать отчаяние и разочарование. Искусство должно быть эмоциональным, экспрессивным, в высшей степени выразительным.

Идеи немецкого романтизма развивались в противоположность идеям французского Просвещения. Немецкие романтики утверждали, что нельзя рассуждать о человеке и обществе абстрактно, потому люди разные, в зависимости от внутренних условий страны, в которой они проживали. Романтики говорили, что нас определяют наш язык и наша история. Это неразрывные составляющие нашей личности. Отсюда следует, что немцы, со своей историей и со своим языком, никогда не будут во всем походить на французов. Универсального разума не существует, что бы там ни говорили французские интеллектуалы в своих литературных салонах. Мы немцы, и мы хотим понять, что такое быть немцем и что такое немецкая культура. Немецкие романтики стремились узнать, какими были воины германских племен до того, как они соприкоснулись с римской цивилизацией и христианством. Они буквально силой вырывали германский элемент из европейской конструкции. Им нравились эти дикие и дерзкие народности, обитавшие в лесах, нравились их сила и жестокость, представлявшая такой разительный контраст со слабостью и утонченностью интеллектуалов. Им нравились их предки, жившие на своей земле и не знавшие никакого другого образа жизни, кроме собственного.

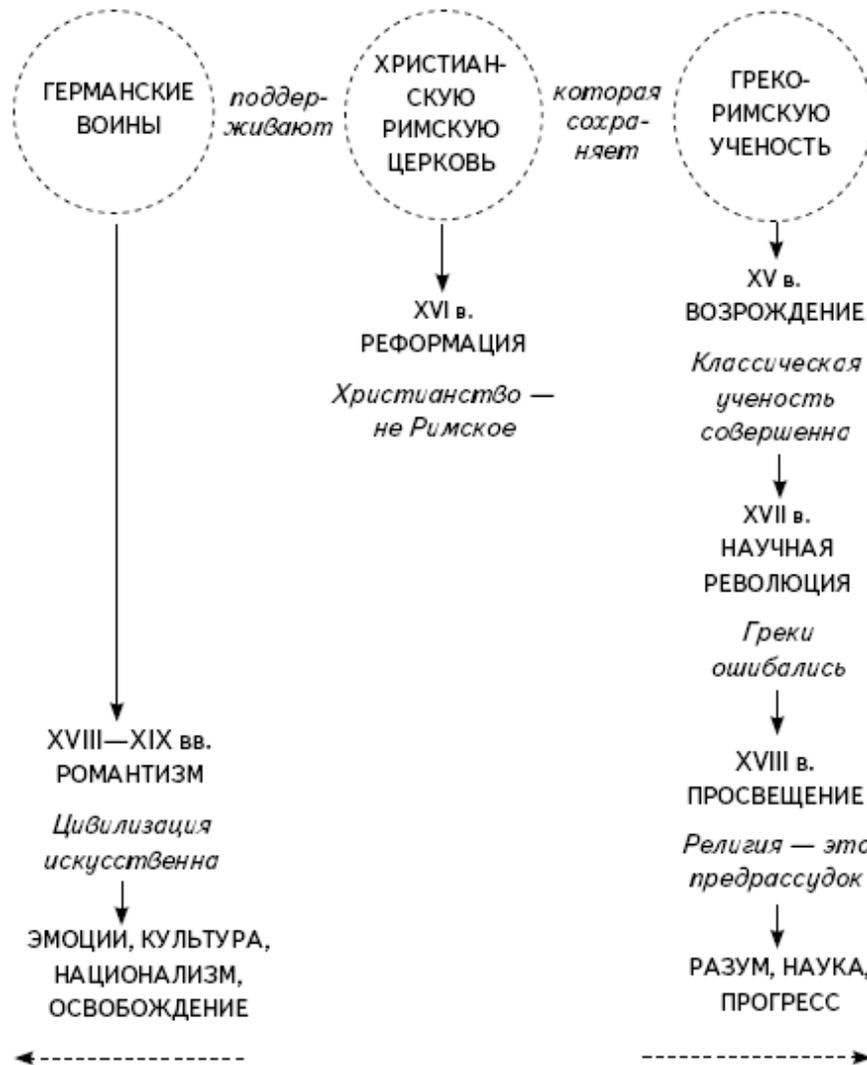
В ту эпоху как раз и зародились наш интерес и уважение к народной культуре. Чем сидеть в душном литературном салоне и рассуждать на отвлеченные темы, лучше натянуть походные башмаки и отправиться путешествовать в народ, к крестьянам, слушать их легенды и песни – вот где можно обрести настоящее просвещение. Лозунг романтизма можно выразить так: *цивилизация искусственна*; она

сдерживает и ограничивает нас. Полнотой жизни можно наслаждаться только в традиционной культуре.

С тех пор подобные настроения всегда были сильны в западном обществе. Одна из волн их подъема приходится на 1960-е годы: давайте освободимся от всяких правил, будем жить просто и неприхотливо, будем сами выращивать себе пищу и сами ткать одежду. Давайте отрастим волосы, станем жить коммунарами, не будем стесняться в выражении своих чувств и будем прямы в своих отношениях с другими. И давайте во всем равняться на «простых» людей, от рабочих и крестьян до «благородных дикарей».

Романтизм также создал предпосылки для оформления идеологии национализма, который до сих пор остается одной из главных движущих сил современного общества. Согласно этой идеологии люди, говорящие на одном языке и принадлежащие к одной культуре, должны жить вместе, в своем собственном государстве. Недостаточно продумать общие правила, регулирующие абстрактную власть; если правительство не принадлежит к тому народу, которым управляет, оно не может быть хорошим правительством. Сербы должны жить вместе в сербском государстве с сербским правительством; хорваты должны жить вместе в хорватском государстве с хорватским правительством. Если сербы и хорваты живут в одном общем государстве, то предполагается, что они лишены возможности самовыражения. Ни одна нация не может защищать свои интересы и развивать свою культуру, пока у нее нет собственного государства – такова идеология национализма.

Романтизм верил в *эмоции, культуру, национализм и освобождение*; эта стрелка на диаграмме направлена в противоположную сторону от стрелки разума, науки и прогресса.

Теперь наша диаграмма приобрела законченный вид. На ней вы видите, что происходило после 1400 года. В центре, где в эпоху Средневековья находилась церковь, появилось пустое место. Возрождение, Реформация, научная революция, Просвещение, романтизм – все это в той или иной степени подрывало авторитет церкви, растаскивая элементы европейской общности в разные стороны.

Церковь, то есть Католическая церковь, до сих пор пользуется определенным авторитетом в обществе, и если вы придерживаетесь идеалов Просвещения, то вам, пожалуй, придет в голову мысль, что критиковать папу стоит и в наши дни. Многие просвещенные люди, например, считают, что контроль за рождаемостью – это хорошо, но папа утверждает, что это противоречит учению церкви и что никакие

прагматические соображения не должны мешать Божьему промыслу. Даже если многие католики на Западе сегодня не согласны с папой, они с церковной точки зрения неправы. В целом же наше общество очень далеко продвинулось по пути секуляризации.

Очень сильны в наше время тенденции науки и прогресса, с одной стороны, и эмоций и освобождения, с другой. Иногда они поддерживают друг друга, иногда противостоят друг другу. Задумайтесь, как эти две силы до сих пор разделяют нас. Для начала прочтите отрывок из Библии, повествующий о сотворении человека.

И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул ему в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою. И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке; и поместил там человека, которого создал. <...> И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему. <...> И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку. И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою; ибо взята от мужа. Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут одна плоть.

Что вы скажете, если я предложу отменить преподавание биологии в школах и вместо теории эволюции рассказывать детям о сотворении человека, каким оно описано в Библии? «Нет, ни за что», – ответите вы, ведь вы же считаете себя просвещенными и прогрессивными. Если родители хотят, чтобы их дети знали об этом, пускай сами читают им Библию. А если сохранить биологию, но преподавать ее вместе с основами христианского вероучения? «Но ведь наука доказала, что мы произошли от животных, пусть только этому и учат в школах», – возразите вы. «Никто не мешает всяким сумасшедшим креационистам проповедовать свои идеи, но зачем же пускать их в школы?»

А теперь прочитайте другой отрывок, на этот раз из мифов австралийских аборигенов.

Однажды жил старик, который очень любил своего племянника. Молодой человек отправился в далекую страну, где влюбился в одну девушку. Влюбленные бежали, но старейшины племени погнались за ними, потому что девушку пообещали отдать в жены одному из стариков племени. Они догнали молодого человека и убили его. Когда об этом узнал его дядя, он очень огорчился, потому что любил своего племянника. Несмотря на свой возраст, он отправился в ту страну, чтобы принести тело молодого человека домой. Старику было трудно нести тело, ведь он был стар, а молодой человек был уже взрослым и большим. Но все-таки старик принес домой тело племянника и похоронил его по обычаю. Следы этого старика можно увидеть до сих пор. Там, где он останавливался и клал тело на песок, возникли источники воды. А там, где он клал тело на камни, возникли озера в скалах, наполненные слезами старика.

Мир аборигенов Австралии удивителен и волшебен. Каждая деталь местности в нем связана с какой-либо историей о предках, которые до сих пор влияют на жизнь нынешних людей. Как вы считаете, стоит ли сохранять эти волшебные истории? «Да, конечно», – ответите вы. А стоит ли их рассказывать детям аборигенов? «Да, конечно». А стоит ли их рассказывать в школе? «Да». И их действительно рассказывают в школах.

Я могу сыграть роль человека эпохи Просвещения и спросить вас: «Если уж дети так хотят узнать, как возникли источники и озера, разве не лучше обучать их геологии?»

«Но ведь речь идет не об этом», – возразите вы.

Настаивая на своей роли человека эпохи Просвещения, я добавлю: «Аборигены живут в страхе перед тьмой и колдовством», но вы меня не слушаете. Вы уже попали под очарование местных мифов. Вам кажется, что жизнь аборигенов более естественна, полна и насыщена чудесами. Вы поддались романтическим чувствам.

Тут вы уже сами противоречите себе, разрываясь между разными идеологиями. С одной стороны, вы считаете, что нашим детям нужно преподавать только на основе научного подхода; с другой стороны, вы завидуете народностям, еще не лишившимся своих традиционных верований.

Такова наша участь – разрываться между разными идеями и традициями. Другие цивилизации имеют только одну традицию, а не целых три, часто противоречащих друг другу. Им не свойственны перевороты в идеологии, сомнения и путаница в мыслях, столь характерные для нашей интеллектуальной жизни.

Наше происхождение весьма запутанно, и нет такого места, которое мы бы с уверенностью назвали своим домом.

Интермедия НЕМНОГО КЛАССИКИ

В эпоху Возрождения ученые и писатели считали, что искусство, литература и знания древних греков и римлян представляют собой образец совершенства, к которому можно стремиться, но превзойти который нельзя. Поэтому они и назвали культуру античности «классической», то есть лучшей. Два столетия шли споры, насколько достижения современных людей сравнимы с достижениями древних, пока в XVII веке ученые не доказали, что древние греки ошибались в своих представлениях о Земле, Солнце, планетах и звездах. С тех пор люди стали меньше почитать классическую культуру и больше надежд возлагать на современную науку. Но в некоторых областях знания отправной точкой до сих пор остаются сочинения древних греков и римлян. Мы до сих пор можем ознакомиться с ними и понять, что представляла собой «классическая ученость».

В философии величайшим авторитетом до сих пор обладают три великих афинских философа: Сократ, Платон и Аристотель. В связи с этим даже говорят, что вся западная философия – это примечание к Платону. Три философа знали друг о друге не понаслышке. Платон записывал слова Сократа, который вел философские беседы со своими знакомыми, а Аристотель был учеником Платона.

Сократ вовсе не претендовал на знание истины. Он разработал только метод, с помощью которого можно приблизиться к истине, ставя все под сомнение и ничего не принимая на веру. Он задавал своим собеседникам каверзные вопросы, стараясь разрушить обыденное представление о мире, которое, как он полагал, не имеет под собой логического основания. Взять, для примера, такой, вроде бы простой, вопрос: «Что такое хороший человек?» Один из собеседников давал ответ, содержащий в себе, как выяснялось, некоторое противоречие. После того как противоречие бывало обнаружено, этот же или другой собеседник предлагал иной ответ, но на этот раз уже более продуманный. Обмен вопросами и ответами продолжался, постепенно приводя к более хитроумным рассуждениям. Сократ считал, что истины можно достичь с помощью чистого и острого ума. Для этого не

обязательно прилагать усилия или проводить исследования. Истина существует всегда; нужно только развить свой ум, чтобы он смог воспринять ее.

Такой метод обнаружения истины получил название сократовского метода. Обычно ему следуют в различных пособиях, написанных в виде вымышленной беседы учителя и ученика. Им часто пользуются и в университетской практике, когда преподаватели стараются не навязывать свое мнение, а подталкивать студентов к собственным открытиям или учить их вести плодотворную дискуссию. Диалог при этом может строиться примерно таким образом:

Учитель: Аманда, что такое революция?

Аманда: Насильственное свержение правительства.

Учитель: А если государством управляет король и брат этого короля убивает правителя и сам становится королем? Будет ли это революцией?

Аманда: Конечно нет!

Учитель: Значит, не во всех случаях, когда смена правительства происходит насильственным путем, речь идет о революции?

Аманда: Нет, не во всех.

Учитель: А что еще требуется, помимо силы, чтобы мы назвали смену правительства революцией?

В этом методе кроется один подвох. Умные и сообразительные люди могут успешно пользоваться им, даже не обладая обширными знаниями по конкретной проблеме.

Сократ, Платон и Аристотель жили в Афинах во времена расцвета демократии, то есть в V и VI веках до нашей эры. Все они при этом критиковали демократию, а Сократ даже вступил с ней в конфликт. Над ним устроили суд по обвинению в безбожии и совращении молодежи. В свою защиту он говорил, что никому не навязывал своих взглядов; он просто спрашивал своих учеников, на каких основаниях покоятся их убеждения. Суд из 501 выборного представителя признал его виновным, но с небольшим перевесом голосов. Обвинение настаивало на смертной казни. Обычно в таких случаях обвиняемые пытались оправдаться, приводили в суд жену с детьми, просили о снисхождении. Сократ же не стал унижаться. Он просто спросил,

что, по мнению судей, должно причитаться человеку, который пытался развивать ум и душу людей? Наверняка нечто вроде пожизненной пенсии, а никак не наказание! Конечно, можно было бы договориться о том, чтобы покинуть Афины и никогда больше туда не возвращаться, но Сократ честно сказал, что продолжит заниматься своей деятельностью и в других городах. Он признался, что не сможет прожить, не задавая вопросов о мироздании и человеке: «Жизнь без такого исследования не есть жизнь для человека». Будь у него деньги, он их уплатил бы, но ему, небогатому человеку, нечего предложить судьям. Услышав это, отчаявшиеся последователи Сократа вскочили с мест и предложили уплатить большой штраф за него. Но суд, что не так уж удивительно, вынес смертный приговор.

Обычно смертный приговор в Афинах приводили в исполнение сразу же, но на этот раз казнь решили отложить из-за религиозного праздника. Сократ мог сбежать из-под стражи, да на это наверняка и надеялись власти города. Но он отказался сбежать. Зачем цепляться за жизнь, спрашивал он, если все равно нельзя жить вечно? Ведь цель человека заключается не в том, чтобы просто жить, а чтобы жить хорошо. Сам Сократ сказал, что прожил хорошую жизнь, согласно законам Афин, и согласно этим же законам принимает наказание. Он оставался настоящим философом до самого конца. Когда с него сняли оковы, он сказал несколько слов о том, насколько близки боль и удовольствие.

Приговоренному к смертной казни давали выпить сок цикуты, ядовитого растения. Ученики Сократа упрашивали его повременить, ведь яд нужно было принять только в конце дня, а солнце еще не село за холмы. Сократ же ответил, что он сам в своих глазах сделает себя смешным, если будет так мелочно торговаться за жизнь. Он спокойно взял чашу с ядом, не подавая ни малейшего признака волнения или огорчения. Смерть была мгновенной.

Я рассказал историю о смерти Сократа так, что симпатии читателей остаются на стороне философа. Но можно рассказать ее по-иному, чтобы посочувствовать обвинителю. Сын обвинителя, посещавший философские диспуты Сократа, пристрастился к вину и забросил все дела. Разве не прав был обвинитель, утверждая, что Сократ был опасен? Если ставить под сомнение абсолютно все, люди лишатся точки опоры; мы не можем жить одним лишь разумом; в мире

должны существовать обычаи, законы, религия, которые предлагают людям правила поведения и делают возможным развитие общества.

Описывать объективно суд над Сократом весьма трудно. В нашей культуре укоренилась стойкая предубежденность в пользу Сократа. Так было, конечно, не всегда, но сочинение Платона, посвященное смерти великого философа, сделало из него настоящего покровителя сомневающихся и ищущих истину.

Платон же сформулировал один из центральных вопросов философии: «Насколько объективно наши чувства передают реальность?» Платон верил, что тот мир, который мы видим и чувственно воспринимаем, является жалким подобием, всего лишь тенью более совершенного духовного мира. В нашем мире мы видим обычные столы, со всеми их трещинами и изъянами, но где-то существует совершенный и идеальный стол. В своей совершенной форме где-то существуют даже абстрактные идеи, вроде идеи справедливости или бога. Человечество тоже некогда принадлежало тому миру, поэтому упражняя свой ум и дух оно может вновь прикоснуться к нему. Платона называют величайшим философом-идеалистом, поскольку он отвергал материалистичное объяснение мира.

Платон понимал, что люди, придерживающиеся обыденной точки зрения на природу вещей, отвергнут его учение, поэтому он придумал прекрасный образ, иллюстрирующий его учение. Представьте себе группу людей, закованных в кандалы и сидящих в пещере, лицом к ее дальней стене. Они не могут видеть то, что происходит за их спинами, но там, у выхода из пещеры, проходит дорога, за которой горит костер, освещающий пещеру. По дороге движутся люди, животные и повозки, бросающие тени на стену пещеры. Люди в оковах видят только эти тени; они придумывают им названия, обсуждают между собой их свойства; они думают, что тени – это и есть реальная действительность. Но что будет, если освободить одного человека из оков и вывести его из пещеры? Поначалу он ослепнет от яркого света, затем его поразит многообразие цветов и красок, наличие трех измерений. «Но ведь там, в пещере, мы считали, что...» – скажет он. Да, ему придется признать, что в пещере люди не видели истины.

Аристотель, ученик Платона, был величайшим систематизатором знаний об окружающем мире, то есть обо всем, что происходит не

только на земле, но и на небесах. Именно его представления о том, что Земля находится в центре Вселенной, были опровергнуты в эпоху научной революции XVII века. Но рассуждения Аристотеля о логичном мышлении сохранили свою актуальность и в наши дни. Он разработал учение о силлогизмах, то есть о рассуждениях, состоящих из трех простых атрибутивных высказываний: двух посылок (общей и частной) и одного заключения. Вот пример такого силлогизма:

У всех котов четыре ноги.

Миллиган – кот.

Следовательно: У Миллигана четыре ноги.

Правильное ли это умозаключение? Чтобы силлогизм дал правильное заключение, обе его предпосылки должны быть истинными, а выводы обоснованными. В данном случае у всех котов (хотя бы теоретически) действительно четыре ноги, и предположим, что Миллиган действительно кот.

Но обоснован ли вывод?

Да, обоснован: если Миллиган кот и если у всех котов четыре ноги, то у Миллигана действительно должно быть четыре ноги. Вот пример необоснованного вывода:

У всех котов четыре ноги.

У Миллигана четыре ноги.

Следовательно: Миллиган – кот.

Вывод сделан неправильно, даже если все предпосылки истинны, потому что между Миллиганом и котами не наблюдается никакой связи (он вполне мог оказаться и собакой). К неверному выводу можно прийти и в том случае, если сам он будет обоснован, но предпосылки не будут истинными.

Например:

Все коты черные.

Миллиган – кот.

Следовательно: Миллиган черный.

Этот вывод обоснованный, но он неверен, потому что первая предпосылка ложная. Существуют определенные правила построения силлогизмов и названия для каждого случая ложного вывода. На этих примерах несложно понять, почему греков считают основоположниками рационального мышления.

Современная медицина также восходит к древним грекам, особенно к Гиппократу, который жил в Афинах в период их расцвета в V веке до нашей эры. Его сочинения дошли до нас, хотя они, вне всякого сомнения, представляют собой сборники отрывков, принадлежавших нескольким последователям Гиппократа, разделявшим его методы и принципы. Гиппократ старался найти разумное обоснование каждой болезни, которая, согласно его учению, имеет вполне естественные причины. Таким образом, он отделил медицину от магии, колдовства и представлений о божественном вмешательстве.

Он наблюдал за течением болезней и за тем, в каких обстоятельствах они возникали и распространялись – в этом смысле его можно назвать первым эпидемиологом. От врачей он требовал придерживаться определенных моральных правил и руководствоваться основным главным принципом – благом пациента; его сочинения заложили основы медицины не только как области знания, но и как профессии. До сих пор студенты-медики принимают клятву, названную его именем, «Клятву Гиппократа». Изначальный текст этой клятвы отражает состояние медицины во времена этого прославленного врача:

Я направляю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости. Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла; точно так же я не вручу никакой женщине абортивного кессария. Чисто и непорочно буду я проводить свою жизнь и свое искусство. Я ни в коем случае не буду делать сечения у страдающих каменной болезнью, предоставив это людям, занимающимся этим делом. В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далек от всякого намеренного, несправедного и пагубного, особенно от любовных дел с женщинами и мужчинами, свободными и рабами.

Что бы при лечении – а также и без лечения – я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной. Мне, нерушимо выполняющему клятву, да будет дано счастье в жизни и в искусстве и слава у всех людей на вечные времена, преступающему же и дающему ложную клятву да будет обратное этому.

Но Гиппократ же и заронил в западную медицинскую науку семена ошибок, проистекающих из стремления древних греков к простоте. Согласно его учению здоровье тела зависело от взаимодействия четырех элементов, или жидкостей («гуморов»): крови, флегмы, желтой желчи и черной желчи. Пережитки этого учения в медицине сохранялись вплоть до XIX века, когда для лечения заболеваний, якобы вызванных избытком крови, ставили пиявки. В области медицины Гиппократ считался классиком весьма продолжительный период.

Греки превосходили римлян почти во всех областях знания, за исключением права, или юриспруденции, то есть законов. Для римлян составлять законы, кодексы законов и комментарии к ним было занятием вполне естественным, поскольку они были более приземленным народом, нежели греки. Тем не менее, даже римская юриспруденция носит определенный налет греческого идеализма. Исследуя законы покоренных ими народностей, римляне пытались найти в них общие черты. Есть ли такие законы, которые все без исключения люди могли назвать истинными законами? Отсюда возникло представление и о так называемом «естественном праве», то есть о законе в своей совершенной форме, который способен облагородить любое общество и от которого не посмеет отойти ни одно общество, преданное идеалам справедливости.

Самый полный сборник римских законов был составлен в VI веке нашей эры по приказу императора Юстиниана, правителем Восточной Римской империей, пережившей нашествие германцев. Заново открытый в XI веке, он оказал колоссальное воздействие на западноевропейскую культуру. Правда, на Англию он повлиял в меньшей степени, потому что там уже было развито так называемое «общее право», но и оно испытало на себе воздействие римских представлений о контракте. Вот два примера, иллюстрирующих эти представления.

Представьте себе, что один человек взял займы у другого лошадь, которую потом украли. Каковы обязательства арендатора в данном случае? Ответ: он должен выплатить владельцу лошади сумму, равную стоимости лошади, потому что был обязан приглядывать за ней. (Сейчас существует система страхования подобных случаев, но у древних римлян ее не было.) Но если лошадь похитили в результате разбойного нападения, то арендатор не несет за нее ответственности. Он не был обязан защищать имущество другого человека ценой собственной жизни. Но если лошадь похитили уже после истечения срока аренды, то арендатор нес за нее полную ответственность даже в случае разбойного нападения.

Представьте теперь ювелира, взявшего заказ на изготовление кольца. Что это: контракт на продажу кольца или контракт найма ювелира? Разные типы контрактов регулировались разными правилами. В данном случае все зависело от того, кому принадлежало золото. Если золото предоставлял клиент, это был контракт найма ювелира. Если же ювелир делал кольцо из принадлежащего ему золота, это был контракт на продажу кольца.

Вы видите, насколько сложными и разработанными были законы древних римлян и насколько тщательно они пытались урегулировать все разнообразие человеческих взаимоотношений. Сейчас мы к некоторым вещам относимся иначе, но с какой бы проблемой мы ни столкнулись, можно быть уверенным, что ее уже рассматривали в древности. Перед таким великим интеллектуальным наследием, плодом труда лучших умов на протяжении многих столетий, мы сами кажемся маленькими и ничтожными. К такому выводу нас и подталкивает классическое образование.

История подробнее

Глава третья

ЗАВОЕВАНИЯ И ЗАВОЕВАТЕЛИ

Вторжение германцев в Римскую империю было первой из трех великих волн завоеваний. Вслед за германцами пришли арабы с юга, а затем викинги с севера. Через несколько беспокойных столетий обстановка в Европе стабилизировалась, после чего уже сами европейцы стали отправляться в дальние походы, завоевав Святую Землю и прогнав арабов из Испании. В конечном счете они пересекли океаны и заявили свои притязания на сокровища дальних стран.

Когда говорят о падении Римской империи, имеют в виду 476 год. Но пала только западная половина империи. Восточная, грекоязычная, половина со столицей в Константинополе просуществовала еще около тысячи лет. Изначально это был греческий город Византий, который и дал восточной половине империи ее название – Византия. О ней речь пойдет ниже.

Что же касается Западной Римской империи, то слово «падение» не совсем верно передает суть происходивших в ней событий в указанное время. Было бы ошибкой вообразить себе орды диких варваров, пересекающих границы, отступающих римлян и их последнее отчаянное сопротивление за стенами Рима. Все обстояло совсем не так. Вторжение германцев проходило довольно необычным образом и несколькими стадиями. Пути германских племен показаны на карте.

		III в.	<i>Вторжения германцев</i>
<i>Падение Рима</i>	476 г.	V в.	<i>Вторжения германцев</i>
		VI в.	<i>Вторжения германцев</i>
		VII в.	<i>Вторжения арабов-мусульман</i>
		VIII в.	<i>Вторжения арабов-мусульман</i>
<i>Карл Великий</i>	800 г.	IX в.	
			<i>Вторжения викингов (скандинавов)</i>
		X в.	
<i>Завоевание Англии норманнами</i>	1066 г.	XI в.	<i>Начало борьбы с арабами в Испании</i>
		XII в.	<i>Начало крестовых походов в Святую Землю</i>
		XIII в.	
<i>Падение Константинополя</i>	1453 г.	XV в.	<i>Открытие морских путей в Америку и Индийский океан</i>

Вторжение германских племен на территорию Римской империи

Северные границы империи никогда не были полностью закрытыми. Поселенцы с обеих сторон границы постоянно поддерживали между собой контакты и обменивались товарами в определенных местах под наблюдением римских солдат. Иногда римляне пытались расширить свою территорию; так, например, в I веке римские войска перешли через Рейн и продвинулись далеко на территорию современной Германии. Но долго они там не продержались, потому что германцы разгромили легионы. Однако германцы ближе познакомились с культурными достижениями и обычаями римлян.

В III веке империя едва не пала под чередой набегов германских племен. Политическая обстановка того времени в Риме была нестабильной; на троне быстро сменяли друг друга императоры, и захватчики почти не встречали сопротивления. Империи удалось выжить, но только ценой огромных уступок: на ее территории возникли постоянные поселения германцев. Император Константин, провозгласивший христианство официальной религией в 313 году, попытался укрепить центральную власть и положить конец беспорядкам.

Германцам, постоянно проживавшим на территории империи, разрешили поступать на службу в римскую армию, так что во времена вторжений V века германцы уже воевали на обеих сторонах. К тому периоду германцы составляли почти половину всех солдат, и некоторые из них дослуживались до больших чинов. То, что охрану своих границ римляне доверяли германцам, уже говорит о слабости империи. Когда в XX веке распространились идеи о чистоте расы, было предложено очень радикальное и простое объяснение причин падения Рима: римляне совершили грубейшую ошибку, вручив судьбу своей империи в руки «недоразвитых» людей. Конечно, в наше время никто не придерживается такого объяснения в столь примитивной форме. Но в любом случае, если империя в своей защите полагается на тех, от кого недавно защищалась, вряд ли она переживает свои лучшие времена.

Германцы вовсе не собирались покорять римлян; они чаще всего вторгались, чтобы завладеть богатой добычей и вернуться домой, и не ставили своей целью завоевание политического господства. Кроме того,

они хотели поселиться на плодородных землях и жить там в свое удовольствие. Германцы нисколько не противились власти императора.

Тем не менее, императорам, конечно же, не нравилось, что их территории грабят и разоряют. Они посылали войска, чтобы те разгромили захватчиков или вытеснили их за пределы римских территорий. Такие походы довольно редко заканчивались полной победой. Обычно германцы оставались жить в более или менее независимых анклавах. Так это все продолжалось до тех пор, пока в собственном распоряжении императора почти не осталось земель. Германцы же настаивали, что верховная власть должна принадлежать императору. В течение долгого времени германцы, вторгнувшись в Италию, возводили на трон представителя римлян. В конце концов одному из предводителей германцев этот фарс надоел, и он решил править от своего имени. Именно это и произошло в 476 году, когда военный вождь Одоакр стал править самостоятельно, но провозгласив себя не римским императором, а всего лишь королем Италии. Так что не было никакой осады и никакой последней решительной битвы под стенами Рима. Знаки императорского достоинства (корону и мантию) Одоакр отослал в Константинополь, императору Восточной Римской империи, признав тем самым его формальную власть над собой. Германцев продолжали восхищать блеск и величие завоеванной ими добычи.

После этого на западе вместо империи образовалось скопление мелких королевств под властью разных германских племен. Эти королевства часто распадались и возникали вновь; поддерживать развитую административную систему в римском духе они не могли, так что поступление налогов в казну вскоре прекратилось. Новые правители, выходцы из «варварских» племен, не умели управлять сложным административным аппаратом и даже не имели представления о том, что значит руководить государством с более или менее постоянными границами. В поисках помощи они обращались к представителям римской аристократии и к епископам. На вершине государственной власти происходило слияние старого и нового, но насколько оно было глубоким?

Трудно судить об этом наверняка, потому что с того периода до нас дошло мало письменных памятников. Германцы не владели письменностью; в эпоху хаоса и беспорядков людям было не до

составления летописей. Ясно только одно: никакого массированного наступления воинов, уничтожавших все на своем пути, не было. И среди наступавших германцев были не только мужчины с оружием в руках. Они селились на новых землях вместе с женами и детьми. В некоторых районах они обосновывались довольно плотно, в других их поселения были разбросаны далеко друг от друга. В насто ящее время картину расселения германских племен помогают выяснять археологи. Германцы хоронили своих покойников иначе, чем римляне, поэтому если в какой-то мест ности встречается много захоронений по германскому образцу, это значит, что германцы жили здесь компактно. Кроме того, помогает и лингвистика. Если название деревни в какой-то период сменилось на германское, вполне вероятно, что она стала принадлежать германцам. Хотя это не такой уж веский довод, ведь на переименовании деревни мог настоять проезжавший мимо вождь германцев. Но названия полей и деталей ландшафта – это уже более серьезное доказательство. Это значило, что в этом районе земледелием занимались как раз германцы.

Какое-то время римские и германские законы сосуществовали. Человека судили в зависимости от его происхождения. В римском праве законы были более четкими и проработанными; каждое конкретное дело рассматривали специально назначаемые судьи. На первых порах они же и составляли законы, которые потом записывали в сборниках, или «кодексах»; крупнейший такой кодекс был составлен при императоре Юстиниане, правившем Восточной Римской империей в VI веке. Право же германцев представляло собой по сути разновидность кровной мести, а судьями были представители незаинтересованных сторон. Представители потерпевшей стороны и их родственники стремились получить компенсацию от нанесшего им оскорбления человека и его родственников. Даже в случае убийства дело могло быть решено путем выплаты компенсации родственниками убийцы; размеры этого выкупа зависели от статуса жертвы – так, например, человек благородного происхождения стоил в три раза дороже простолюдина.

Римляне доказывали виновность или невиновность, исследуя улики и расспрашивая свидетелей; германцы определяли виновность посредством так называемой «ордалии» – испытания огнем и водой или в бою. Например, если обвиняемый погружал руку в кипящую воду и она не заживала через три дня, подозреваемый объявлялся виновным.

Подозреваемых также бросали в реку; если они выплывали, считались виновными, а если тонули – невинными. В спорах за землю побеждала сторона, сумевшая показать свое превосходство в сражении.

Постепенно две системы слились в одну. Римский закон имел больший вес на территории современных Италии и южной Франции. Повсюду ордалия, или «Божий суд», проходила в присутствии священника, который как бы подтверждал, что приговор действительно выносится от имени Бога. В этом смысле Римская церковь находилась под сильным влиянием германских обычаев до XII века, когда заново был открыт Кодекс Юстиниана и священникам стали запрещать устраивать ордалии.

Вскоре после «завоевания» Западной Римской империи германцы приняли христианство, перестав поклоняться языческим богам. Часть германцев придерживалась арианства – еретического учения, которое они приняли еще до вторжения. Ариане считали, что, поскольку Иисус был сыном Бога, он по своей природе должен стоять ниже и не быть равным Богу. Какое-то время такие представления были широко распространены на востоке, и к германцам они попали вместе с миссионерами, обращавшими их в христианство.

Итак, приходится признать, что во многих отношениях понятие «падение Рима» не отражает действительных исторических процессов, и особенно это касается религии. На территории бывшей Западной Римской империи сохранились как само христианство, так и церковные институты, легшие в основу европейской цивилизации. Мы уже сформировали это следующим образом: германские воины поддерживали христианскую Римскую церковь, которая сохраняла греко-римскую ученость.

* * *

Прочное государство на западе удалось создать только одному германскому племени. Это было королевство франков, которое постоянно расширялось и в какой-то момент занимало не только территорию современной Франции, но и некоторых областей Германии, Испании и Италии, как показано на карте. Само название «Франция» происходит от названия франков, народа германского происхождения.

Наибольшего величия королевство франков достигло в период правления Карла Великого. После его смерти оно распалось. Современную Францию нельзя назвать прямой наследницей древнего государства франков; Францию, какой она известна нам, постепенно собирали под своей властью короли, правившие в последующие столетия.

Германское вторжение в Британию происходило несколько иначе. Почти вся территория Англии принадлежала Римской империи; территория Шотландии не попала под власть римлян. Римляне появились в Британии довольно поздно – только в I веке – и рано ушли из нее. В 410 году император призвал вывести войска из Британии для защиты континентальных римских территорий от нападений германцев. Местное население Британии сумело сохранить свою культуру, и триста лет существования римских поселений оставили небольшой след в обществе. Затем в V и VI веках в Британию вторглись пересекшие Ла-Манш германские племена англов, саксов и ютов. Это уже действительно походило на настоящее завоевание. Захватчики вытеснили бритов с их исконных земель, и те были вынуждены отступить в Шотландию, Уэльс и Корнуолл.

Королевство франков в период своего расцвета располагалось на территории современной Франции и некоторых областей Германии, Испании и Италии

В Англии же возникли разрозненные германские государства. Изначально англосаксы и юты были язычниками, и христианство среди них распространяли миссионеры из Рима и Ирландии. Роль Ирландии в распространении христианства в Европе довольно любопытна. Христианство зародилось на дальних восточных рубежах Римской империи; оттуда оно разошлось по всей империи, пересекло ее границы и попало в Ирландию. Здесь оно обрело свою самобытную форму, поскольку не было римским. Во время «темных веков» германского нашествия Ирландия оставалась в стороне, и потому ирландцы посылали своих миссионеров не только в соседнюю Англию, но и в другие европейские страны. В дальнейшем история сложилась так, что англичане стали с изрядной долей пренебрежения относиться к своим соседям-ирландцам, но именно ирландцев можно в полном смысле считать спасителями христианства в Европе.

Через два века после нашествий германцев, в VII и VIII веках в Европу вторглись другие завоеватели, на этот раз мусульманские. Основателем магометанской религии, или ислама, считается Мухаммед, арабский купец из Аравии, на которого снисходили божественные откровения. Действуя в соответствии с посланными ему откровениями, он основал религиозное движение, которое можно назвать ответвлением иудаизма и христианства. Ислам признает Иисуса и иудейских пророков как истинных пророков, но утверждает, что Мухаммед – это последний пророк и посланник Аллаха, то есть единого Бога. В каком-то смысле ислам можно назвать более простой религией по сравнению с христианством; в нем нет хитроумных греческих рассуждений о единстве Бога в трех лицах: Бог-Отец, Бог-Сын и Святой Дух, отдельных, но равных между собою и единосущных друг другу. В исламе Бог (Аллах) един и неделим. Мусульмане, то есть приверженцы ислама, довольно терпимо относились к христианам и иудеям, чего нельзя сказать о христианах того периода, которые называли мусульман обманщиками и разрушителями истинной веры.

Мухаммед со своими сторонниками завоевал языческие племена Аравийского полуострова и вынудил их подчиниться ему. Таким образом, по сравнению с Иисусом, за время своей жизни он оказал гораздо большее влияние на общество: не только основал религию, но и распространил ее на обширной территории. Ко времени смерти Иисуса христианство не оказывало ни малейшего влияния на жизнь общества. После смерти Мухаммеда его последователи продолжили завоевания с еще большим успехом. За короткий промежуток времени они завоевали не только языческие племена, но и некоторые государства, Персидскую империю и большую часть территорий Восточной Римской империи на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Через Северную Африку они вышли к границам германских королевств на западе, переправились через Гибралтар и вторглись в Испанию. В то время Испания была римской провинцией, в которой жили принявшие христианство вестготы. На этом исламское нашествие остановилось. Арабы попытались вторгнуться во Францию, но потерпели поражение у Тура в битве с Карлом Мартеллом, предводителем франков и дедом Карла Великого. Так франки спасли христианство в Европе.

Арабские завоевания. Восточная Римская империя сумела удержать свои позиции только на Балканах и на территории современной Турции. Она также владела землями в Италии, которые, разумеется, до этого принадлежали Западной Римской империи. После вторжения в Италию германских племен император Восточной Римской

империи считал своим христианским долгом завоевать некоторые территории. Эти небольшие анклавы дались ему дорогой ценой. Попытки завладеть землями обернулись гораздо большим кровопролитием, чем нашествие германцев. Одним из таких анклавов в северной Италии была Равенна, вот почему в этом городе мы можем любоваться прекрасной византийской мозаикой.

Арабы, исповедовавшие ислам, были жестокими завоевателями, но довольно мягкими правителями. Они позволяли христианам совершать свои религиозные обряды, но брали с них налог как с неверных; мусульмане налоги не платили – таково было преимущество обращения в ислам. Многие христиане Восточной Римской империи даже в каком-то смысле приветствовали завоевателей-мусульман, потому что не желали подчиняться Константинополю, который навязывал им свой вариант христианства. Под властью мусульман они некоторое время продолжали исповедовать свою религию, но христианство на завоеванных территориях постепенно исчезало. Конечно, по мере того, как все больше и больше людей переходили в ислам, законы о налогах пришлось изменить, и вскоре налоги стали платить все, как обычно.

Под властью арабов-мусульман Испания стала самой цивилизованной частью Европы. Неграмотные арабы-завоеватели многому научились у завоеванных народностей, в особенности у персов, создавших высокоразвитую цивилизацию, и у греков, населявших Византийскую империю. Через арабов греческие знания проникли в Испанию. Там арабы делали копии известных трудов и позволяли их переписывать ученым из северной Европы. Часто переводчиками при этом служили евреи, занимавшие довольно высокое положение в мусульманской Испании. Один человек читал текст на арабском языке (на который он был переведен до этого с греческого), а затем вслух произносил его на испанском. Второй человек слушал первого и записывал текст на латинском языке. Так древнегреческие сочинения, последовательно переведенные на три языка, вернулись в христианскую Европу, где их начали изучать в университетах начиная с XII века. Таким образом Европа познакомилась с сочинениями Аристотеля по логике, медицине, астрономии и математике, то есть по тем областям знания, в которых греки считались признанным авторитетом.

Подведем краткие итоги трем завоеваниям. Во-первых, в Западной Европе наблюдалось переплетение германских, римских и христианских традиций. Во-вторых, Англия была полностью завоевана германцами, а позже обращена в христианство. В-третьих, в исламском мире – на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Испании, христианство исчезало, но греческая ученость сохранялась и проникала в христианскую Европу.

* * *

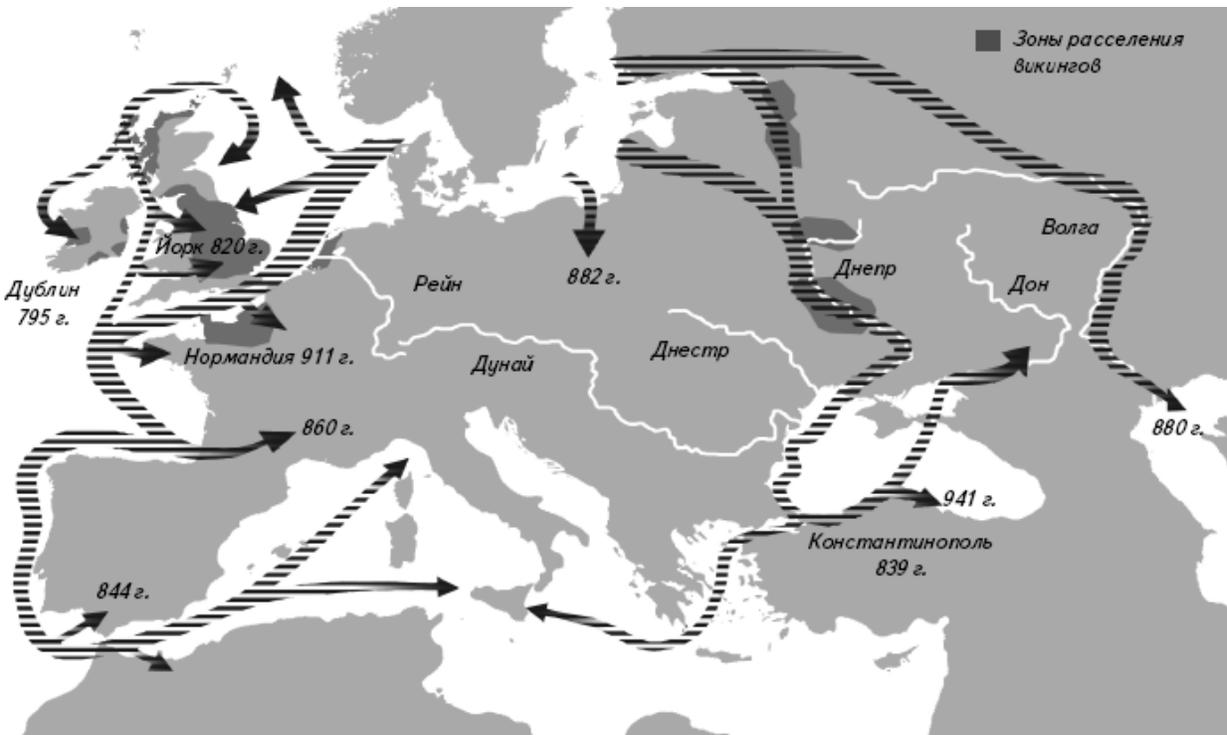
В IX и X веках, через два столетия после арабских завоеваний, по Европе прошла последняя волна нашествий, на этот раз викингов, или норманнов, родом из Скандинавии (современные Швеция, Норвегия и Дания). Они бороздили моря на длинных кораблях и наводили ужас на прибрежные районы. Корабли эти были легкими, с очень плоским дном, благодаря чему их осадка не превышала одного метра, и они могли заплывать далеко вверх по рекам. Когда река становилась слишком мелкой, викинги продолжали путь вверх по течению на маленьких лодках. Иногда они переносили свои суда через пороги и продолжали поход. Так они проникали на земли, расположенные далеко от морского побережья; по территории Руси они путешествовали от Балтийского моря до Черного.

Длинный корабль викингов с малой осадкой, позволявшей им заплывать далеко вверх по течению рек

Открытые суда викингов могли ходить по океану только в летнее время года. Поначалу викинги отправлялись в военные походы летом, а на зиму возвращались домой. Их целью были грабежи; особенно высоко они ценили драгоценности, которые можно было легко забрать с собой. Но не брезговали они и всем, что могло оказаться полезным в набегах, включая пищу, лошадей, женщин. Это были настоящие террористы. Часто они забирали больше, чем им было нужно; ограбив деревни, они сжигали дома, убивали мирных жителей, разрушали все, что не могли унести с собой. Они стремились посеять всеобщую панику. Узнав о приближении викингов, люди в страхе покидали свои поселения, ведь викинги никому не давали пощады. В одной из северных саг описывается воин, которого оскорбительно прозвали ребенком за то, что он отказался насаживать детей на острие своего копья.

Некогда, во времена набегов германцев, которые продвигались по суше, самыми безопасными считались острова рек или побережье, где и строились монастыри. Теперь монастыри оказались в большой опасности, ведь эти центры хозяйства и хранилища золота, серебра и пищи привлекали особенное внимание морских разбойников. На острове у устья реки Луара во Франции некогда стоял монастырь. Каждое лето монахи уплывали вверх по течению реки, но викинги догоняли их на своих длинных кораблях. Монастырь несколько раз переносили все дальше и дальше, пока он не оказался на территории современной Швейцарии; здесь монахам удалось сохранить свои золотые кресты и драгоценные реликвии – фрагмент распятия и часть ноги Христа.

Набеги викингов на Европу в IX – X вв.

Викинги не встречали особого сопротивления, потому что власть в те времена была очень слабой; не существовало налоговой системы, не было регулярной армии, и ни одно из крохотных королевств не имело флота, который бы мог защитить жителей прибрежных поселений от набегов разбойников. Флота не было даже у Карла Великого, а его империя к тому времени уже ушла в прошлое.

Римляне некогда плавали по Средиземному морю, но на большей его части теперь хозяйничали арабы-мусульмане. Европейские государства очень редко перевозили товары морским путем, и искусство мореплавания было забыто, что сделало европейцев беззащитными от внешних нападений.

Через какое-то время викинги стали брать с собой жен и детей и основывать постоянные поселения. На карте показано, где они селились на территории России, северной Франции, Англии и Ирландии. Как поселение норманнов был основан, например, Дублин. Англия пережила даже двойное нашествие: после англов, саксов и ютов восточной стороной Британии завладели скандинавы. Обе группы захватчиков говорили на германских языках, к которым принадлежит и современный английский. Поселились норманны и на севере Франции,

в области, которая сейчас называется Нормандией. Французский король даровал им там земли при условии, что они перестанут заниматься грабежами.

В 1066 году, примерно через сто лет после того, как норманны поселились на севере Франции, их герцог Вильгельм с немногочисленными последователями высадился на берегах Англии и завоевал ее. Общественный строй при этом не изменился, это был государственный переворот, в ходе которого к власти пришел новый правящий слой. Норманны к тому времени говорили на своем диалекте французского языка, ставшим одним из компонентов, на основе которых возник современный английский. Таким образом Англия изначально была страной завоевателей, но после 1066 года ее никто больше не завоевывал.

После X века набеги в Европе прекратились. Норманны осели на новых землях, а в Швецию и Норвегию отправились миссионеры, обратившие местных жителей в христианство. Возобновилась торговля, начали развиваться города. Европейская цивилизация окрепла до такой степени, что была уже готова сама организовывать далекие военные походы.

Первым делом европейцы решили выбить мусульман с захваченных ими земель. Сначала они провели успешные боевые действия в Испании, а затем попытались отвоевать Святую Землю в Палестине. Так называемая Реконкиста («отвоевывание») Испании длилась примерно четыреста лет. Она проходила последовательно несколькими стадиями: сначала европейцы отбивали у арабов достаточно большую территорию, осваивали ее, устанавливали там свой государственный строй, а затем двигались дальше на юг. Последних мусульман выбили из Испании в 1492 году, как раз когда Колумб под покровительством испанских монархов отправился в свое морское путешествие на запад.

Крестовые походы в Святую Землю начались в 1095 году и продолжались почти два столетия. Представьте себе, что значило для христианина побывать в местах, где умер и воскрес Христос; согласно учению церкви эти земли захватили неверные, которых следовало выбить оттуда любой ценой. Средневековым европейцам казалось, что на их стороне сам Бог; римский папа объявлял о начале крестовых походов и освящал их. Но успешным оказался только первый из этих

походов. На некоторое время крестоносцам удалось захватить Иерусалим и основать постоянные поселения в Палестине. Затем арабы оттеснили завоевателей, и последующие крестовые походы не принесли европейцам удачи.

Крестовые походы были совместным предприятием. В противоположность им освоение Америки и Азии, начавшееся в XV веке, стало своего рода соревнованием между зарождающимися национальными государствами: сначала в гонку включились Испания и Португалия, а затем вслед за ними в Новый Свет устремились Англия, Франция и Голландия. Их основной задачей было получить доступ к пряностям и другим богатствам Азии. Считалось, что попасть в Юго-Восточную Азию можно было двумя морскими путями – обогнув Африку с юга или проплыв на запад по Атлантическому океану. Когда Колумб отправлялся в свое путешествие, он надеялся доплыть до Китая по западному морскому пути. Он не знал, что на его пути располагается неизвестная часть света. Но испанская монархия, выделившая деньги на это мероприятие, не прогадала, ведь испанцы получили доступ к огромным запасам золота и серебра Центральной и Южной Америк. Первыми в Азию прибыли португальцы; там их потеснили французы и англичане, соперничающие между собой за контроль над Индией, а также голландцы, которые подчинили себе Ост-Индию (Индонезию).

Предметы роскоши из Азии и раньше привозили в Европу с востока, но через столицу Византийской империи Константинополь. Стремление европейцев найти новые морские пути во многом объясняется тем, что подавляющее большинство сухопутных путей оказалось под контролем мусульман.

Что касается самой Византии, то она действительно «пала» в полном смысле этого слова. В V веке Восточная Римская империя выжила благодаря тому, что германцы сосредоточили свое внимание на западе. Кроме того, в восточной части империи были сильнее развиты экономика и администрация. Но и она постепенно теряла свои территории. Большой кусок от нее в VII и VIII веках оторвали арабские завоеватели. В IX веке из азиатских степей пришли турки; по пути на юго-запад они приняли ислам и установили свое господство над большей частью Византии – над той территорией, которую занимает современная Турция. Потом они перешли в Европу и окружили

Константинополь со всех сторон. Сам город они захватили в 1453 году. Последний византийский император погиб в бою.

И это был официальный конец Римской империи, сократившейся к тому времени до небольших размеров и по своей культуре ставшей более греческой, чем римской. Величественный собор Святой Софии («Премудрости Божией»), построенный в VI веке по приказу императора Юстиниана, был превращен в мечеть. Турки основали свое собственное государство – Османскую империю, которая прекратила свое существование после Первой мировой войны. Теперь Турция – это светское государство, хотя большинство ее жителей исповедуют ислам. Великая мечеть, бывшая некогда христианским собором, стала музеем.

После падения Константинополя христианские ученые, сохранившие классические знания древних греков, перебрались в Италию, не забыв взять с собой книги. Там их ждал радушный прием, потому что в эпоху Возрождения западные ученые буквально охотились за древними рукописями, а итальянские гуманисты поддерживали контакты с византийскими учеными еще до 1453 года, пытаясь получить доступ к греческой литературе. На Западе не было недостатка в сочинениях на латинском языке, потому что их постоянно переписывали и изучали. Отдельные древнегреческие труды, конечно, были переведены на латынь, но оригиналы на греческом языке поступали в Западную Европу окольными путями – через Испанию в Средние века и из Константинополя в XV веке.

Собор Святой Софии, построенный по приказу императора Юстиниана в VI веке – некогда мечеть, а ныне музей

Глава четвертая

ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ I

Принято считать, что древние греки изобрели демократию. Можно с полным правом утверждать, что они также изобрели и политику, ведь это слово происходит от слова «полис», обозначающего древнегреческий город-государство.

В древности существовали разные формы правления; у греков одна из таких форм правления заключалась в принятии решений большинством голосов после всеобщего обсуждения законопроектов всеми гражданами. Такая форма демократии, при которой все граждане собираются в одном месте и совещаются, называется прямой. Далеко не все полисы Древней Греции были демократическими государствами, да и сама демократия временами становилась довольно сомнительной. Больше всего нам известно о демократии в Афинах, в которых эта форма правления продержалась с небольшими перерывами 170 лет. В этот период право принимать участие в государственных делах имели все рожденные в Афинах мужчины, но женщины и рабы были лишены этого права.

Нашу форму правления мы также называем демократией, но она отличается от афинской тем, что это так называемая «представительная» демократия. Большинство из нас напрямую государством не управляет. Раз в три-четыре года мы голосуем за людей, которые входят в состав органов власти; у нас есть возможность высказывать свое мнение, жаловаться, устраивать демонстрации и подавать петиции, но напрямую за каждый законопроект, который выносится на рассмотрение парламента, мы не голосуем.

Если бы мы управляли нашим государством напрямую, то наше общество было бы совсем другим. Конечно, в наши дни невозможно собрать всех граждан большого государства в одном месте, но мы могли бы воссоздать некое подобие древнегреческой системы, скажем, голосуя за каждый законопроект через Интернет. На основе опросов общественного мнения известно, что при такой системе правления Австралия никогда не принимала бы мигрантов из других стран, за исключением Великобритании, и уж определенно попыталась бы

избавиться от всех мигрантов-азиатов; мы бы до сих пор вешали преступников и секли их плетьюми; мы не посылали бы никакой гуманитарной помощи другим странам; одиноким матерям и студентам приходилось бы бороться за существование, не получая никакой помощи со стороны государства. Так что, возможно, даже и к лучшему, что современная форма правления сдерживает невежество и предрассудки людей, в определенной степени ограничивая свободу их волеизъявления.

Если вы пришли к подобному мнению, то ваши взгляды близки к взглядам Сократа, Платона и Аристотеля, великих афинских философов, которые сильно сомневались в ценностях афинской демократии и подвергали ее жестокой критике. Они жаловались на непостоянство человеческой природы: люди часто нерешительны и невежественны, их легко склонить на ту или иную сторону. Искусство управления государством требует мудрости и умения принимать взвешенные решения, а далеко не все обладают этими качествами. Наша система представительной демократии древним философам наверняка понравилась бы больше. Что бы мы ни говорили о своих представителях в органах власти и как бы мы их ни критиковали, они, как правило, гораздо более образованы и лучше осведомлены о положении вещей в политике, нежели среднестатистический обыватель. В нашем государственном аппарате служит много достойных политиков. И хотя народ напрямую не управляет государством, государство прислушивается к мнению народа. Правда, Сократ, Платон и Аристотель не назвали бы такую форму правления демократией.

Своими корнями древнегреческая демократия уходит в военную организацию древнегреческого общества. Исследуя разные формы правления, мы обязательно заметим тесную связь между формой военного устройства и формой государственного правления. В Афинах не существовало регулярной армии, которая состояла бы из солдат, расквартированных в казармах и готовых в любое время вступить в боевые действия. Все «солдаты» в Афинах были обыкновенными гражданами, торговцами или крестьянами, получавшими серьезную подготовку к сражению в сомкнутых боевых порядках. Когда начиналась война, они оставляли свое обычное занятие и брали в руки оружие. Демократическое общественное собрание зародилось как собрание таких граждан-воинов, ожидающих приказов военачальников.

Решения об объявлении войны и заключении мира, а также по поводу тактики, принимал совет старейшин или представители высших сословий. Затем эти решения объявлялись собранию воинов, при этом ораторы ставили перед собой цель возбудить толпу и подготовить ее психологически к предстоящим действиям. Никто даже не думал, что военное собрание будет детально обсуждать принятые решения или предлагать нечто свое; обычно воины возгласами выражали свое одобрение и запевали боевые песни.

Но постепенно полномочия этого собрания расширились, в конце концов оно взяло в свои руки всю полноту власти. Когда это произошло точно, нам не известно, но поскольку в те времена люди воевали часто и существование полисов практически полностью зависело от своих граждан-воинов, то эти граждане-воины стали пользоваться большим авторитетом. Таким образом, демократия зародилась как военное собрание. Но оно же одновременно было и родовым собранием. Изначально все население Афин делилось на четыре рода, и сражалось оно разделившись на отряды по родовому признаку. Эти роды выбирали своих представителей для управления государством, и даже когда в Афинах установилась более формальная демократия, человек продолжал принадлежать к одной и той же группе избирателей, даже если он менял свое место жительства. Географический принцип никогда не был главным в древней демократии.

* * *

Прямая демократия предполагает как большую гражданскую сознательность всего населения, так и веру в народ. Идеалы афинской демократии изложил знаменитый афинский полководец Перикл, произнося речь на погребении погибших во время войны со Спартой. Эта речь записана в «Истории Пелопоннесской войны» афинского автора Фукидида, первого историка, попытавшегося описывать события с объективной точки зрения. «История» Фукидида сохранилась в средневековых копиях, сделанных в Константинополе. В Италии, через 1800 лет после ее написания, эту речь перевели на латинский язык, а позже появились и переводы на современные европейские языки. После Геттисбергской речи Линкольна это самая

известная речь, произнесенная политиком на кладбище. Речь Перикла длилась гораздо дольше речи Линкольна.

Вот лишь отрывки из нее:

Наш государственный строй не подражает чужим учреждениям; мы сами скорее служим образцом для некоторых, чем подражаем другим. Называется этот строй демократическим, потому что он зиждется не на меньшинстве, а на большинстве (демоса). По отношению к частным интересам законы наши предоставляют равноправие для всех; что же касается политического значения, то у нас в государственной жизни каждый им пользуется предпочтительно перед другим не в силу того, что его поддерживает та или иная политическая партия, но в зависимости от его доблести, стяжающей ему добрую славу в том или другом деле...

Повторяющимися из года в год состязаниями и жертвоприношениями мы доставляем душе возможность получить многообразное отдохновение от трудов, равно как и благопристойностью домашней обстановки, повседневное наслаждение которой прогоняет уныние.

Одним и тем же лицам можно у нас и заботиться о своих домашних делах, и заниматься делами государственными, да и прочим гражданам, отдавшимся другим делам, не чуждо понимание дел государственных. Только мы одни считаем не свободным от занятий и трудов, но бесполезным того, кто вовсе не участвует в государственной деятельности^[2].

Государство, поддерживающее культуру и просвещение, состоящее из в высшей степени сознательных граждан, стремящихся к общему благу – вот идеал древнегреческой демократии, хотя мы и знаем, что благосостояние Афин в огромной степени зависело от труда рабов, а граждан иногда приходилось силком затаскивать на общее собрание. Подобные идеи привлекают нас и сейчас, хотя о положительных аспектах вдохновенной речи Перикла стали вновь задумываться относительно недавно.

В течение долгих столетий правящие классы к демократии относились резко отрицательно, что было обусловлено не только политическими реалиями Европы, но и самой системой образования. Большинство классических авторов, которых изучали представители элиты, выступали против демократии. Это убеждение укоренилось настолько прочно, что в начале XIX века английский ученый и радикальный мыслитель Джордж Гроут совершил настоящий переворот в исторической мысли, заявив, что демократия и высокая культура взаимосвязаны и что невозможно восхвалять вторую, порицая первую. Таков вклад Англии в признание демократии.

Но даже сегодня мы находим, что некоторые аспекты древнегреческой демократии расходятся с нашими идеалами. Почти все в ней было нацелено на достижение исключительно общественного блага, порой даже посредством принуждения, и очень мало внимания уделялось интересам отдельных людей. Главной привилегией афинского гражданина считалась принадлежность к государству, и, как сказал Перикл, если кто-то не участвовал в государственной деятельности, его считали бесполезным членом общества и даже недостойным звания гражданина. Наше представление о правах человека имеет иное происхождение.

Афины и другие маленькие древнегреческие города-государства утратили независимость после того, как в IV веке до н. э. их завоевал Александр Македонский, пришедший с севера Греции. Демократии настал конец, но греческая культура продолжала развиваться, и, благодаря военным походам Александра, она распространилась по всему восточному Средиземноморью и Ближнему Востоку. Эта культура сохранилась даже после завоевания восточных провинций Римом и долго еще процветала в этой грекоязычной половине империи.

Рим во времена завоевательных походов был республикой, а не демократией. В нем проводились общественные собрания, которые, как и в Греции, исторически были связаны с собранием граждан, имевших право носить оружие. Каждый гражданин Рима шел на войну, экипируясь на собственные средства. Вклад каждого человека в общее дело соответствовал его имущественному состоянию. Самые богатые люди, которые могли позволить себе приобрести боевых коней, составляли немногочисленную римскую конницу. Все остальные были воинами пехоты, но разных степеней: сначала шли тяжеловооруженные

воины, облаченные в панцирь, с мечом и щитом; затем легковооруженная пехота; после нее – воины, вооруженные одним копьем или дротиком, а под конец шли самые бедные граждане, которые могли позволить себе только пращу, то есть кусок ткани или кожи, с помощью которого метали камни.

В раннюю эпоху общественное собрание походило скорее на военный парад. Мужчины распределялись соответственно своим военным званиям: всадники, тяжеловооруженные воины пехоты, воины пехоты второго, третьего, четвертого классов и, наконец, пращники. Голосование также проходило по группам. Сначала положение дел между собой обсуждали всадники, приходя к определенному решению; затем высказывались тяжеловооруженные воины пехоты и так далее. Каждая группа выражала свое мнение, но голоса их не были равнозначны. Всего существовало 193 голоса, распределенных между группами согласно их статусу. У всадников и тяжеловооруженных воинов пехоты в общей сложности насчитывалось 98 голосов из 193 – по сути дела, большинство, хотя основная масса солдат принадлежала к другим группам. Когда первые две группы приходили к общему решению, то необходимости выслушивать мнение других групп уже не было, да их часто и не спрашивали; всадники и тяжеловооруженные воины пехоты решали все вопросы. Теоретически решение принимали все собравшиеся, но на практике решающий голос оставался за богатыми.

Это собрание выбирало римских консулов, своего рода «премьер-министров» республики; их было двое, и они могли действовать только при взаимном согласии. Каждый контролировал другого, а их власть была ограничена сроком в один год. Римляне вели счет годам по именам консулов.

Постепенно плебеи добились большей власти, ограничив власть богачей и людей благородного происхождения. Тут мы точно знаем, как это происходило: плебеи использовали при этом военную силу, точнее отказ от применения военной силы. Когда начиналась война, воины пехоты третьего, четвертого и последующего разрядов могли, например, отказаться брать в руки оружие, заявляя, что пойдут на войну только тогда, когда им дадут больше голосов в собрании. В результате созывалось новое собрание, которое выбирало из числа плебеев трибунов – своего рода аналог современных представителей

общественности или омбудсменов. Трибуны имели право вмешиваться в процесс принятия государственных решений на любой стадии, если при этом ущемлялись права плебеев. После очередного отказа идти на войну этому собранию предоставили и право принимать законы.

Иногда эти акции описывают как забастовки, хотя это слово не передает истинной сути дела. Под забастовкой обычно имеют в виду конфликт в сфере производственных отношений, но в Древнем Риме трудящиеся не были организованы в союзы и не выступали против своих начальников. Плебеи обычно поднимали бунт, не выдвигая требований повысить плату или сократить рабочий день.

Как и в Афинах, власть римских граждан-воинов постепенно усиливалась, хотя в Риме так и не была установлена демократия в полном смысле этого слова. Высшим государственным органом власти в Риме оставался сенат, в который входили представители знатных, а позже и самых богатых семей. Общественные собрания огра ничивали произвол сената, но никогда полностью его не замещали. Революций, то есть резких перемен государственного устройства, в Древнем Риме не наблюдалось; форма правления постепенно менялась в ходе создания новых органов власти и новых государственных должностей, к которым переходила реальная власть. В этом отношении Древний Рим схож с современной Британской конституционной монархией, конституция которой до сих пор не зафиксирована в одном отдельном документе. Что же касается вопроса разделения власти и контроля за различными ветвями власти, то в этом отношении римская модель послужила важным образцом для государственного устройства Соединенных Штатов.

* * *

Поначалу в Риме правили цари. Республика была учреждена примерно в 500 году до н. э., когда римляне свергли своего царя-тирана Тарквиния Гордого. Об этом написал в своем труде древнеримский историк Тит Ливий. Его сочинение сохранилось в Западной Европе после падения Рима, но лишь отчасти; до наших дней дошла лишь копия одного из разделов, да и то открыта она была лишь в XVI веке, так что ученым эпохи Возрождения она была неизвестна. Этот раздел

посвящен становлению республиканского строя и лег в основу поэмы Шекспира «Лукреция».

Это история о том, как в результате одного изнасилования была свергнута монархия и установлен республиканский строй. Насильником был не сам Тарквиний, а его сын Секст Тарквиний. Жертвой насильника была Лукреция, жена Коллатина. Восстание возглавил Брут, племянник царя. Четыреста лет спустя его тезка встал во главе заговора против Юлия Цезаря и убил его. Первому же Бруту пришлось стать свидетелем расправы жестокого царя над его родственниками. Чтобы сохранить себе жизнь, Брут прикинулся человеком недалекого ума, иначе Тарквиний быстро бы разделался и с ним; кстати, на латыни прозвище «Брут» означает «тупица». Он не жаловался, когда Тарквиний захватил всю его собственность, а выжидал подходящего момента, который настал после того, как была обещана Лукреция. О том, что произошло далее, нам известно со слов Ливия. Началась вся история с того момента, когда сыновья царя отправились на войну с Ардеей. Они пировали в палатке вместе с Коллатином, когда речь зашла о женах. Каждый хвастался тем, что его жена лучше других. Коллатин предложил разрешить спор тем, чтобы поехать обратно в Рим и проверить, чем занимаются их жены. Оказалось, что жены царевичей развлекались, тогда как Лукреция сидела дома и прядла – таким образом Коллатин выиграл спор. Несколько дней спустя тайне от Коллатина Секст Тарквиний вернулся к Лукреции.

Он был радушно принят не подозревавшими о его замыслах хозяевами; после обеда его проводили в спальню для гостей, но, едва показалось ему, что вокруг достаточно тихо и все спят, он, распаленный страстью, входит с обнаженным мечом к спящей Лукреции и, придавив ее грудь левой рукой, говорит: «Молчи, Лукреция, я Секст Тарквиний, в руке моей меч, умрешь, если крикнешь». В трепете освобождаясь от сна, женщина видит: помощи нет, рядом – грозящая смерть; а Тарквиний начинает объясняться в любви, уговаривать, с мольбами мешая угрозы, со всех сторон ищет доступа в женскую душу. Видя, что Лукреция непреклонна, что ее не поколебать даже страхом смерти, он, чтобы устроить ее еще сильнее, пригрозил ей позором: к ней-де, мертвой, в постель он подбросит, прирезав, нагого раба –

пусть говорят, что она убита в грязном прелюбодеянии. Этой ужасной угрозой он одолел ее непреклонное целомудрие. Похоть как будто бы одержала верх, и Тарквиний вышел, упоенный победой над женской честью.

Лукреция, сокрушенная горем, посылает вестников в Рим к отцу и в Ардею к мужу, чтобы прибыли с немногими верными друзьями: есть нужда в них, пусть поторопятся, случилось страшное дело. Спурий Лукреций прибывает с Публием Валерием, сыном Волезия, Коллатин – с Луцием Юнием Брутом – случайно вместе с ним возвращался он в Рим, когда был встречен вестником. Лукрецию они застают в спальне, сокрушенную горем. При виде своих на глазах женщины выступают слезы; на вопрос мужа: «Хорошо ли живешь?» – она отвечает: «Как нельзя хуже. Что хорошего остается в женщине с потерей целомудрия? Следы чужого мужчины на ложе твоём, Коллатин; впрочем, тело одно подверглось позору – душа невинна, да будет мне свидетелем смерть. Но поклянитесь друг другу, что не останется прелюбодей без возмездия. Секст Тарквиний – вот кто прошлой ночью вошел гостем, а оказался врагом; вооруженный, насильем похитил он здесь гибельную для меня, но и для него – если вы мужчины – усладу».

Все по порядку клянутся, утешают отчаявшуюся, отводя обвинение от жертвы насилия, обвиняя преступника: грешит мысль – не тело, у кого не было умысла, нету на том и вины.

«Вам, – отвечает она, – рассудить, что причитается ему, а себя я, хоть в грехе не виню, от кары не освобождаю; и пусть никакой распутнице пример Лукреции не сохранит жизни!» Под одеждою у нее был спрятан нож, вонзив его себе в сердце, налегает она на нож и падает мертвой. Громко зывают к ней муж и отец. Пока те предавались скорби, Брут, держа пред собою вытщенный из тела Лукреции окровавленный нож, говорит: «Этою чистейшею прежде, до царского преступления, кровью клянусь – и вас, боги, беру в свидетели, – что отныне огнем, мечом, чем только сумею, буду преследовать Луция Тарквиния с его преступной

супругой и всем потомством, что не потерплю ни их, ни кого другого на царстве в Риме»^[3].

Брут сдержал свое слово. Так, установление республики стало следствием ужасного преступления сына царя; женщина же, как добродетельная римлянка, сочла свою честь превыше жизни, а другой добродетельный римлянин поклялся отомстить за нее. Но не все в Риме желали свергнуть Тарквиния, и возник даже заговор с целью вернуть его к власти. К тому времени, как заговор был раскрыт, Брут занимал должность одного из двух консулов и занимал в общественном собрании должность судьи. Там ему и сообщили имена заговорщиков, среди которых оказались два его сына. Решение о наказании должен был принять сам Брут. Собравшаяся толпа выкрикивала слова ободрения; люди говорили, что не хотят бесчестия для членов его семьи и что он вполне может помиловать своих сыновей. Но Брут не захотел и слушать об этом; он сказал, что законы одинаковы для всех, в том числе и для его детей. Поэтому прямо у него на глазах его сыновей раздели донага, высекли розгами и обезглавили. Отец даже не поморщился при этом зрелище – такова была его преданность идеалам республики.

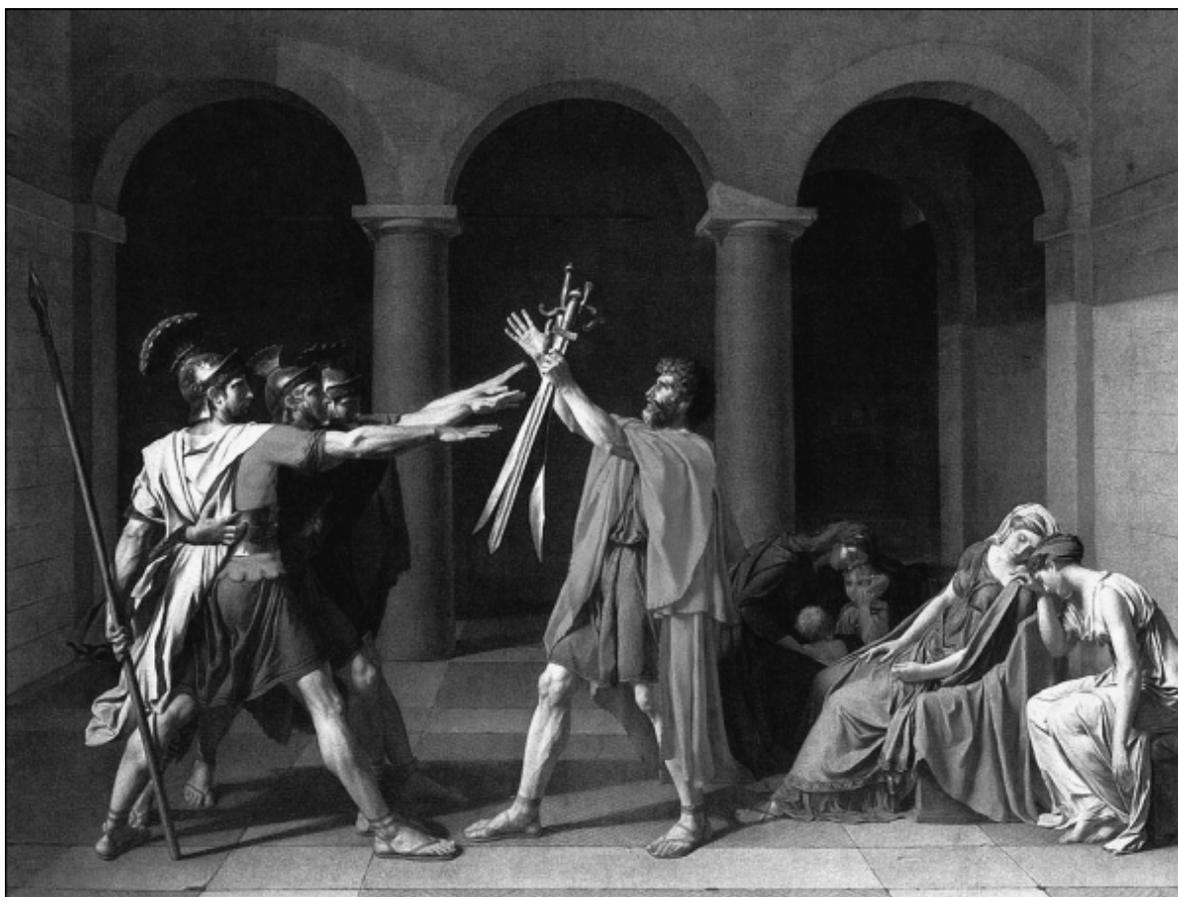

Жак-Луи Давид. «Ликторы приносят Бруту тела его сыновей». 1789

Конечно, с тех пор римляне восхваляли Брута, ведь преданность общему делу, невзирая на личные и семейные связи, и была основой республики. Таковую преданность римляне называли добродетелью, необходимой для процветания государства. Ради общего блага можно было пойти на жестокие поступки. В наше время многие сочли бы поступок Брута даже бесчеловечным – как он мог спокойно сидеть и смотреть на казнь собственных детей? Поистине, республиканская добродетель порождала чудовищ.

Любопытно, что непосредственно перед Великой революцией во Франции существовал культ республиканского Рима, и не только среди тех, кто желал реформировать монархию. Придворный художник Людовика XVI, Жак-Луи Давид, в качестве темы для двух своих картин выбрал два известных эпизода из «Истории» Тита Ливия. На первой он изобразил Брута не в кресле судьи, выносящего приговор своим

сыновьям, а в домашней обстановке, когда ему принесли тела казненных сыновей. Это позволило Давиду создать резкий контраст между неумолимым отцом, отвернувшимся в сторону, и женщинами – матерью и сестрами казненных – оплакивающими свою горькую судьбу. Вторая картина на тему римской республиканской добродетели называется «Клятва Горациев».

Жак-Луи Давид. «Клятва Горациев». 1784

Братья Горации были выбраны римлянами для участия в сражении, которое должно было определить судьбу их города. В то время Рим враждовал с соседним городом, и чтобы избежать кровопролитной войны, было решено провести поединки между тремя представителями каждого города. В своей картине Давид изобразил отца Горация, поднимающего мечи и принимающего у своих сыновей клятву верности Риму. Они поднимают руки в республиканском салюте, похожем на нацистское приветствие. Женщины – мать и сестры воинов – здесь тоже изображены как слабые существа, демонстрирующие свои

чувства и плачущие перед скорой разлукой. Особенно скорбит одна из сестер, помолвленная с представителем другой стороны.

Как пишет Тит Ливий, битва эта была очень жестокой, битвой не на жизнь, а на смерть. И хотя выжил только один сын Горация, римляне одержали победу. Вернувшись домой и застав свою сестру оплакивающей гибель своего жениха, брат взял меч и заколол ее, потому что она должна была радоваться победе Рима, а не оплакивать побежденного врага. Основная идея этой истории опять-таки заключается в том, что интересы семьи должны подчиняться интересам государства. Брата привлекли к суду, но вскоре оправдали. На суде выступил сам отец, осудивший дочь и произнесший речь в защиту сына.

* * *

Римская республика продержалась около двухсот лет, за которыми последовал период постепенного ее упадка. Рим постоянно расширял свои владения; великие полководцы, снискавшие славу своему государству, стали спорить и сражаться между собой, а солдаты чаще хранили верность своим военачальникам, чем республике. Одному из полководцев, Юлию Цезарю, удалось победить всех остальных и добиться превосходства. Второй Брут убил Цезаря, чтобы сохранить республику и не дать власти сосредоточиться в руках одного человека; но тем самым он только способствовал очередному витку гражданской войны. В ходе последующих сражений победителем вышел внучатый племянник, усыновленный Цезарем, который в 27 году до н. э. стал первым римским императором под именем Август.

Август был умным и проницательным человеком. Он сохранил республиканские порядки: сенат по-прежнему проводил свои заседания, а народное собрание избирало консулов. Себя Август называл не «императором», а всего лишь «первым гражданином», заявляя, что в его обязанности входит решать возникающие споры и помогать действовать республиканскому аппарату. У Августа не было пышной свиты; по Риму он ходил один, без охраны, как простой гражданин; время от времени присутствовал на заседаниях сената; обратиться к нему мог любой римлянин. Формой приветствия

сохранялся республиканский салют в виде поднятой выпрямленной руки. В присутствии Августа не нужно было кланяться и всячески демонстрировать свою преданность – каждый посетитель и император приветствовали друг друга как обычные граждане.

Август пытался возродить древние римские добродетели. Он считал, что Рим губят роскошь и разложение нравов, и потому настаивал на сохранении, как бы мы сейчас выразились, семейных ценностей. Поэта Овидия он отправил в ссылку, поскольку тот писал, будто рожавшие женщины теряют свою красоту. Критиковал он и своего современника историка Тита Ливия за то, что тот якобы неправильно описал некоторые междоусобицы из недавнего прошлого Рима, но соглашался с ним в восхвалении римских добродетелей, достойного поведения и преданности государству. Правда, одну из ключевых особенностей древней эпохи ему так и не удалось возродить. Под руководством Августа Рим превратился в стабильное и хорошо управляемое государство, но его граждане уже не брали в руки оружие и не становились воинами, потому что теперь в армии служили наемники.

Август стал первым римским императором в 27 году до н. э.

В течение двух столетий длился относительно мирный период существования Римской империи, в течение которого римские законы и римские порядки были установлены на огромной территории. Формально государство оставалось республикой: императоры так и не стали королями или царями, власть которым доставалась по наследству. Император выбирал себе преемника, который мог и не быть его родственником, и этот выбор должен был утвердить сенат. Впоследствии разразились кровавые войны между претендентами на этот титул, но два века императоры делали разумный выбор, который получал одобрение большинства.

В III веке прокатилась первая волна нашествия германцев, которые едва не разрушили империю. После того как нашествие удалось отразить, два императора, Диоклетиан и Константин, провели в империи обширные преобразования. Говоря вкратце, была усилена оборона и реформирована армия, в которую стали принимать германцев, живших в пределах границ империи. Для содержания большой армии пришлось повышать налоги, а для сбора налогов потребовалось проводить более тщательный учет населения. В результате разросся бюрократический аппарат, и реальными правителями империи стали чиновники. В прежние времена отдельным провинциям разрешали самостоятельно заниматься своими внутренними делами, пока они платили налоги в центральную казну и не выступали против центральной власти.

Диоклетиан попытался удержать инфляцию, назначив за повышение цен наказание в виде смертной казни. Были установлены высокие налоги на содержание огромной армии, но торговцам не разрешалось повышать цены, чтобы хоть как-то компенсировать свои траты. В результате никто уже не хотел заниматься коммерческой деятельностью, но Диоклетиан и тут нашел свое решение. Он добился принятия закона, согласно которому торговцам не разрешалось оставлять свою деятельность, а сын был обязан продолжать дело своего отца. Таким образом власть императоров становилась все более жестокой; они уже не просто контролировали выполнение законов, а навязывали их обществу. В результате такого правления у общества уже не оставалось духа и стремления сопротивляться очередной волне нашествия варваров.

Официальное признание христианства императором Константином в 313 году было очередным шагом по укреплению империи. При этом он не стремился опереться на церковь как на организацию – к тому времени христианство пусть и окрепло по сравнению с первыми веками, но продолжало оставаться религией меньшинства. Константин, как и многие его подданные, терял веру в старых римских богов и приходил к мнению, что христианский бог лучше защитит его и его империю. Пона чалу он имел о христианстве самое смутное представление, но надеялся, что если станет поддерживать христиан, то их бог поможет ему.

Диоклетиан, Константин и последующие императоры сильно отделились от народа. Они стали подражать персидским царям и изображать из себя правителей с божественным статусом; они проживали во дворцах и никогда не ходили по улицам города, как это делал Август. Перед встречей с императором посетителей подвергали строгому досмотру, завязывали им глаза и вели по лабиринту коридоров, что бы никто не смог запомнить путь в покои императора, а потом пробраться во дворец и убить его. Когда же человек наконец добирался до императора, ему нужно было пасть ниц, то есть лечь животом вниз на пол перед тронном.

По мере того как центральная власть становилась все более строгой, подданные империи пытались освободиться из-под ее гнета.

Землевладельцы не желали сами платить налоги и укрепляли свои поместья, защищая людей, работавших на их землях. Раньше землю обрабатывали рабы, но, когда поток рабов иссяк, поскольку Рим перестал вести завоевательные войны, землевладельцы поделили свои земли и отдали их в аренду рабам, вольноотпущенникам и свободным людям, искавшим покровительства. И хотя землевладельцам не нравилась налоговая политика императоров (и они всячески пытались уклониться от выплаты налогов), законы о том, что обрабатывавшие землю работники должны оставаться на своих местах, им понравились. Если же работник сбегал, то его заковывали в цепи и возвращали хозяину. Так земельные работники разного происхождения образовали класс тех, кого в Средние века стали называть сервами или вилланами (то есть зависимыми или крепостными крестьянами). В отличие от рабов они не были собственностью хозяина; они владели своим

участком земли и вступали в брак, но они не имели права покидать свой участок и должны были часть времени работать на своего хозяина.

	ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ	ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФОРМА	ФОРМА ПРИВЕТСТВИЯ
АНТИЧНОСТЬ	<i>Граждане-воины</i>	<i>500 г. до н. э. Древнегреческая демократия Римская республика</i>	<i>Республиканский салют</i>
	<i>Пешие воины на жаловании</i>	<i>27 г. до н. э. Август, первый римский император</i>	<i>Республиканский салют</i>
	<i>Пешие наемники- чужеземцы</i>	<i>Диоклетиан, Константинополь, поздняя империя 476 г. Падение Рима</i>	<i>Падение ниц</i>

К 476 году, который считается датой падения Западной Римской империи, на ее территории уже оформилось средневековое общество. В укрепленных поместьях проживали землевладельцы, хозяева и защитники людей, занимавшихся сельским хозяйством на их земле. Поменялся весь уклад жизни западноевропейского общества, и его основой стала преданность хозяину, а не государству, будь то республика или империя. Но период древнеримской государственности надолго сохранился в памяти европейцев и оказал большое влияние на дальнейшее развитие общества.

Глава пятая

ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ II

Государства, пришедшие на смену Римской империи, были весьма примитивными. Первым лицом в них был король, бывший военный вождь, который раздавал земли своим соратникам, а взамен соратники должны были посылать ему войска для ведения войны. Таким образом короли получали армию, не взимая налоги и не содержа сложный административный аппарат. Земля, переданная в собственность таким образом, получила название феода (лен, надел), и от этого слова произошло слово «феодал» (землевладелец, помещик) и название строя: феодальный.

Феодальные монархи, опиравшиеся на крупных землевладельцев, поставивших им войска, по сути были слабыми правителями. Теоретически король продолжал владеть землей, переданной им в дар землевладельцу, но на практике земля становилась собственностью феодала и переходила от отца к сыну. Землевладельцы приносили клятву верности королю, но в любой момент могли отречься от своего монарха, перейти на сторону его противника или вовсе не обращать на короля внимания. Они содержали войска, которые посылали королю, но с помощью этих же войск они могли выступить и против короля; опираясь на своих солдат они могли выдвигать свои условия. Жили феодалы в укрепленных замках, хорошо подготовленных к нападению как врагов, так и властителя.

В эту же эпоху произошла смена военной тактики. В Древней Греции и в Древнем Риме основой войска была пехота; теперь же главная роль перешла к коннице. Стремя, пришедшее в Европу с востока, превратило конников в весьма грозных соперников. Держась в седле, опираясь на стремяна, конник стал гораздо более уверенно себя чувствовать, и пешим воинам было уже труднее сбить его на землю, а совокупная масса лошади и человека не шла ни в какое сравнение с массой пехотинца. Конник, мчавшийся во весь опор, с копьем наперевес, превратился в чрезвычайно мощную военную машину. Такие конники стали называться «рыцарями», и именно их поставляли королю крупные землевладельцы.

Землевладельца с королем связывала личная клятва верности. Землевладелец становился на колени и поднимал сложенные ладонями руки вверх, давая обещание служить королю верой и честью; король при этом обхватывал ладони землевладельца своими руками. После этого подданный вставал, и они с королем обменивались поцелуями. Таков был ритуал, подчеркивающий одновременно и подчиненное положение подданного, и его равенство королю. Такова была и природа отношений между королем и подданным: подданный обещал хранить верность своему повелителю, пока тот защищал его. Королевская власть изначально негласно подразумевала договорной характер отношений правителя и его подчиненного, и эта идея в Западной Европе до конца так и не исчезла.

Клятва верности. Иллюстрация из Дрезденского манускрипта «Саксонское зеркало», составленного между 1220 и 1235 гг.

Обычно преклоненные колени и сложенные ладонями руки ассоциируются с молитвенной позой, но христиане поначалу молились стоя, раздвинув руки в стороны и обратившись лицом к востоку, откуда должен был прийти Христос во славе. Наша же молитвенная поза напоминает позу ритуала клятвы верности земному властителю. По поводу происхождения этого ритуала и этой позы ведутся оживленные споры. Откуда возник такой обычай, и римский он или германский? Даже во времена расцвета Древнего Рима молодые люди часто искали

себе патронов, то есть покровителей, а с ослаблением центральной власти такая практика распространилась повсеместно. Но сам ритуал сложения рук и целования был германским – он скреплял связь между воином и его вождем.

Идея государства как особой силы, независимой от людей, занимающих высокие должности, исчезла. Когда король умирал, все его подданные должны были давать новую клятву верности его преемнику. Только так у территории мог появиться новый правитель. А поскольку идея государственности стала связываться с родственными узами, то короли могли поделить свои владения между своими детьми, как это сделал король Лир в пьесе Шекспира и Карл Великий в реальной жизни, несмотря на все его усилия объединить разные земли в одну империю.

Новые правители принимали новые клятвы верности, и так возникала новая государственная власть. Ни одному римскому императору не пришло бы в голову разделить империю между детьми, ведь его обязанностью было поддерживать единство государства. Когда же империя разделилась на западную и восточную половину, это было сделано в целях улучшения административного контроля и обороны.

Из-за своей слабости феодальные монархи были вынуждены обращаться за помощью к влиятельным лицам своего государства. Регулярной армии у королей не было, как не было стройной системы налогов или гражданских служб. Поэтому они созывали крупных землевладельцев, выслушивали их рекомендации и заручались их поддержкой. Такая система была закреплена формальным образом при создании парламентов, в которых заседали представители трех сословий: духовенства, дворянства и третьего сословия.

Под термином «сословие» подразумевается одна из групп, на которые делились люди в средневековом феодальном обществе: священники, в чьи обязанности входило молиться; дворянство, первым долгом которого было сражаться; и все остальные люди, обрабатывавшие землю, занимавшиеся торговлей и иными видами деятельности. Сословие – это не то же самое, что и класс. Классы выделяются по их роли в экономике, но эти три группы выделялись по их функции: молитва, сражение, труд. Что касается богатства и роли в экономике, то среди представителей одного сословия существовали огромные различия. В состав духовенства наряду с богатейшими

архиепископами и епископами входили и до сих пор входят приходские священники, зачастую очень бедные. К дворянству принадлежали не только крупные землевладельцы, но и бедные люди благородного происхождения. К третьему сословию причисляли купцов и банкиров, иные из которых были богаче многих аристократов и нанимали к себе на работу других людей незнатного происхождения. Именно эти богачи из третьего сословия и посылали своих представителей в парламент, а вовсе не трудовой люд и зависимые крестьяне, бывшие фактически наполовину рабами.

Во Франции представители трех сословий входили в парламент, который получил название Генеральные штаты. В одной палате заседали представители духовенства, в другой – дворянства, а в третьей – представители так называемого «третьего сословия». В Англии духовенство представляли архиепископы и епископы, а аристократы заседали в Палате лордов; люди незнатного происхождения же, или «общинники», заседали в Палате общин. В современной Великобритании эти названия представляют собой пережиток Средневековья, как и сама монархическая форма правления. В настоящее время это демократическая страна, но она стала таковой только после того, как была ограничена власть лордов и всем было предоставлено право избирать своих представителей в Палату общин; роль же монарха в Великобритании исключительно символична. Конечно, это не та демократия, которая была в Афинах в античный период.

В Средние века парламенты не были постоянным органом государственной власти; монархи созывали их время от времени, когда возникала такая потребность. Основной функцией парламентов не было принятие законов, и они часто созывались лишь тогда, когда королю требовались дополнительные средства. Короли постепенно усиливали свою власть; они получали доходы с принадлежавших им земель. В их казну шли и налоги, которые они имели возможность собирать. Однако когда расходы увеличивались, короли решали провести дополнительные сборы, и созывали парламент, чтобы он одобрил их решение. Тогда парламент мог представить королю жалобы; могли также быть приняты законы, как по предложению короля, так и по предложению парламента.

С ростом городов в эпоху Средневековья возникла другая форма политического устройства. Городами управляли члены выборного совета, а они, в свою очередь, выбирали бургомистра, или мэра. В период раннего Средневековья монархи были настолько слабы, что и не пытались управлять городами напрямую; они позволяли городам заниматься собственными делами, при условии выплаты налогов и податей, а также в обмен на обещание хранить верность правителю. В городском совете заседали равные по своему социальному положению горожане, и клялись они во взаимной верности. Это был отдельный мир, отличавшийся от мира феодалов и их вассалов. Городской совет, выбирающий бургомистра и должностных лиц, управлявших городом – это европейское изобретение. Сильные монархи не допускали, чтобы в их странах возникали центры неподконтрольной им власти. В Европе же купцы, банкиры и производители товаров постоянно богатели и усиливали свою власть вплоть до того, что получали квазинезависимый статус. В своем стремлении подчинить себе крупных землевладельцев монархи обращались за помощью к горожанам (от которых получали дополнительные средства). Это тоже было довольно необычным для истории явлением.

	ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ	ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФОРМА	ФОРМА ПРИВЕТСТВИЯ
АНТИЧНОСТЬ	<i>Граждане-воины</i>	<i>500 г. до н. э. Древнегреческая демократия Римская республика</i>	<i>Республиканский салют</i>
	<i>Пешие воины на жаловании</i>	<i>27 г. до н. э. Август, первый римский император</i>	<i>Республиканский салют</i>
	<i>Пешие наемники- чужеземцы</i>	<i>Диоклетиан, Константинополь, поздняя империя 476 г. Падение Рима</i>	<i>Падение ниц</i>
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	<i>Конные рыцари (непостоянное войско)</i>	<i>Феодальные монархи и «сословия» Городское самоуправление равных в правах торговцев</i>	<i>Преклонение колен Поцелуй Взаимная клятва</i>

Слабые монархи конфликтовали с землевладельцами-аристократами и с парламентами; в современную эпоху, начиная примерно с 1400 года, монархи начали брать верх. Феодальные монархии превращались в то, что называется «абсолютной монархией»; правителям государств уже не нужно было обращаться за помощью к парламентам. Парламенты при этом формально не отменяли – их просто не созывали в течение длительного времени. Были найдены новые способы пополнения казны. Французские короли продавали государственные должности; если, например, человек хотел быть сборщиком таможенных пошлин, он платил королю большую сумму, надеясь возместить свои расходы за счет торговцев. В казну испанских королей поступало огромное количество золота из стран Нового Света – Мексики и Перу.

Прилагательное «абсолютная» не передает всех тонкостей государственного устройства такой монархии и может даже привести к ошибочному выводу. Европейские монархи вовсе не делали все, что им захочется. Они не были тиранами; им приходилось в той или иной степени соблюдать законы, хотя когда под угрозой оказывалась безопасность государства, они могли склонить судей на свою сторону и те выносили нужный приговор «неудобным» подданным.

Они поддерживали идею божественного происхождения королевской власти, согласно которой все должны были подчиняться королю. По сравнению с более ранними монархиями это было огромным достижением; но оно же и несколько ограничивало королей в своих действиях, ведь они понимали, что об их делах будут судить, исходя из представлений о божественной справедливости.

Абсолютные монархи отличались от феодальных монархов большей величием и отдаленностью от своих подданных. Ритуал обмена поцелуями между королем и его подданным больше не соблюдался; в присутствии короля подданные становились на колени в надежде удостоиться чести поцеловать руку своего повелителя.

Из казны абсолютные монархи выделяли средства на содержание собственной армии, которая в основе своей вновь превратилась в армию пехотинцев. В конце Средневековья были изобретены новые виды оружия, эффективные против конницы: длинные луки и пики. Английский длинный лук, более мощный, чем арбалет, помогал лучникам пробивать броню панцирей конников и сбрасывать их с коней.

Французы поначалу считали длинный лук бесчестным оружием, недостойным настоящих воинов, и французские рыцари отчаянно бросались в бой на лучников, но это было все равно что бросаться грудью на пулемет во время Первой мировой войны. Вскоре свои отряды лучников появились и у монархов Франции. Швейцарцы изобрели и усовершенствовали пику – длинное тяжелое копье; на марше пехотинцы несли пики на плечах, а в бою выставляли их вперед, создавая преграду для конницы.

Как только у монархов появились собственные армии, они обратили их против своих подданных – как против крупных землевладельцев, бросавших вызов королю, так и против бедных крестьян, отказывавшихся платить налоги. Еще крепче держать

подданных в узде позволил порох, появившийся в Европе в конце Средних веков. Теперь пушки обстреливали ядрами крепостные стены и разрушали их.

Центральная власть в европейских странах усилилась, но тот факт, что предыдущие правители зависели от своих подданных, по-прежнему давал о себе знать. Так, например, в Англии парламент не только сохранился, но и укрепил свои позиции, а король Франции был вынужден снова созвать Генеральные штаты после 175 лет перерыва.

В континентальной Европе, где монархи регулярно воевали друг с другом, ощущалась необходимость в сильных сухопутных армиях, но для защиты Англии от внешнего врага требовался сильный флот. Если же король Англии начинал укреплять армию, то его подданные воспринимали это как угрозу своим свободам. Таким образом, английскому королю было труднее собрать войска, когда возникала необходимость вести борьбу с внутренним врагом. Тем не менее, в XVII веке монархи Англии попытались установить абсолютизм по европейскому образцу.

* * *

Попытку эту предпринял правитель из шотландской династии Стюартов. В 1603 году скончалась не оставившая наследников королева Елизавета I, и трон перешел к Якову VI, королю Шотландии, который после этого стал еще и королем Англии Яковом I, а его наследники правили сразу двумя королевствами.

Как сам Яков I, так и его сын Карл I с внуком Карлом II враждовали с парламентом. Короли испытывали недостаток в финансовых средствах и требовали от парламента увеличить налоги, но парламент в ответ требовал установление своего контроля над деятельностью монарха. Короли, естественно, противились этому и пытались найти дополнительные источники средств, в обход парламента; парламент же, в свою очередь, становился все более подозрительным и беспокойным. В таких случаях европейские монархи просто не обращали на парламент никакого внимания и действовали как им заблагорассудится, но в Англии некоторые слои населения активно поддерживали сторону парламента и были готовы рисковать

ради него своей жизнью. Основным поводом для разногласий стала религия: короли из династии Стюартов были католиками, брали в жены католичек или просто не оказывали протестантам поддержки.

Англия стала протестантской страной в период Реформации, но не по образцу Германии, где и зародился протестантизм. Своего Лютера в Англии не было, и от католической церкви эта страна отошла по инициативе короля Генриха VIII, прославившегося тем, что у него было шесть жен. Его первая жена, Екатерина Арагонская, представительница испанского правящего дома, не смогла родить ему наследника мужского пола. Обычно в таких случаях папа римский находил способ объявить брак недействительным, но в этом случае он не захотел портить отношений с испанским королем. В результате в 1534 году Генрих VIII объявил себя главой Католической церкви в Англии. Он назначил архиепископа, объявившего брак с Екатериной недействительным и обвенчавшего монарха с Анной Болейн. После этого английская церковь (или англиканская, как ее стали называть), постепенно стала склоняться к протестантизму, но сохраняла католические обряды и духовные саны епископов и архиепископов. Это раздражало пуритан, строго настроенных протестантов, требовавших проведения более радикальных реформ в церкви.

Яков I сопротивлялся требованиям пуритан, но под его руководством был совершен великий труд – сделан новый перевод Библии на английский язык. Так называемая «Библия короля Якова» стала официальной Библией англиканской церкви на последующие триста лет. Его сын Карл I придерживался направления «высокой церкви» в англиканстве, которое слишком похожим на католицизм

считали даже многие англикане, не говоря уже о пуританах. Будучи главой англиканской церкви, он всячески настаивал на своих взглядах, чем наносил оскорбление приверженцам других направлений в христианстве. Жена его была католичкой, и по особому распоряжению к ней приставили священника, совершавшего при дворе богослужения по католическому образцу.

После того как отношения Карла I с парламентом зашли в тупик, он распустил парламент и одиннадцать лет правил единолично, на что имел право, поскольку парламент созывался по приказу короля. Обладая он определенным здравомыслием, он бы и дальше правил сам о стоятельно, но тут он допустил оплошность, попытавшись ввести богослужение по своему образцу в Шотландии, в которой к тому времени очень сильны были протестантские настроения. Шотландцы подняли восстание и двинулись в Англию с целью свергнуть короля. Для борьбы с ними Карлу нужна была армия, и он попытался созвать парламент, чтобы тот утвердил новые налоги. Парламент воспользовался этими обстоятельствами, чтобы потребовать увеличения своих полномочий и ограничения власти короля над церковью и государством. Он даже казнил главного министра Карла, англиканского архиепископа Кентерберийского. Так Карл оказался отданным на милость парламента, но вскоре он собрал вокруг себя группу сторонников-роялистов, развязавших гражданскую войну с приверженцами парламента. Парламент в этой войне победил, и в 1649 году главный военачальник парламентской армии Оливер Кромвель устроил суд над Карлом I и добился его казни. После этого Кромвель созвал парламент, но затем и сам поссорился с ним. В период его правления Англия считалась республикой, но фактически это была своего рода военная диктатура. После смерти Кромвеля один из его полководцев снова собрал парламент, который возвел на престол сына Карла, находившегося на то время в изгнании.

Свое правление Карл II начал с восстановления всех формальных признаков былой власти, хотя казнь отца служила ему напоминанием, что не следует слишком жестко настаивать на своем. Новый король симпатизировал католицизму и принял его на смертном одре. Законных наследников он после себя не оставил, хотя у него было много побочных детей. После Карла II правил его брат Яков, открыто исповедовавший католицизм. Парламент попытался принять законы,

запрещавшие править этому королю, но тот в ответ распустил парламент, хотя и не мог собирать без него налоги. Это затруднение Яков преодолел, тайно получая финансовую помощь от абсолютного монарха Франции Людовика XIV, который вознамерился превратить Францию в полностью католическую страну и отменил все свободы, дарованные ранее протестантам. Тысячи французских протестантов устремились в другие страны, в том числе и в Англию, где в 1685 году на трон взошел католический король Яков II, тоже исповедовавший католицизм.

Яков II прекрасно понимал, что многие в стране настроены против него, но твердо проводил свою политику. Он не скрывал своих религиозных убеждений и утверждал, что это единственно верная религия. Опасавшись повторения ужасов гражданской войны, многие члены парламента вознамерились было примириться с таким королем, но тут у него родился наследник мужского пола. Многие стали опасаться, что Англия теперь обречена попасть под власть католической династии. Вожди парламента тайно пригласили на трон правителя-протестанта Вильгельма Оранского, женатого на Марии, дочери Якова II от его первой супруги-протестантки. Вильгельм в Европе считался поборником протестантизма и воевал с Людовиком XIV, защищая свою страну от нападения католиков.

Парламентский переворот прошел на удивление легко. Попутный ветер быстро доставил корабль Вильгельма через Ла-Манш, и как только будущий правитель высадился, почти все войска короля Якова отказались сражаться и перешли на сторону голландца. Яков сбежал в Ирландию, что оказалось удобным выходом для всех, так как парламент вовсе не горел желанием судить его или казнить. Парламентарии просто объявили, что трон отныне свободен, и возвели на него Вильгельма и его жену Марию. При этом полномочия короля и королевы были оговорены в особом документе – Билле о правах, в котором перечислялись как права парламента, так и права отдельных людей:

Права человека:

Каждый подданный имеет право обращаться с петицией к королю [Яков преследовал лиц духовного звания, обращавшихся к нему с жалобами на его церковную политику].

Недопустимо ни требование чрезмерных залогов, ни наложение чрезмерных штрафов.

Недопустимо назначение жестоких и необычных наказаний.

Протестанты имеют право носить оружие.

Присяжные избираются без королевского вмешательства.

По современным меркам это довольно ограниченный список прав, но именно этот документ заложил основание для дальнейшего развития концепции прав человека. Так, например, в американском Билле о правах даже буквально повторяется фраза «жестокое и необычные наказания».

Права парламента:

Парламент должен созываться регулярно.

Король не имеет право приостанавливать законы или исполнение законов [Яков как приостанавливал законы в отношении католиков, так и отказывался исполнять их].

Право взимать налоги имеет только парламент [Яков, как и его предшественники, взимал сборы, пользуясь исключительно своей властью].

Набор и содержание постоянной армии в мирное время без согласия парламента недопустимы [Яков создал свою собственную армию].

Король не имеет права создавать свои собственные суды [Яков создавал свои суды для упрочения своей власти над церковью].

Король и его министры не имеют право вмешиваться в парламентские выборы [Яков пытался контролировать выборы, чтобы в парламент прошли его ставленники].

Члены парламента имеют право свободно выразить свое мнение в парламенте без угрозы судебного преследования [сейчас это называется парламентской привилегией].

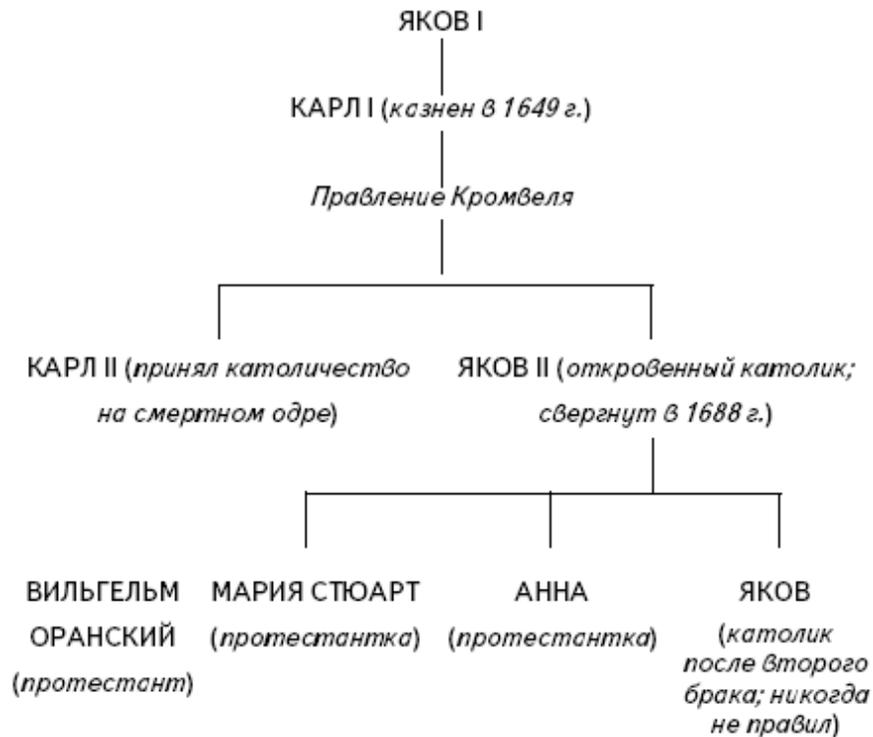
Так в Англии – без всякого кровопролития – была проведена конституционная парламентская реформа, получившая название «Славная революция».

У монарха оставалось достаточно прав: он мог выбирать министров, руководить политикой государства, заключать договоры, объявлять войну. Но поскольку средства он получал только с согласия парламента, ему приходилось выбирать министров из числа лиц, поддерживаемых парламентом.

Со временем в Великобритании и в странах, следующих ее образцу, сложилась особая, так называемая «Вестминстерская система» правления: король, королева или их представители официально считаются главой государства, но во всех практических делах они вынуждены следовать советам министров, ответственных перед парламентом.

Вильгельм с Марией не оставили после себя наследников. После них правила Анна, сестра Марии и дочь Якова II, все дети которой умерли в младенчестве или в детстве.

Общественное мнение было настроено против представителей династии Стюартов, католиков по вероисповеданию, и парламент решил выбрать на царствование германскую курфюрстину Софию Ганноверскую, правнучку Якова I и протестантку по вероисповеданию. Чтобы узаконить свой выбор, парламент принял особый Акт о престолонаследии, регулирующий порядок передачи короны. Ко времени смерти Анны умерла и София, так что корона досталась ее сыну Георгу, который не говорил по-английски и чаще всего жил в Ганновере.

В Акте о престолонаследии, до сих пор считающемся частью британской конституции, содержатся два важных положения:

Монархом может быть только лицо англиканского вероисповедания, не состоящее в браке с католиком.

Монарх назначает судей, и сместить их можно только голосованием обеих палат парламента.

Билль о правах позволил парламенту стать сильной, постоянной и независимой от других законодательной ветвью власти. Судебная власть также получала независимость от исполнительной – короля и министров, которые назначали судей. Официальной религией государства было объявлено протестантство как гарантия свобод его жителей. Протестантизм с самого начала бросил вызов авторитету папы римского и епископов и потому воспринимался как воплощение свободы отдельной сознательной личности. Врагами Англии в те времена были католические абсолютные монархии Франции и Италии, и все короли и претенденты на английский трон, пытавшиеся тем или иным образом обойти парламент, либо были католиками, либо

сочувствовали католицизму. Исторически сложилось так, что сторону парламента принимали именно протестанты.

Можно сказать, что английская аристократия и английские землевладельцы, из которых, собственно, и состоял парламент, произвольно заложили основы либерального государства. Полностью либеральным назвать его нельзя, потому что оно оставалось враждебным к католикам. Да и руководствовались члены парламента отнюдь не либеральными принципами – они всего лишь старались сохранить свои древние права и привилегии. В своей борьбе с королем они разработали ряд мер по ограничению своеволия главного правителя, пытавшегося установить абсолютную монархию по континентальному образцу. В результате они обязали его регулярно созывать парламент, отняли право устанавливать налоги без согласия парламента и лишили контроля над судами. Теоретические основы такой формы правления были описаны уже после победы парламента.

Сформулировал же принципы либерализма для поддержки парламентского переворота английский философ Джон Локк, поддерживавший «Славную революцию». Свое произведение «Два трактата о правлении» он опубликовал 1690 году, вскоре после переворота. Опираясь на римскую идею естественного права, Локк доказывал, что человек с самого рождения имеет определенные права, такие как право на жизнь, свободу и собственность, и что государство – это результат общественного договора: люди предоставляют часть своей свободы правительству в обмен на защиту своих прав. Но если государство не защищает их, люди имеют право восстать против власти и сформировать новое правительство. Божественное происхождение власти, ответственность подданных перед правителем – все это ушло в прошлое; власть стала восприниматься как договор между людьми. Но в таком понимании власти Локк был отнюдь не первым: подобная идея была заложена еще в отношениях между феодальными монархами и их вассалами; на протяжении всего Средневековья, пока парламенты то созывались, то распускались, она продолжала оказывать подспудное влияние на развитие политической мысли. В Англии труд Локка не воспринимался как призыв к революции, потому что объяснял уже случившееся, но в Америке и во Франции противники существующего строя оправдывали с его помощью свои попытки совершить

государственный переворот и использовали концепцию прав человека для формулирования основ нового политического порядка.

* * *

Французская революция на ранней стадии ставила своей целью установление конституционной монархии по образцу английской. В 1780-х годах французская монархия оказалась на грани краха, и у революционеров появился шанс воплотить задуманное в жизнь. Людовик XVI несколько раз сменял министров финансов, пытавшихся реформировать устаревшую систему налогообложения и сделать ее более четкой и прозрачной. Одним из самых радикальных новшеств было то, что впервые дворянство обязали платить налоги наравне со всеми остальными подданными. Ранее дворяне платили меньше на том основании, что поставляли солдат для защиты королевства и сами состояли на военной службе. К тому времени король набирал и содержал армию совсем по другому принципу, но аристократы, разумеется, воспротивились неугоднему им нововведению. Абсолютные монархи попытались уменьшить власть дворянства, но знать все еще пользовалась многочисленными привилегиями и занимала важные посты в судах (которые регистрировали указы короля), при дворе и в армии. Дворяне запротестовали и, как ни странно, получили общественную поддержку как борцы с «тираном», покусившимся на их древние права; это показывает, насколько ограниченной была в действительности власть абсолютного монарха. Более дерзкий и целеустремленный король на месте Людовика XVI настоял бы на своем, но этот слабовольный монарх согласился с раздававшимися со всех сторон уговорами, что принять новую систему налогообложения можно только с согласия парламента. Так после перерыва в 175 лет были созваны Генеральные штаты.

Почти сразу же начались яростные споры по процедуре проведения парламентского собрания. Согласно обычаю, представители каждого сословия (духовенства, дворянства и так называемого «третьего сословия») заседали отдельно. Решение считалось принятым, если с ним соглашались все три сословия. Вожди третьего сословия – преимущественно юристы и адвокаты – прекрасно понимали, что у

Франции не будет новой конституции, если им придется добиваться согласия священников и дворян. Поэтому они потребовали проведения общего собрания и общего голосования, а также предложили удвоить представительство третьего сословия, учитывая его численность и огромный вклад в развитие промышленности и способствование росту благосостояния государства. Людовик XVI сначала сопротивлялся неизбежным переменам, но потом поддался на уговоры, и в итоге, в свойственной ему манере, сделал только хуже для себя. Он согласился удвоить численность представителей третьего сословия, но палаты по-прежнему должны были заседать раздельно. Конечно, при такой оговорке численность представителей третьего сословия никакой роли не играла – представители духовенства и дворян могли отклонить любое их предложение.

Заседание Генеральных штатов состоялось в 1789 году. Депутаты третьего сословия объявили себя истинным Национальным собранием и предложили всем другим депутатам присоединиться к ним. Однажды утром депутаты Национального собрания нашли двери зала заседаний королевского дворца в Версале закрытыми, поскольку, как им объяснили, надо было покрасить стены. К тому времени напряжение в обществе достигло такой степени, что многие восприняли это как роспуск собрания королем. Депутаты собрались в расположенном неподалеку зале для игры в мяч и поклялись не выходить из него, пока не будет принята конституция королевства. Этот момент изобразил в своей знаменитой картине придворный художник Жак-Луи Давид. Пятью годами ранее он написал картину «Клятва Горациев», на которой изображены отец и его сыновья, поднявшие руки в республиканском салюте. В таком же салюте поднимают руки и революционеры третьего сословия, клянущиеся дать Франции конституцию.

К депутатам Национального собрания примкнули значительная часть духовенства и некоторые представители дворянства. Король дал понять, что готов предоставить Генеральным штатам постоянный статус, прописанный в конституции, но ни за что не согласится, чтобы три сословия собирались вместе. Он даже собирался применить силу против собравшихся, но, встретив решительное сопротивление, не посмел этого сделать. Испугавшись беспорядков, король предложил другим депутатам присоединиться к собранию третьего сословия.

Предводители Национального собрания были истинными сынами века Просвещения, уважавшими либеральные ценности и ратовавшими за всеобщее равенство. В качестве своего лозунга они выбрали следующий: «Свобода, равенство, братство». Свой манифест они озаглавили «Декларация прав человека и гражданина», подразумевая тем самым, что эти права являются неотъемлемыми не только для французов, но и для всего человечества. Вот вкратце основные положения этой декларации:

Жак-Луи Давид. «Клятва в зале для игры в мяч». Эскиз. 1791

Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах.

Таковые права – свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению.

Источником суверенной власти является нация.

Свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому.

Все граждане имеют право участвовать лично или через своих представителей в создании закона.

Никто не может подвергаться обвинению, задержанию или заключению иначе, как в случаях, предусмотренных законом и в предписанных им формах; закон должен устанавливать наказания лишь строго и бесспорно необходимые.

Никто не должен быть притесняем за свои взгляды, даже религиозные.

Каждый гражданин может свободно высказываться, писать, печатать, отвечая лишь за злоупотребление этой свободой в случаях, предусмотренных законом.

Общество, где не обеспечена гарантия прав и нет разделения властей, не имеет конституции.

Этот величественный текст – основополагающий документ современной демократии, но волею судеб случилось так, что он породил одну из самых кровавых и жестоких революций. Люди, записавшие эти принципы на бумаге, хотели создать конституционную монархию по образцу английской, но о какой монархии может идти речь, если источником суверенной власти объявляется нация и все люди считаются равноправными? Авторы документа хотели править сами, и когда дело дошло до составления конституции, решили, что право голоса принадлежит только владельцам собственности. Но как быть с простолюдинами, которые объявлены равными им во всем? А ведь именно только благодаря простому народу, король нехотя согласился принять декларацию; именно народ взял штурмом Бастилию, из-за чего король был вынужден покинуть Версаль и поселиться среди простых парижан. Простой народ помог совершить революцию на практике, и его нельзя было так легко сбрасывать со счетов.

Во Франции было высказано слишком много обещаний и угроз, чтобы появилась надежда на принятие конституции, подобной английской, или на бескровную революцию, вроде той, что произошла в Англии в 1688 году. Английская революция не основывалась на новых принципах, а французская революция выдвигала их великое множество. Король вскоре заявил, что не примет эти принципы и отменит все нововведения, если его вынудят согласиться с ними. Это подтолкнуло радикалов к решительным действиям. Они предложили объединиться с

народом и установить наблюдение за королем или даже устранить его. Только так можно было надеяться на осуществление реформ. Этим деятелям противостояли те, кто тоже хотел перемен, но не был готов к демократическим реформам и к союзу с народом.

Вскоре революционеры пошли друг на друга войной. Одна из причин, по которой Жак-Луи Давид так и не закончил свою картину, посвященную клятве в зале для игры в мяч, заключалась в том, что многие из изображенных на ней людей были впоследствии казнены как враги революции. Радикалы стали известны под названием «якобинцы», поскольку они проводили собрания в бывшем доминиканском монастыре святого Якова; их предводителем был хладнокровный и суровый Максимилиан Робеспьер. Через некоторое время якобинцы установили настоящую диктатуру, казнили короля, исключили из Национального собрания своих противников, закрыли оппозиционные газеты и учредили специальные суды для быстрой расправы над предателями революции. Ужесточение своей политики они объясняли тем, что Франции угрожает смертельная опасность со стороны европейских монархий, не желавших принять принципы, перечисленные в Декларации прав человека. Для войны с иностранными монархиями была создана армия по новому образцу – в нее призывалось все мужское население страны. Таким образом в новой форме вернулась к жизни старая идея граждан-воинов.

Революционеры высоко ценили сочинения Тита Ливия и выбрали своим покровителем Брута, борца с тиранией и основателя Римской республики, пославшего на казнь собственных сыновей. В зале Национального собрания у трибуны стоял бюст Брута, в честь Брута переименовывали улицы, Брутами родители называли своих детей. Установив республику, якобинцы даже запретили изображать королей в карточной колоде, а заодно дам и валетов. Вместо них появились мудрецы, добродетели и воины, причем Брут был одним из мудрецов. Короля стали называть Тарквинием, и призыв к восстановлению монархии считался теперь преступлением, как в Древнем Риме. Жестокие республиканские добродетели; вера в то, что все можно и нужно приносить в жертву ради государства; убеждение, что потоки крови обладают очистительной силой – таковы были древнеримские отголоски в политике первого тоталитарного государства современной эпохи.

	ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ	ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФОРМА	ФОРМА ПРИВЕТСТВИЯ
АНТИЧНОСТЬ	<i>Граждане-воины</i>	<i>500 г. до н. э. Древнегреческая демократия Римская республика</i>	<i>Республиканский салют</i>
	<i>Пешие воины на жаловании</i>	<i>27 г. до н. э. Август, первый римский император</i>	<i>Республиканский салют</i>
	<i>Пешие наемники- чужеземцы</i>	<i>Диоклетиан, Константинополь, поздняя империя 476 г. Падение Рима</i>	<i>Падение ниц</i>
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	<i>Конные рыцари (непостоянное войско)</i>	<i>Феодальные монархи и «сословия» Городское самоуправление равных в правах торговцев</i>	<i>Преклонение колен Поцелуй Взаимная клятва</i>
	<i>Пешие солдаты на жаловании (Англия: флот) Граждане- солдаты (по призыву)</i>	<i>Абсолютные монархии (Англия: парламентское правление) 1789 г. Великая французская революция</i>	<i>Целование руки Республиканский салют</i>

Портрет Мирабо, одного из политических вождей начала Великой французской революции. Рядом с ним стоит бюст Брута, а за спиной висит картина Давида с изображением Брута и его казненных сыновей

Глава шестая

ИМПЕРАТОРЫ И ПАПЫ

Наша история начинается с великой империи, которая пережила периоды становления, расцвета и падения. Европа многим обязана Древнему Риму, и его крушение определило всю дальнейшую историю этой части света. «История упадка и разрушения Римской империи» – так назвал свой труд английский историк Эдвард Гиббон, и название это крепко запечатлелось в нашем сознании. «Интересно, – спросите вы, – каково было жить после такого события? Каково было осознавать себя наследником разрушенной цивилизации?» Но если бы вы задали этот вопрос средневековому феодалу или ученому, они даже не поняли бы, о чем идет речь. В их понимании они все еще жили в Римской империи, а государственное обозначение с таким названием просуществовало до XIX века. Последний римский император возводил свою родословную к Августу. Как так получилось?

Правление Августа началось в 27 году до н. э., и основанная им империя на западе просуществовала 500 лет. Около 400 года она разделилась на восточную и западную части, и восточная часть просуществовала еще тысячу лет, вплоть до 1453 года. Варвары, вторгнувшись в пределы Западной Римской империи, признавали власть императора Восточной Римской империи. Хлодвиг, первый христианский правитель франков, получил от восточного императора титул «консула». Римский папа также признавал власть императора на востоке, и, несмотря на неразбериху и хаос, порожденные варварами в западных областях, в его глазах основы старого порядка оставались нетронутыми. Папа обосновался в Риме, а на востоке, в Константинополе, жил христианский император. Вместе они управляли всем христианским миром. Но когда папе потребовалась помощь, император мало что смог предложить.

Над папой нависла грозная опасность, когда лангобарды, представители второй волны германских завоевателей, вторглись в Италию в VIII веке. Лангобарды вознамерились завоевать всю Италию, включая Рим и прилегающие к нему земли; именно поэтому они представляли серьезную угрозу для папы. Даже сегодня в

распоряжении папы имеется участок земли, город Ватикан. Это крохотное, но вполне самостоятельное государство, не входящее в состав Италии. Папы всегда опасались лишиться самостоятельности и попасть под влияние других правителей. Представьте себе только, что произошло бы, если бы Ватикан был присоединен к Италии. Италия могла бы принять закон, согласно которому всем должны предоставляться равные права во всех сферах жизни, в том числе и в церкви. Церковь вполне могли бы привлечь к суду за то, что она не выбирает женщин папами, не говоря уже о епископах. Итальянское государство обложило бы налогами доходы и имущество церкви или приняло бы законы, согласно которым, допустим, во всех общественных уборных должны продаваться презервативы и т. д.

В VIII веке папа тоже опасался потерять независимость и попасть под власть лангобардов. Он обратился за помощью к императору Восточной Римской империи, но тот был не в состоянии это сделать, поскольку ему приходилось отражать все более частые атаки мусульман на свои земли. Тогда папа устремил свои взоры за Альпы, где располагалось самое сильное государство на западе, королевство германской народности франков. Христианский король франков Пипин вторгся с войсками в Италию и не только покорил лангобардов, но и выделил папе обширные земли вокруг Рима, которые с тех пор должны были считаться землями папы. Со временем границы этих земель менялись, но подвластная папе римскому территория сохранялась вплоть до XIX века. И только объединение Италии вынудило его пойти на уступки, передать большую часть своих владений светскому государству и оставить себе небольшой район города, в котором ныне и располагается крошечный Ватикан.

Сыном Пипина был знаменитый Карл Великий, значительно расширивший территорию франкского королевства. Ему принадлежали часть земель за Пиренеями в Испании; половина Италии, включая ту территорию, которую его отец выделил папе; а на востоке – значительная часть территории современной Австрии и Германии. После падения Рима европейских государств таких масштабов больше не возникало, за исключением недолго просуществовавших империй Наполеона и Гитлера. В Германии Карл Великий столкнулся с саксами, ранее не пересекавшими границ Римской империи. Этим языческим племенам Карл предложил выбор – принять христианство или стать

рабами, которых затем должны были отослать в центральную часть королевства франков.

В 800 году Карл посетил Рим, где присутствовал на рождественской мессе в соборе. После мессы папа подошел к своему гостю и, как казалось, без всякого предупреждения возложил на голову Карла Великого корону и провозгласил его римским императором. На такой шаг папа пошел в надежде привлечь на свою сторону сильного правителя, который мог бы защитить его. Но поскольку это был выпад против императоров Восточной Римской империи, то папе нужно было найти оправдание своим действиям. И долго думать ему не пришлось. В то время в Константинополе правила императрица, ослепившая своего сына и отстранившая его от власти. Коронував Карла, папа формально лишил ее власти над западом.

Позже между папами и императорами велись ожесточенные споры о том, что же на самом деле произошло в римском соборе в Рождество 800 года. Папы подчеркивали тот факт, что именно сам папа возложил корону на голову Карла Великого, иными словами, он обладает наивысшей властью. Но затем папа поклонился Карлу Великому, и императоры видели в этом доказательство признания папой власти императора над собой. Они справедливо замечали, что папа выбрал своим покровителем Карла Великого, поскольку тот на деле продемонстрировал свою силу и умение править и вовсе не нуждался в поддержке папы.

Королевство франков в период своего расцвета занимало территорию современной Франции и некоторых областей Германии, Испании и Италии

Империя Карла коренным образом отличалась от Римской империи, да и сам Карл был совершенно не похож на древнеримских императоров. По сути он оставался малообразованным варварским королем: хотя он и научился читать по-латыни, но писал с большим трудом. До конца своей жизни он держал у своей кровати восковую табличку и упражнялся в письме, но так до конца и не освоил эту науку. Однако на примере римлян он усвоил, что империя должна нести цивилизацию. Германские предки Карла жили грабежом и разбоем, и именно стремление к богатой добыче подталкивало их к завоеваниям. Если они и создавали государства, единственной целью таких общественных образований были грабеж и разбой с последующим дележом добычи между друзьями и соратниками вождя. Этим принципом руководствовались многие древние правительства, а некоторые руководствуются и до сих пор. Святой Августин, живший в последние годы Западной Римской империи, в своем сочинении «О граде Божьем» писал: «Если нет справедливости, то что такое царства, как не величайшие разбойники?» Святой Августин был любимым

писателем Карла Великого, так что великий правитель франков прекрасно понимал рассуждения великого философа. К саксам на востоке он относился со всей жестокостью до тех пор, пока они оставались язычниками. Но как только эти племена приняли христианство и поселились в пределах его государства, он старался править ими, руководствуясь принципами справедливости.

Несмотря на то что сам Карл не получил систематического образования, он покровительствовал наукам и ученым, которым было приказано искать древние рукописи и делать с них копии. Почти все латинские сочинения, дошедшие до наших дней, сохранились благодаря копиям времен Карла Великого. Не будь этого императора, до нас дошла бы лишь малая толика классического наследия Античности.

В своей деятельности Карл Великий сталкивался с огромными трудностями. У него не существовало административного аппарата, дороги между крошечными городами были плохими, торговля находилась в упадке, повсюду царил хаос. В этом отношении его империя определенно отличалась от римской. Метод управления Карла Великого состоял в назначении правителями различных территорий герцогов, которые следили за тем, чтобы местные землевладельцы хранили верность Карлу Великому. Никакой институциональной базы правления не существовало, все в государстве зависело от личности правителя.

Свой дворец Карл построил в Ахене, рядом с современной границей между Германией и Бельгией, но в то время это был почти центр королевства. Сам дворец не сохранился, но до наших дней дошла часовня, построенная в романском стиле с полукруглыми арками. Подлинные римские колонны, поддерживающие арки, были доставлены из самой Италии.

Создав огромную империю, Карл Великий решил, по германскому обычаю, разделить ее между своими сыновьями. Но после смерти императора в живых остался только один его сын, так что раздел империи произошел в следующем поколении. Внуки Карла враждовали друг с другом, и империя распалась на три части. Западная часть со временем стала называться Францией, а восточная часть – Германией. Последующие междоусобицы и набеги викингов положили конец методам правления Карла Великого. Графы и герцоги превратились в местных правителей, практически не зависящих от королей. Европа

снова вступила в полосу хаоса, подобного тому, что воцарился после падения Рима. Центральная власть ослабла, и прежде чем короли восстановили ее, им пришлось вести долгую борьбу с графами и герцогами.

После того как империя Карла Великого распалась, у папы римского опять не оказалось защитников. Какое-то время папы полагались на местных князей, которых они объявляли императорами. В 962 году в германской части прежней империи Карла Великого на престол взошел сильный король Оттон Первый. Его-то и короновал императором папа римский, и впоследствии титул римского императора (позднее он стал называться «императором Священной Римской империи») всегда доставался германским королям.

Германия была единственной европейской страной, королей которой выбирали. До вторжения германцев в пределы Римской империи, у них существовала смешанная система наследования и выборов. Кандидатами на пост правителя становились мужчины из правящего рода, но им требовалось заслужить это, доказав свою воинскую доблесть: воинственным племенам не нужны были слабовольные вожди, неспособные постоять за себя.

Так получилось, что во Франции в течение долгого времени у всех королей рождались незаурядные сыновья, и власть королей постепенно стала исключительно наследственной. Но у королей Германии достойные сыновья рождались не всегда, и потому правителей продолжали выбирать. Когда же из числа германских правителей начали выбирать императора, этот обычай стали соблюдать еще более строго. Император считался верховным правителем всех христиан, и теоретически им мог стать любой христианский правитель, но на практике его почти всегда избирали из числа германских князей. Поначалу выборщиков было много, к ним принадлежали различные местные правители, в том числе архиепископы и герцоги, но постепенно их число сократилось до семи. Такой избиратель по-немецки назывался «курфюрстом» («князем-избирателем»).

Германские короли-императоры, как и короли в других странах, постоянно пытались подчинить себе сильных местных правителей. Но поскольку некоторые из таких правителей были выборщиками, императору иногда приходилось идти на уступки, чтобы завоевать их расположение. Политическая ситуация осложнялась еще и тем, что

местные междоусобицы протекали на фоне постоянного соперничества между папой и императором, длившегося не одну сотню лет.

Папы и императоры изначально опирались друг на друга, утверждая свою верховную власть. Императоры защищали папский престол и папские территории. Иногда имперские войска входили в Рим, и император следил, чтобы титул папы достался благочестивому претенденту, а не какому-нибудь проходимцу. Папы римские короновали императоров и освящали их своей духовной властью. Но в XI веке между папами и императорами произошел разлад. Папы стремились единолично править всей церковью из Рима, без вмешательства королей и князей в их дела.

В Средние века Римская церковь была самым влиятельным международным общественным институтом, но местные правители постоянно пытались подчинить в своих землях церковь себе и добиться права назначать епископов. Это было связано не столько со стремлением принимать непосредственное участие в церковных делах, сколько с практической стороной вопроса. Епископы, помимо всего прочего, обладали довольно серьезной властью и владели землей, с которой получали существенный доход. Церкви иногда принадлежало до трети всех земель, а в Германии почти даже до половины. Неудивительно, что светская власть всегда хотела подчинить себе епископов.

В определенном смысле церковь эпохи Средневековья можно сравнить с современными транснациональными корпорациями. Возьмем для примера автомобилестроительную корпорацию «Тойота», штаб-квартира которой находится в Японии. Предположим, что в одном австралийском городе у нее открыт филиал, и руководителя этого филиала назначает премьер-министр Австралии, а исполнительного директора – мэр города. Официально руководитель и директор подчиняются прежде всего японской штаб-квартире, но на практике они действуют с большой оглядкой на местное правительство. Вполне может случиться и так, что премьер-министр и мэр выберут людей, совершенно не разбирающихся в машинах, но заслуживших их личное доверие или оказавших им какую-либо услугу. Примерно такая картина наблюдалась в средневековой церкви: ее власть постоянно подрывали местные влиятельные лица и монархи.

В 1073 году папой стал Григорий VII, вознамерившийся во что бы то ни стало положить конец этой закулисной возне и вернуть Риму всю полноту власти над церковью. Он заявил, что назначать епископов отныне будет только он. Император Генрих IV, в свою очередь, заявил, что право назначать епископов принадлежит только ему. Поскольку император настаивал на своем и не собирался уступать, папа отлучил его от церкви, после чего император не мог посещать мессы, участвовать в церковных таинствах и пользоваться другими услугами церкви. Кроме того, этим папа дал понять подданным императора, что они больше не подчиняются своему повелителю. Германские князья и герцоги, постоянно боровшиеся за власть с императором, только того и ждали.

Зимой Генрих IV перешел через Альпы и попросил аудиенции у папы, который тогда находился в замке Каноссы в северной Италии. Два или три дня он ожидал под снегом, сняв с себя императорское облачение, в грубой одежде. Когда же папа наконец согласился его принять, император встал на колени и попросил прощения. Папа вернул его в лоно церкви, к великому неудовольствию германских князей. Конечно, для Генриха IV просить прощения подобным образом было унижением, но в том-то и заключалась хитрость, потому что папе, как образцовому христианину, было очень трудно отказать ему в милости. Правда, император так и не вернул себе всю полноту власти. Спор между ним и папой продолжался еще несколько лет, пока стороны не достигли компромисса. Император получил право назначать епископов, но окончательно утверждать их назначение должен был папа, вручавший им жезл и официальные одеяния.

Противостояние императоров и пап на этом отнюдь не закончилось. Временами дело доходило до настоящих войн. Можно, конечно, спросить – каким же образом воевали папы, ведь это не короли, а всего лишь главы церкви? Дело в том, что папа в те времена был настоящим монархом, он владел землями и собирал налоги, а из собранных средств выплачивал жалование солдатам. Кроме того, он обращался с просьбой о помощи к другим правителям. Иногда папа заключал союз с германскими князьями, противившимся власти императора, и таким образом открывал фронт буквально в тылу своего врага. Города северной Италии, в эпоху Средневековья самые богатые во всей Западной Европе, не желали подчиняться императору, и иногда

также заключали союз с папой. Впрочем, временами они переходили и на другую сторону, если видели в том свою выгоду.

Папу как воина изумительно описал художник Бенвенуто Челлини в своей автобиографии. Как и большинство деятелей эпохи Возрождения, Челлини был талантлив во многих областях, а не только в ювелирном деле или в скульптуре. Обладал он широкими познаниями и в военном искусстве. Во время нападения врагов на Рим он находился на крепостной стене рядом с папой, отдавая распоряжения канонирам. Среди врагов находился один испанский офицер, который прежде воевал за папу, но затем перешел на другую сторону. Находился он довольно далеко, думая, что до него не долетят пушечные ядра, и потому стоял в непринужденной позе, держа перед собой меч. Челлини отдал приказ выстрелить из пушки; ядро преодолело большое расстояние и странным образом ударило о меч, который рассек офицера напополам. Челлини ужаснулся, что погубил человека до того, как тот успел подготовиться к смерти. Он пал на колени перед папой и попросил отпустить ему этот грех. Но папа пришел в восторг от такого выстрела. Он сказал: «Да, я прощаю тебя и прощаю тебе все греховные убийства, которые ты совершишь во имя церкви».

На странице 195 изображена статуя святого Петра, считавшегося первым папой. Святой Петр облачен в средневековые пышные одеяния, а на голове у него – великолепная корона. О том, что он некогда был простым рыбаком, свидетельствует лишь одна обнаженная ступня. Большинство людей в Средние века не видело в этом никакого противоречия, ведь папа, по их мнению, был не только главой церкви, но величайшим правителем, а такой правитель должен всячески демонстрировать свою величие и принимать других монархов как равный им по положению.

Со временем противостояние пап и императоров завело их в тупик. Никто не мог добиться окончательной победы, и их споры начали походять на современные конфликты между наемными работниками и начальством, когда приходится прибегать к забастовкам и угрозам увольнения. Временами страсти накаляются до предела, но все прекрасно понимают, что рано или поздно будет достигнута та или иная договоренность, а наемные работники и начальство будут существовать всегда. Важная особенность противостояния пап и императоров заключалась в том, что папы никогда не претендовали на титул

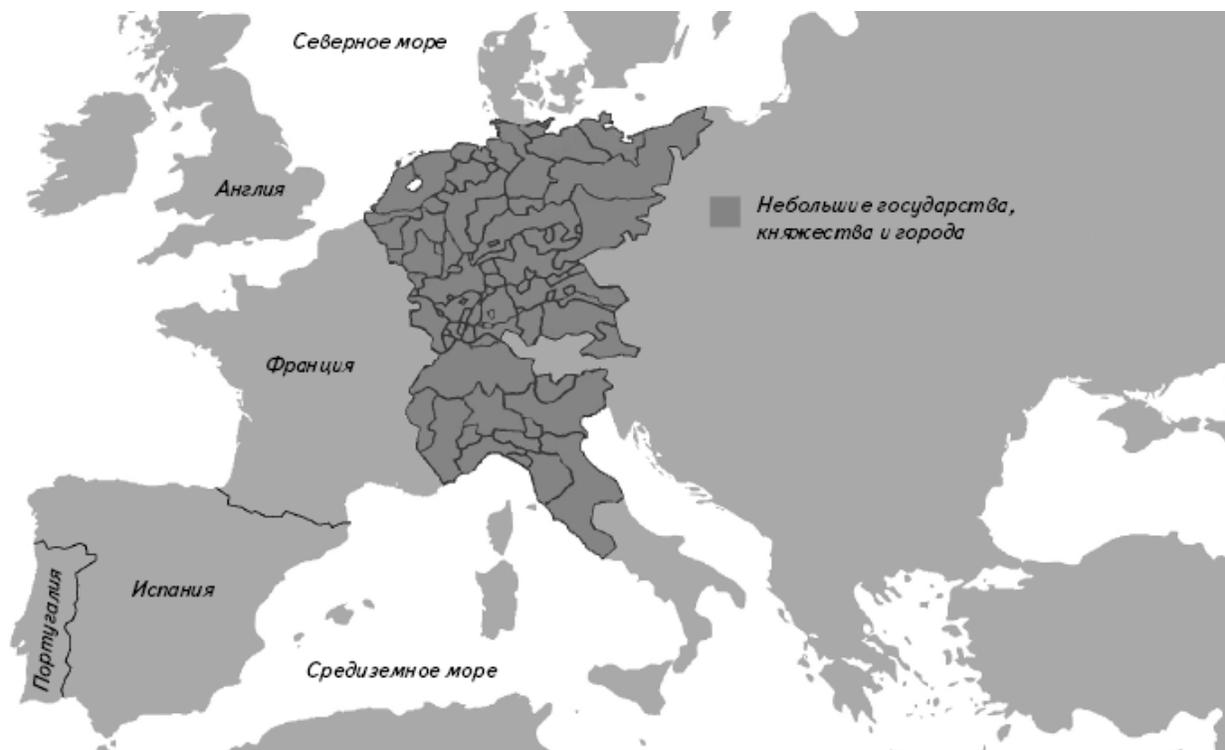
императора, а императоры никогда не претендовали на титул папы. Они признавали необходимость существования друг друга и спорили только о границах власти. Это очень важная особенность Западной Европы, отличающая ее от Византийской империи на востоке. Сложилось так, что константинопольский император воспринимался как правитель, вершивший не только светские дела, но и дела церкви. Конечно, там существовал патриарх, но назначение патриарха проходило с согласия императора. На западе же власть церкви и власть государства были отделены друг от друга, что серьезно препятствовало монархам добиваться ничем не ограниченной власти.

Средневековая бронзовая статуя святого Петра, восседающего на престоле. Собор Святого Петра, Рим

Длительное противостояние пап и императоров ослабило власть как первых, так и вторых. Последствия этой борьбы в Центральной Европе, с Германией на севере и Италией на юге, показаны на карте. Вся эта территория поделена на мелкие княжества, герцогства и города.

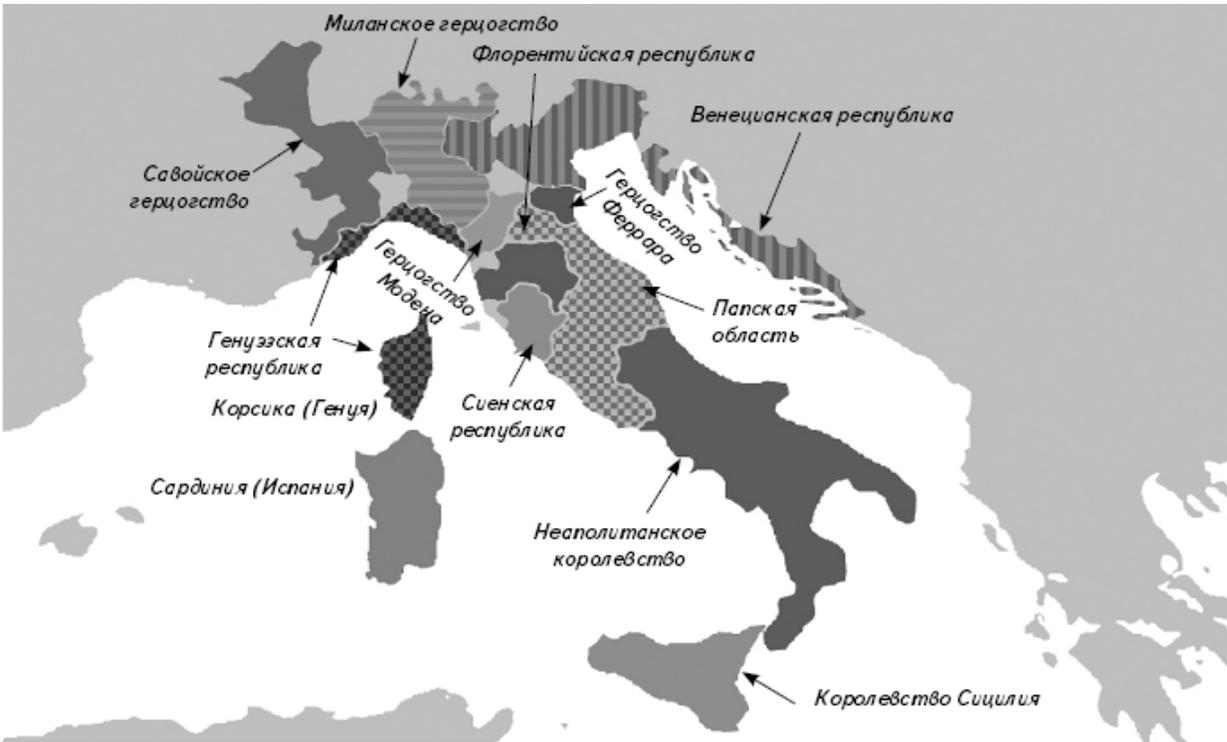
На западе от них в это время формировались такие централизованные государства, как Англия, Франция и Испания. Короли этих стран постепенно подчинили себе местных герцогов и графов и стали править на всей территории. В Англии этому способствовало то, что Вильгельм Завоеватель, высадившийся на ее берегах в 1066 году, покорил все части страны силой и основал монархию, более крепкую, чем те, что существовали на континенте. В центральной же Европе между собой постоянно спорили два представителя центральной власти, император и папа, стараясь всячески привлечь на свою сторону местных правителей. В результате власть местных правителей не уменьшалась, а, наоборот, крепла; эти государственные образования пользовались почти полной самостоятельностью, и центральные правители не вмешивались в их внутренние дела. Именно здесь зародились два крупнейших идеологических и политических движения современной эпохи в истории Европы (после 1400 года): Возрождение и Реформация. Каковы были причины их появления – вопрос этот довольно сложный и требует длительного объяснения. Гораздо легче ответить на вопрос, почему они зародились именно здесь.

Западная и Центральная Европа в 1648 г.

Города северной Италии представляли собой небольшие города-государства вроде тех, что существовали в Древней Греции. Они постоянно соперничали между собой в культурной и политической сферах, стараясь покорить соседей не только военной мощью, но и блеском произведений искусств. Города – это, прежде всего, средоточие общественной жизни, и потому в них бок о бок одновременно проживало много талантливых людей. В отличие от других европейских землевладельцев, представители местной знати не воспринимали свои загородные поместья как основное место пребывания; они много времени проводили и в городах, жизнь которых отличалась необычайным разнообразием. По этим причинам здесь не только пробудился интерес к древнему миру, но и возникли подходящие условия для воссоздания достижений древности.

Реформация зародилась и изначально распространилась в Германии, потому что светская власть здесь была рассредоточена по многочисленным княжествам и герцогствам. Ересь Лютера по закону должен был преследовать император, и действительно, через некоторое время император попытался остановить Лютера. Но уже было поздно. Лютеру был предоставлен свободный проход по всей Германии, чтобы он мог явиться перед императором и немецкими князьями для объяснений. Но Лютер отказался принести покаяние, и тогда император объявил его еретиком, подлежащим немедленному аресту. Саксонский курфюрст Фридрих ослушался императора и предоставил Лютеру убежище. Именно в замке Фридриха Лютер перевел Библию на немецкий язык. В лице Лютера Фридрих и некоторые другие князья Германии увидели возможность наконец-то упрочить свою власть над церковью и ее владениями, ослабив тем самым власть папы и императора. Так зародилось лютеранство.

Государства Италии в эпоху Возрождения (ок. 1494 г.)

Германия и Италия оставались раздробленными до второй половины XIX века. Они слишком поздно добились национального единства, и потому в них сильнее были распространены националистические идеи, зародившиеся в рамках романтического движения. Неудивительно, что в XX веке в этих двух странах некоторое время торжествовал национализм в самой агрессивной и грубой своей форме, известной под названием «фашизм».

Несмотря на ослабление власти императора Священная Римская империя продолжала свое существование. В период позднего Средневековья ее императора курфюрсты выбирали из представителей семейства Габсбургов, одной из самых влиятельных правящих династий Европы. Габсбурги были монархами Испании, Австрии, части Италии и Нидерландов. Они обладали в своих королевствах реальной властью, так что титул императора был для них своего рода показателем престижа. Вольтер, один из вождей Просвещения, в насмешку как раз насмешливо заметил, что Священная Римская империя не является ни священной, ни римской, ни империей, что было правдой. Но несмотря на все противоречия это странное государственное образование продолжало существовать. Конец ему

положил только император совершенно другого, нового государственного образования – Наполеон Бонапарт, захвативший власть во Франции в 1799 году, через десять лет после начала революции.

Римская империя, с момента возникновения до прекращения существования. Императоры Священной Римской империи возводили свою родословную к Карлу Великому, а право на власть – через византийских императоров к первому императору Рима Августу.

Великая французская революция началась с лозунгов о свободе, равенстве и братстве; через четыре года во Франции установилась

якобинская диктатура, во время которой на гильотину всходили враги революции; Робеспьер оставался бы и дальше непримиримым, несмотря на окончание кризиса, но его самого лишили власти и казнили. Умеренные республиканцы попытались стабилизировать политическую обстановку, отстранялись как от простого народа, так и от сторонников монархии, количество которых постоянно росло. Правительству даже пришлось применить силу против этих обеих сторон, и в результате оно лишилось поддержки народа. Так у Наполеона появилась возможность захватить власть. Он прославился как доблестный военачальник в революционных войнах, которые вела Франция с европейскими монархиями. Наполеон искренне верил в идеи Просвещения и придерживался революционных принципов, однако он не соглашался с тем, что народ сам должен руководить государством. Было понятно, что попытки установить народовластие начиная с 1789 года не увенчались успехом, так что подход Наполеона к этому вопросу показался весьма практичным. Наполеон был самым мягким и привлекательным из диктаторов. Он не желал давать той или иной общественной группе особых привилегий; все граждане отныне считались равными; все дети должны были получать образование за счет государства; все государственные должности были доступны любому, кто сумеет проявить свои способности. К участию в управлении государством Наполеон привлек самых талантливых людей, не обращая внимания на их убеждения во время революции. Он одинаково относился к республиканцам и монархистам, сторонникам якобинского террора и их противникам. Он поставил перед ними задачу разработать для Франции упорядоченную и рациональную систему государственного управления.

Одна из причин, по которым «абсолютизм» французских монархов так и не стал абсолютным, заключалась в том, что несмотря на определенную централизацию власти, они по-прежнему правили скорее лоскутным, нежели по-настоящему объединенным государством. В таком государстве существовали разные законы, разные администрации и многочисленные привилегии, исключения и уступки, дарованные монархом ради установления своего господства над присоединенными к его государству землями. Революционеры все это отменили как устаревшее, но они так и не смогли создать ничего нового. Эта задача выпала Наполеону и его приспешникам. Величайшим их достижением

стала разработка Гражданского кодекса, созданного по образцу Кодекса императора Юстиниана и представлявшего собой единый сборник законов, обязательный для всех граждан.

Триумфальная арка Константина в Риме, сооруженная в честь его победы над императором-соперником в 312 г.

Триумфальная арка в Париже, сооруженная по приказу Наполеона в зените его славы в 1806 г.

Наполеона привлекали древнеримские образцы. Поначалу он провозгласил себя консулом, затем императором; но, как и Август, он не намеревался отменять республиканскую форму правления. По образу и подобию римлян он хотел создать обширную империю, в которой французские республиканские принципы стали бы основой справедливого и упорядоченного общественного устройства. Завоевывая земли за пределами Франции, Наполеон учреждал в них новые княжества и королевства, ставя главами этих государств своих братьев. Древние средневековые права, привилегии и исключения он отменял по всему континенту, устанавливая новый порядок, основанный на рациональных принципах. Когда же влиятельные европейские монархии наконец собрались с силами и разгромили Наполеона, многие из его нововведений так и не были отменены. Находясь в ссылке на острове Святой Елены в Южной Атлантике, более всего Наполеон был доволен тем, что продолжал существовать его Гражданский кодекс. Что касается Священной Римской империи, она прекратила свое существование в 1806 году, когда Наполеон упразднил

ее и объединил несколько небольших государств Германии в Рейнский союз (конфедерацию).

Наполеон не был религиозным человеком. Он прежде всего верил в удачу и судьбу, а не в Бога. Но он прекрасно понимал, что многие люди искренни в своих религиозных взглядах и что религия полезна для поддержания нравственности и порядка в обществе. Первым революционерам, ревностно придерживавшимся идеалов Просвещения, такое уважительное отношение к религии было не свойственно. Ничто не вызвало столь глубокий раскол во французском обществе и не отпугнуло народ от революционеров, как их нападки на Католическую церковь. Революционеры захватили имущество церкви и учредили Национальную церковь, которую папа отказался признавать. Наполеон решил положить конец этому досадному отчуждению и объединить общество. Он заключил с папой Конкордат, то есть соглашение, согласно которому католицизм объявлялся религией большинства французов. При этом католицизм исповедовали вовсе не все французы, и Наполеон отказался удовлетворить требования папы ограничить свободу вероисповедания, так что протестанты и последователи других конфессий могли открыто отправлять свои обряды. Что касается епископов, то Конкордат вернул прежний обычай: государство назначало епископов, а папа их утверждал.

Папа римский присутствовал и на коронации Наполеона в соборе Парижской Богоматери. Он совершил помазание Наполеона и его жены, императрицы Жозефины, благословил императорские регалии – державу, жезл правосудия, шпагу и скипетр. Но Наполеон сам возложил на свою голову корону, копию той короны, которую некогда папа римский возложил на Карла Великого – подобие открытого лаврового венца, которыми римляне увенчивали победителей.

Глава седьмая

ЯЗЫКИ

В Римской империи широко были распространены два языка – греческий на востоке и латынь на западе. На греческом языке, хотя и в несколько иной форме, говорят жители современной Греции и греки, расселившиеся как по восточному Средиземноморью, так и по всему миру. На латинском же языке сейчас в повседневном общении не говорит никто. Латынь часто называют мертвым языком, но в таком случае нужно признать, что мертвец этот оказался на удивление живучим.

Изначально на латинском языке говорили жители Рима и небольшой области вокруг него. По мере роста влияния Рима распространялась и латынь, пока несколько сотен лет спустя на этом языке не заговорила вся западная часть империи. Граница между зонами распространения греческого и латинского языков проходила по территории современной Сербии, так что латынь охватывала не только территорию современных Италии, Франции и Испании, но и часть Балкан. В Британии, впрочем, она не получила распространения. Хотя римляне и дошли до этого острова, на нем сохранялись кельтские языки. В остальных же частях Римской империи местные языки постепенно вымирали, сменяясь латинским.

Римские власти напрямую не навязывали латынь. Можно сказать, что у них не было определенной языковой политики (жесткая языковая политика в определенном смысле служит признаком слабости государства). Искоренить один язык и насадить вместо него другой чрезвычайно трудно. Никто в Древнем мире и не пытался это сделать. Римская империя была довольно открытым государством в том смысле, что она позволяла лидерам завоеванных народностей становиться частью римской элиты, полководцами и даже императорами. В 212 году римское гражданство было предоставлено всем жителям империи, после чего они подпадали под защиту римского права. Многие местные языки за последующие три-четыре столетия исчезли естественным образом, ведь латынь была языком администрации, закона, армии и торговли.

Тот язык, на котором говорили в дальних провинциях империи, не был официальной латынью, латынью ученых, правоведов и политиков, то есть не был тем языком, который сейчас изучают в школах или университетах. На этой латыни говорили солдаты, местные чиновники и торговцы. Еще до распада империи латинский язык разделился на диалекты: в Италии местные жители говорили несколько иначе чем в Галлии (современной Франции). После же распада местные диалекты превратились в отдельные языки, которые сейчас называются романскими языками. Само их название свидетельствует о том, что они зародились в Древнем Риме, там же, где и берет свое начало романская архитектура.

Основные романские языки – это французский, итальянский и испанский. Возьмем для примера слова, обозначающие «лошадь». По-французски «лошадь» будет *cheval*, по-испански – *caballo*, по-итальянски – *cavallo*. Примечательно, что в классическом литературном латинском языке нет похожего слова, и лошадь древние римляне называли *equus*. Его следы имеются в английском языке, в котором лошадь обозначается германским словом *horse*, но в котором есть и слово *equestrian*, означающее «конный» или «всадник». В английском языке вообще много слов латинского происхождения, и используются они, как правило, для передачи более торжественного или официального смысла по сравнению со словами германского происхождения. В латинском языке слово *equus* тоже было «официальным», а в разговоре чаще использовалось слово *caballus*, означавшее нечто вроде «лошадки», «конька» или «клячи». Именно от этого слова и произошли романские слова, обозначающие лошадь: *cheval* (французский), *caballo* (испанский), *cavallo* (итальянский). Заметно, что испанское и итальянское слова по своей форме гораздо ближе к латинскому слову, чем французское.

Французы очень ревностно относятся к чистоте своего родного языка. Французская академия, например, тщательно подходит к вопросу заимствования слов из английского. Можно ли во французском языке использовать слова *t-shirt* («футболка») и *bulldozer* («бульдозер»)? И если можно, то какого рода они будут – мужского или женского; *le t-shirt* или *la t-shirt*? (самых англичан этот вопрос совершенно не заботит, потому что у них нет такого деления слов по родам). Очевидно, было

бы по меньшей мере неблагоприятно говорить французам, что тот язык, который они так защищают, представляет собой испорченную латынь.

Слова в латыни меняли свою форму, и значение слова в предложении зависело от того, какое к нему присоединялось окончание. Так, например, «год» по-латыни будет *annus*. «Господин» (также в значении «Господь Бог») будет *dominus*. Если мы хотим сказать «в год Господа нашего» (так раньше обозначали года нашей эры, считая их от рождения Иисуса Христа), мы должны поменять окончания этих слов так, чтобы получилось словосочетание *anno domini*. От сокращенного написания этой фразы и получилось обозначение *AD*, которое ставят после годов нашей эры в английском языке. Если бы англичанин захотел сказать на своем языке «в год Господа», то ему для этого потребовалось бы не два, а целых шесть слов: *in the year of the lord*^[4]. Вот почему латынь так хорошо подходит для составления девизов и крылатых выражений – это очень емкий и информативный язык, в котором не нужно вставлять ничего дополнительного между словами, несущими главное значение. В нем не только не нужны артикли, но часто бывают излишними и предлоги перед словами.

Порядок слов в латыни не имеет особого значения. Можно переставить слова местами – *domini anno* – и фраза по-прежнему будет означать то же самое. Если поменять порядок слов в английской фразе (*in the lord of the year* или *of the lord in the year*), то смысл ее изменится или вовсе утратится.

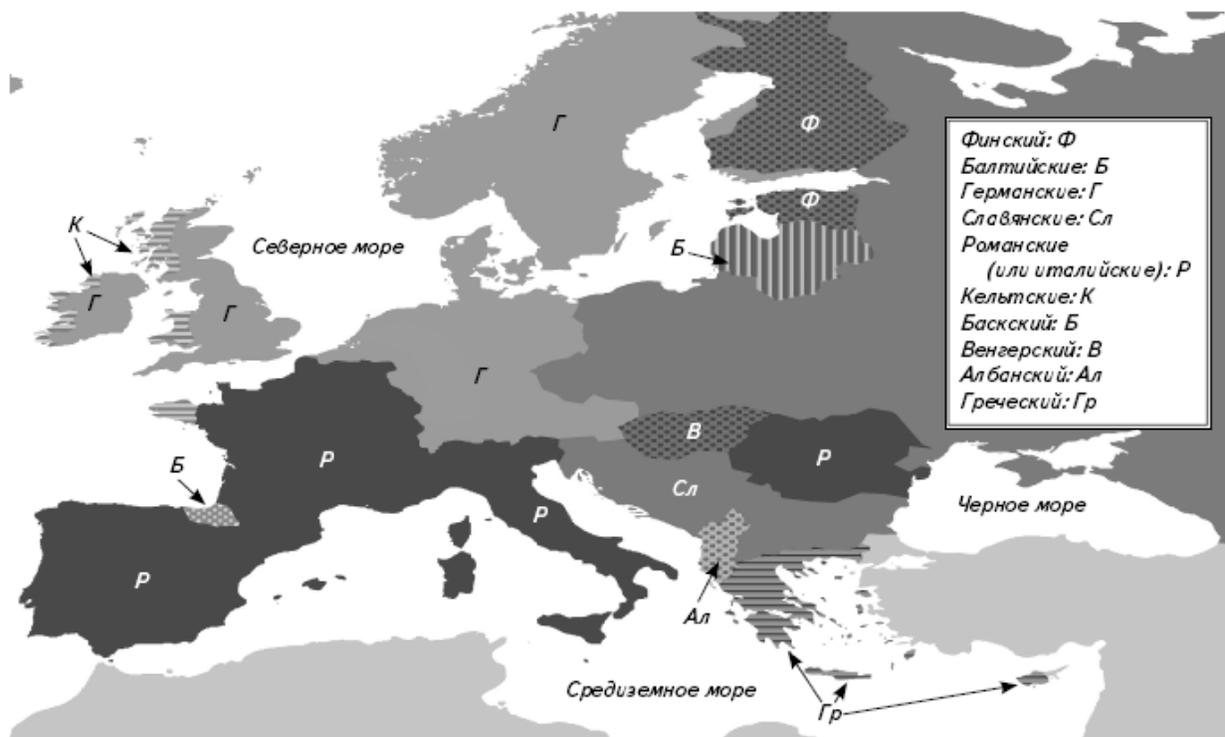
В латинском языке, конечно, имелись слова вроде «в», «у», «от» и тому подобные, употребление которых, как и употребление окончаний, было регламентировано правилами. Простые люди, особенно жители дальних провинций, говорившие на латыни, но не имевшие никакого представления о грамматических правилах, часто затруднялись с выбором окончания и потому все чаще вставляли между значимыми словами всякие предлоги. Постепенно окончания были и вовсе отброшены, и отношения между словами в предложении выражались уже с помощью коротких вспомогательных слов. Вот почему в современных романских языках нет склонения, то есть изменения слов по падежам, а порядок слов играет важную роль.

Артиклей в латыни не было, но если человек хотел подчеркнуть, что речь идет о конкретном предмете, он говорил: «Я хочу купить *это*

яблоко» или «дайте мне *этот* персик». «Этот» по-латыни было *ille*, а «эта» – *illa*. В разговорной речи они использовались все чаще и чаще, пока во французском языке не сократились до *le* и *la*, которые нужно ставить перед каждым существительным в зависимости от рода. В испанском им соответствуют *el* и *la*, а в итальянском *il* и *la*. Происхождение артиклей в романских языках легко понять, если представить себе, как на рынке торговцы и покупатели оживленно обсуждают достоинства разных товаров, тыкая в них пальцем.

В V веке на территорию современных Франции, Испании и Италии вторглись германские племена, но все же жители этих стран говорят на романских языках, произошедших от латыни. Как так получилось? Пора взглянуть на языковую карту Европы. Большинство языков, на которых говорят в Европе, принадлежат к романской, германской или славянской группам. В некоторых странах говорят на особых языках, не связанных близким родством с другими. Таковы, например, греческий, албанский, венгерский и финский.

В Западной Европе языки германской группы преобладают на севере, а романской – на юге. Две страны поделены по языковому принципу: на севере Бельгии говорят на языке германской группы, а на юге – романской. В Швейцарии на севере говорят на языке германской группы, а в двух южных областях – романской. Кроме трех указанных ведущих романских языков (французский, испанский и итальянский) стоит упомянуть португальский и румынский, на котором, как ни странно, говорят в Восточной Европе. Румыния расположена к северу от Дуная, по которому раньше проходила граница Римской империи. Иногда римляне переходили реку и захватывали земли к северу от нее, но их влияние было недостаточно сильным, чтобы местное население переняло латынь. Было выдвинуто предположение, что изначально предки румын жили к югу от Дуная, в латинской языковой среде, а позже перешли на север (хотя вряд ли современным румынам понравится это предположение).

Языки Европы

Во многих восточноевропейских странах говорят на славянских языках: в Польше, Чехии, Словакии, Болгарии и в бывшей Югославии. Это последствия нашествий славянских племен, живших севернее и восточнее германцев, в Восточную Римскую империю в VI – VII веках. Некоторые славяне осели в районах, которые никогда не принадлежали империи – в Польше, Чехии и Словакии. Обосновавшись в Европе, славяне приняли христианство. В Польшу христианство пришло с запада, и потому поляки стали католиками; в большинство балканских стран христианство пришло из Константинополя, и потому жители тех стран приняли православие.

Латынь (с произошедшими от нее романскими языками), греческий, славянские и германские языки имеют общие корни и принадлежат к большой индоевропейской языковой семье. Основываясь на сходстве современных языков-потомков, лингвисты попытались восстановить некоторые элементы праиндоевропейского языка. По поводу родины индоевропейцев до сих пор ведутся споры. Утверждается, что они жили где-то на востоке. В их языке было слово, обозначавшее снег, а слово, обозначавшее море, скорее всего относилось к внутреннему морю. Часть «индо» в названии

«индоевропейский» указывает на то, что к этой же семье принадлежит санскрит и языки иранской группы.

Общее происхождение этих языков было установлено только в XVIII веке. До тех пор многие европейские ученые полагали, что европейские языки произошли от иврита, потому что на этом языке говорили евреи, написавшие Библию, и на этом же языке предположительно говорили Адам и Ева в раю. На самом деле иврит принадлежит к совершенно другой группе языков, так что попытки доказать его родство с европейскими языками были заранее обречены на провал. Но в эпоху Просвещения ученые сумели отбросить предвзятые библейские представления и предложили новые теории. Настоящий прорыв в области сравнительного языкознания сделал Уильям Джонс, английский судья, живший в Индии. Он заметил сходство между основной лексикой санскрита и европейских языков – слова, обозначающие числа, части тела и родственников звучат в них похоже. Вот, к примеру, слова, обозначающие брата:

Brother (*английский*)

Bhratar (*санскрит*)

Broeder (*голландский*)

Bruder (*немецкий*)

Phrater (*греческий*)

Брат (*русский*)

Brathair (*ирландский*)

Джонс справедливо предположил, что это сходство вовсе не случайное, и выдвинул предположение, что эти языки имели общего предка, ныне не существующего. Так возникла научная индоевропеистика.

В двух европейских странах, Венгрии и Финляндии, говорят на языках, не принадлежащих к индоевропейской семье, но родственных между собой. Их носители пришли из Азии в ходе двух волн переселений. Финны пришли еще в доисторические времена, а кочевники-венгры вторглись в Европу в IX – X веках, примерно в то же время, когда на европейские поселения с моря совершали набеги викинги. Они поселились в долине Дуная, а затем приняли христианство.

Предыдущая карта показывает современное распределение языков, но, если бы мы стали сравнивать ее с языковой картой, составленной

сразу после вторжения германцев и славян, вряд ли мы нашли бы много различий. Германцы, вторгшиеся в пределы Западной Римской империи, конечно, оставили определенный след, но, как известно, во Франции, в Италии и в Испании до сих пор говорят на языках романской группы, потомках латыни. Влияние германских племен на распределение языков в Европе просматривается на следующей карте, отображающей современные границы между языками романской и германской групп. Граница Римской империи проходила по реке Рейн, обозначенной белым цветом. Как видно, языки германской группы зашли не так уж далеко за эту границу.

Как же образовалась современная языковая граница? Это до сих пор остается загадкой. В Бельгии она проходит по равнине, где нет никаких естественных препятствий, вроде рек или гор. Иногда даже только дорога разделяет деревни, в одной из которых говорят на языке романской группы (валлонском), а в другой – на языке германской группы (фламандском). Языковая граница не менялась за последние полторы тысячи лет. Было выдвинуто предположение, что здесь с запада на восток проходила линия римских оборонительных сооружений, защищающая от набегов германцев, которые уже перешли Рейн. Она, предположительно, задержала германцев на некоторое время, но они все же обошли ее с востока.

Территория между Рейном и языковой границей составляет в ширину примерно 100 – 150 километров, а к югу, по мере приближения к горам, она становится уже. На этой территории германские поселения располагались достаточно компактно.

Это послужило причиной вытеснения языками германской группы латыни, а впоследствии и языков романской группы. Германцы прошли через всю Западную Европу, проникли в Испанию и даже переправились через Гибралтар в Северную Африку, но почти везде за пределами этой территории сохранялась латынь, а позже языки романской группы. Отсюда следует, что к западу от этой границы германские поселения были разбросаны далеко друг от друга.

Распространение языков германской и романской групп

В VII – VIII веках королевство франков значительно расширило свои границы к северу и востоку, но языковые границы не изменились. Население восточных районов Франции до сих пор говорит на немецком языке. На севере страны, у побережья, население говорит на фламандском языке, принадлежащем к германской группе. На юго-востоке, у границы с Испанией, расположена область, где говорят на баскском языке, не принадлежащем ни к одной из известных языковых семей. Баски до сих пор считают себя отдельным народом и добиваются независимости как от Франции, так и от Испании. На западном полуострове Бретань говорят на бретонском языке, одном из немногих сохранившихся языков кельтской группы. Когда англосаксы и юты вторглись в Британию, бритты, то есть местные жители, пересекли пролив Ла-Манш и обосновались в Британии, где сохранили свой язык, хотя численность говорящих на нем постоянно сокращается.

По мере своего продвижения на запад Франции германцы уже не вытесняли латынь и языки романской группы, но при этом местные жители заимствовали у них многие слова, особенно относящиеся к королям, общественному устройству и феодальной системе, то есть терминологию нового правящего класса. Так, например, слова, обозначающие стыд и гордость во французском языке германского

происхождения, поскольку это были очень важные понятия для германских воинов.

В Англии языки германской группы, на которых говорили англосаксы и юты, полностью вытеснили местные кельтские языки бриттов. В IX – X веках на Англию обрушилась вторая волна германского нашествия. На остров вторглись викинги, говорившие на древнескандинавском языке. Основной лексический запас и грамматика английского языка представляет собой смесь всех этих германских языков. В процессе развития английский язык утратил многие германские окончания.

В 1066 году произошло третье вторжение в Англию. На этот раз остров пережил нашествие норманнов из Франции под предводительством герцога Вильгельма. Норманны были потомками викингов, которым французский король выделил земли на севере своей страны, чтобы они поселились там и больше не совершали набегов. Норманны говорили на своем диалекте французского языка, в котором сохранялось много элементов латинского. Новый правящий класс Англии продолжал говорить на норманнском французском языке несколько столетий, пока он не слился с древнеанглийским и в результате не возник современный английский. В современном английском почти для всего имеется как минимум по два слова. Так, например, помимо *king* и *kingly* («король» и «королевский») можно сказать *royal*, *regal* и *sovereign*. Словарный запас английского языка в несколько раз больше словарных запасов немецкого и французского, поскольку по сути он представляет собой сплав древнегерманского и древнефранцузского.

В таблице на странице 223 вкратце подведены итоги языкового развития в Западной Европе и Англии в период после падения Римской империи.

Латинский язык исчез из повседневного употребления, но сохранился как язык науки, литературы и церкви. Вот почему во всех европейских языках сохранилось так много латинских слов. Поскольку на латыни продолжали говорить и писать священники и ученые, то формально она оставалась живым языком, подверженным перемене, хотя ревнители языковых традиций утверждали, что она только портилась. Существовала даже опасность, что в ученой и церковной среде появится свой особый язык романской группы, отличающийся от

классической латыни. Первые попытки сохранить чистоту латинского языка были предприняты в период правления Карла Великого, когда переписывались древние рукописи, по которым сверяли правильность употребления тех или иных слов и грамматических конструкций.

	ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА	АНГЛИЯ
V в. Германское нашествие	<ul style="list-style-type: none"> • Германские языки распространяются на 150 км к западу от Рейна • Латинский превращается в языки романской группы 	<ul style="list-style-type: none"> • Германские языки полностью вытесняют кельтские
IX в. Нашествие викингов	<ul style="list-style-type: none"> • Норманны селятся на севере Франции • Элементы древнескандинавского проникают в язык романской группы, который становится норманнским французским языком 	<ul style="list-style-type: none"> • Викинги селятся на востоке Англии • Элементы древнескандинавского проникают в германский англосаксонский язык, который становится английским
1066 г. Вторжение норманнов в Англию	<ul style="list-style-type: none"> • Правящая элита Англии говорит на норманнском французском языке 	<ul style="list-style-type: none"> • Элементы французского (и латинского) языка проникают в английский язык

Обучение велось на латинском языке, и поэтому оно стало еще более недоступным для простого народа. Чтобы получить образование, нужно было для начала фактически выучить иностранный язык. В Средние века неграмотность достигала огромнейших масштабов. Удивительно, но даже представители правящей элиты зачастую не умели ни читать, ни писать, потому что не знали латинского языка. Поэтому в обществе широко распространилась устная культурная традиция. Феодалов в их замках развлекали шуты, сказители и менестрели, исполнявшие баллады и песни; никто из представителей знати даже и не помышлял о том, чтобы удалиться к себе в покои с книгой в руках. Традиции и обычаи играли чрезвычайно важную роль, потому что в отсутствие письменной культуры только они давали представление о мире и о месте человека в нем. Когда европейские

аристократы во время крестовых походов прибыли в Святую Землю, знатные арабы-мусульмане поражались тому, насколько они грубы и необразованны.

Постепенно возникла литература на местных языках, то есть записанная на разговорном языке романской группы, а не на латинском. Первые рассказы и повести подобного рода по-французски назывались «романами», и ученые люди были невысокого мнения о них, потому что это были произведения исключительно развлекательного жанра. А поскольку в романах часто речь шла о смелых рыцарях, их героических поступках и о прекрасных дамах, то подобного рода литература получила название «романтической», и отсюда возникли слова «романтика» и «романтизм». Так удивительным образом в истории культуры отразилось наследие языков романской группы, само название которой происходит от названия города Рима.

Вторая волна попыток восстановить чистоту классической латыни приходится на эпоху Возрождения. Ученые эпохи Возрождения недолюбливали Средние века по разным причинам, но, в частности, еще и потому, что латынь в это время, по их мнению, испортилась. Они поставили себе целью писать так, как писали великие авторы Античности. Петрарка, великий итальянский поэт и провозвестник Возрождения, без устали искал копии писем Цицерона по всей Европе. Когда же он их обнаружил, то написал ответное письмо Цицерону на совершенном латинском языке. Представители знати стремились получить образование на латинском языке, и не только потому что это был язык церкви и теологических диспутов, а еще и потому, что это был язык классической литературы. Прочные позиции в высшем образовании и в науке латинский язык сохранял вплоть до XX века. Мне и самому при поступлении в университет пришлось сдавать экзамен по латинскому языку. Церемонии присвоения научных званий проходили на латыни, да и сами академические степени носили латинские названия: *ad eundem gradum* («с той же степенью»), *cum laude* («с почетом», «со славой»), *summa cum laude* («с наибольшим почетом», «с наибольшей славой»), *honoris causa* («ради почета»).

Латынь служила средством межнационального общения и связывала между собой всех образованных людей того времени (преимущественно мужчин, так как женщины ее не изучали). Это был своего рода второй язык, общий для всех, кто принадлежал к

образованным кругам и уважал определенные ценности. В английской Палате общин оратор мог вставить в свою речь латинскую цитату без перевода, и все его понимали. А если кто-то и не понимал, то он явно занимал не свое место. Латинскими словами также обозначались предметы и явления, которые считались неприличными для того, чтобы называть их своими именами на обычном разговорном языке. Бытовало мнение, что таким образом соблюдаются нормы нравственности среди простолюдинов, которые не понимали, о чем идет речь. Так что, когда в книге речь доходила до пикантных подробностей, она превращалась в написанную на иностранном языке. В английском языке до сих пор половые органы обозначаются латинским словом *genitalia* («гениталии»). Их же (особенно женские органы) еще называют *rudenda*, и слово это красноречиво свидетельствует о распространенных некогда пуританских взглядах на сексуальную жизнь, поскольку в переводе оно значит «вещи, которых нужно стыдиться».

Наряду с возрождением классической латыни в рассматриваемый период более высокий статус получили и местные языки. В первую очередь это было связано с изобретением книгопечатания в 1450-х годах. Поначалу печатались только классические произведения, но пользовались они небольшим спросом. Намного популярнее были произведения на местных языках или переводы классических трудов. Шекспир, который по его собственному признанию плохо знал латинский и еще хуже греческий, изучал древнюю историю по «Сравнительным жизнеописаниям» Плутарха в переводе Норта, выполненном, когда Шекспиру было пятнадцать лет. Это сочинение дало ему материал для пьес «Юлий Цезарь» и «Антоний и Клеопатра». Во вторую очередь распространение письменности на разговорных языках было вызвано тем, что протестанты XVI века хотели, чтобы люди читали Библию на понятном им языке. Лютер сразу же перевел Библию на немецкий. Для протестантов латынь перестала быть языком церкви и богослужения.

Некоторое время на латыни продолжали выходить новые книги, которые тут же распространялись по всей Европе. Коперник, первым усомнившийся, что Солнце находится в центре Вселенной; Кеплер, сформулировавший закон движения планет; Ньютон, совершивший немало открытий – все они писали на латинском языке. Но уже в XVIII

веке ученые и философы стали писать на своих родных языках, так что для того чтобы с их трудами познакомилась жители других стран, эти труды приходилось переводить.

В настоящее время о былом влиянии латинского языка в науке свидетельствуют научные названия растений и животных. Систему этих наименований разработал в XVIII веке шведский натуралист Карл Линней. Он изучал латынь в школе и читал латинский перевод сочинений Аристотеля, в которых этот древнегреческий философ попытался систематизировать все явления окружающего мира. В названиях прежде неизвестных растений используются имена их первооткрывателей в латинской форме. Так, например, имя Джозефа Банка, ботаника, путешествовавшего на борту корабля Кука, запечатлено в названии растения Банксия (*Banksia*; кустарник с хвоцевидными цветами).

Когда христианство начало распространяться в Западной Европе, главным языком общения там была латынь. Поэтому латынь стала языком церкви, языком богослужений и языком, на котором проводились теологические диспуты. Но роль латыни в христианстве отличается от роли арабского языка в исламе. На арабском языке говорил сам пророк Мухаммед, и на арабском языке записан Коран. Иисус же говорил на арамейском языке, а его учение было записано на греческом языке, распространенном в восточном Средиземноморье. Ветхий Завет написан на древнееврейском языке (иврите). Но в Западной Римской империи эти тексты были переведены на латынь, служившую официальным языком Католической церкви вплоть до Второго Ватиканского собора (1962 – 1965), на котором было не только разрешено, но и почти предписано совершать богослужение на национальных языках. Правда, энциклики, то есть послания папы римского, до сих пор пишутся на латыни. Так, например, папа Павел VI в 1968 году выразил отношение церкви к средствам контрацепции и абортам в энциклике *Humanae Vitae* («О человеческой жизни»). Некоторые же наиболее консервативно настроенные католики продолжали, едва ли не подпольно, проводить богослужения исключительно на латинском языке. В настоящее время папа римский относится благожелательно к мессам на латыни.

Так что латинский язык надолго пережил Римскую империю, как и сама идея империи.

Глава восьмая

ЖИЗНЬ ПРОСТОГО НАРОДА

Многие историки изучают жизнь простого народа. И это несмотря на то что простолюдины редко мыли сь, плохо пахли и внешне выглядели довольно отталкивающе из-за недоедания, частых болезней и тяжелого труда под открытым небом. Так что же такого в них привлекательного? Дело в том, что их образ жизни легко изучать, потому что он практически не менялся на протяжении многих столетий. Почти все представители простого народа занимались только тем, что выращивали продукты питания.

На графике, показывающем долю населения, занятого в сельском хозяйстве, почти не видно никаких изменений со временем. Под этим населением подразумеваются крестьяне и те, кто был тесно связан с ними, то есть люди, проживавшие в деревнях и поддерживающие хозяйство, такие как кузнецы, плотники, батраки и т. д. Цифры представляют собой весьма грубые приблизительные оценки.

В Римской империи в сельском хозяйстве было занято примерно 90 процентов всего населения. Конечно, в империи существовали крупные города, и в первую очередь сам Рим, но на долю горожан приходилось всего 10 процентов. Зерно в города доставляли из сельской местности, но это был очень тяжелый продукт для его транспортировки по суше (да и за время хранения и перевозки его значительная часть потреблялась). Поэтому было гораздо проще и дешевле доставлять

зерно в Рим из Египта по морю. В поздний период римские власти даже раздавали зерно среди простых горожан, чтобы те не роптали и не поднимали восстаний. Во многих отношениях Рим походил на современные крупные города третьего мира, чрезвычайно привлекательные для населения окрестностей, но не способные предоставить удобства и комфортные условия проживания для всех, кто в них стекается в поисках лучшей доли. Кроме раздачи бесплатного хлеба римские власти регулярно проводили представления в Колизее. Римский сатирик Ювенал писал, что правительство выживает только потому, что идет на уступки толпы, требующей «хлеба и зрелищ».

Широкомасштабная торговля зерном представляла собой исключение. В империи в основном торговали легкими и ценными товарами, которые могли долго храниться и выдерживать дальние перевозки. В Римской империи, как и вообще в Европе до XIX века, большинство людей употребляли то, что росло или производилось поблизости: еда, напитки, одежда, материалы – все эти товары были местного производства. Крыши старых европейских домов в сельской местности были покрыты соломой не потому, что это красиво и живописно, а потому что солома или тростник были дешевле и доступнее черепицы. В производственные процессы римляне не внесли ничего нового. Своей главной задачей они считали объединение разных областей с помощью единых законов и чрезвычайно эффективной военной организации. Прямые римские дороги, частично сохранившиеся до наших дней, были построены так, чтобы войска могли совершать за один день стремительный марш из одной области в другую. Вот почему дороги такие прямые; если бы их проектировали для всадников и повозок, в расчет принимались бы особенности местности, а подъемы и спуски были бы не такими крутыми.

В последние два века существования Римской империи население городов, подвергавшихся набегам германцев, быстро уменьшилось. Приходила в упадок и торговля между городами, которые стремились уже самостоятельно удовлетворять все свои потребности. Во времена расцвета империи стен у городов не было, потому что враги Рима находились далеко за границами государства. Возведение городских стен началось в III веке; об уменьшении городского населения свидетельствует еще и тот факт, что эти стены охватывают меньшую территорию по сравнению с той, на которой многие города располагались

раньше. Некоторые города после V века исчезли с лица земли; многие превратились в небольшие поселки. Ко времени падения империи в 476 году доля сельского населения увеличилась до 95 процентов.

Такое положение дел сохранялось на протяжении многих столетий. За нашествием германцев последовали другие: завоевание арабами-мусульманами Испании и южной Франции в VII – VIII веках; набеги викингов в IX – X веках. В XI – XII веках наступил относительный мир, тогда-то начали возрождаться города и торговля между ними. Далее на графике мы видим, как линия постепенно клонится вниз. В XV веке европейские страны устремились на освоение заморских земель, что способствовало развитию торговли, банковского дела и городов. К 1800 году доля сельского населения в западноевропейских странах составляла предположительно 85 процентов, то есть меньше, чем в Римской империи. В целом же процесс уменьшения сельского населения длился довольно долго, за одним исключением. В Англии к началу XIX века доля сельского населения резко уменьшилась, а города стали быстро расти; к 1850 году в городах уже проживала половина населения Англии.

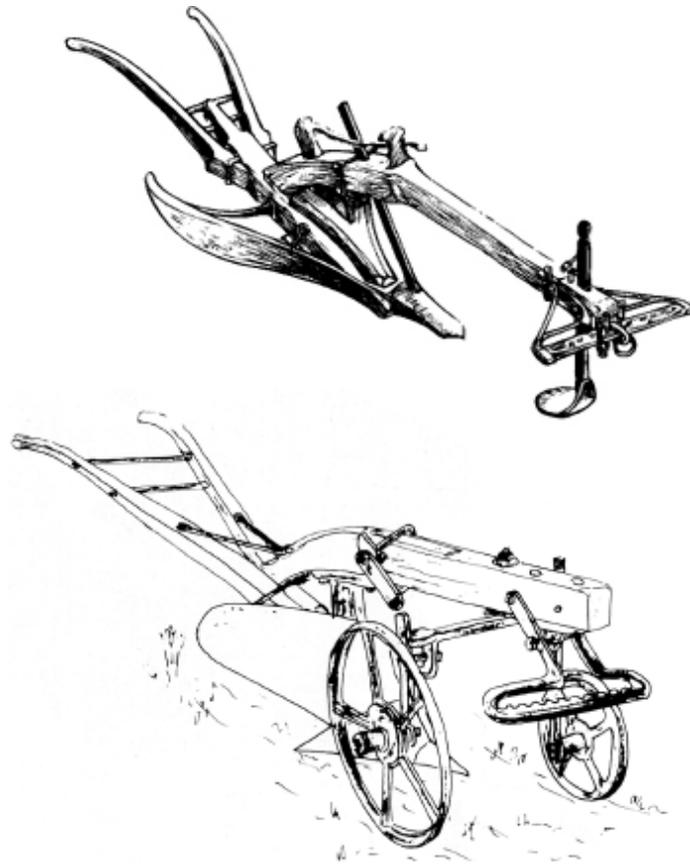
Обрабатывающие землю люди в разные эпохи обладали разным социальным статусом. Это были и мелкие землевладельцы, и рабы, и вольноотпущенники, лично зависимые крестьяне, крестьяне, получившие вольную, издольщики, арендаторы, батраки. В настоящее время их часто называют фермерами. Но в любую эпоху их труд не отличался разнообразием. Еще в XIX веке в Италии, южной Франции и Испании землю пахали примерно так же, как и во времена Римской империи – примитивным плугом, представляющим собой кусок дерева в виде рогатины (соха), один из острых концов которой бороздил землю. В плуг запрягали быков или лошадей; пахарь шел за плугом, направляя его движение. Острые плуга проникало не слишком глубоко; фактически оно всего лишь царапало верхний слой земли. Для лучшей обработки землю сначала пахали вдоль, потом поперек.

Одним из величайших изобретений Средневековья стал колесный плуг, изобретатель которого неизвестен. С его помощью крестьяне северной Франции, Германии и Англии более эффективно пахали землю. В принципе он походил на современный плуг, с той лишь разницей, что его тащили за собой тягловые животные, а удерживали в вертикальном положении люди. Впоследствии к плугу стали

прикреплять металлическое лезвие – отвал, который отбрасывал землю в сторону. Такой плуг уже не просто царапал землю, а прорезывал в ней параллельные борозды. Необходимость в поперечной пахоте отпала. В плотной почве вода стекала по краям борозд, создавая таким образом запас влаги. Пахота требовала больших усилий, потому что просто держать плуг было недостаточно. Если не надавливать на него, изо всех сил напрягая мышцы плеч и рук, плуг мог легко перевернуться. После обработки земли начинался сев – более легкая работа по сравнению с пахотой. При этом работники шли по полю и широкими взмахами рук разбрасывали семена. Затем по полю шли с бороной (своего рода большими граблями), разравнивавшей землю так, чтобы она прикрывала семена.

Пахали землю мужчины. Урожай собирали мужчины, женщины и дети, а поскольку собрать его нужно было быстро, то привлекали дополнительных работников из города; часто помощь оказывали солдаты, расквартированные в местных казармах. Урожай собирали при помощи серпа, представлявшего собой изогнутое лезвие на рукоятке. Археологи находят серпы в самых древних человеческих поселениях; в Европе серпы сохранялись вплоть до XX века. Не случайно после Октябрьской революции 1917 году в России на новом знамени появились серп и молот; молот символизировал собой рабочих, а серп – крестьян.

И уж, конечно, никто в Средние века и подумать не смел, что когда-нибудь землю будут обрабатывать с помощью мощных тракторов с воздушным кондиционированием в кабине. Крестьяне трудились на пределе своих сил, согнувшись в неудобных позах, и почти в буквальном смысле поливали потом каждый клочок земли.

Ранний деревянный плуг в виде деревянной рогатины не слишком глубоко вспахивал землю, и потому поле обрабатывали сначала вдоль, а потом поперек.

Более массивный колесный плуг позволял гораздо эффективнее обрабатывать земли в северной Европе, переворачивая пласт почвы и прорезывая борозды на полях.

После того как пшеница или ячмень были сжаты, их нужно было обмолотить, чтобы получить зерно. Для этого использовали цеп – орудие труда в виде длинной палки, к которой кожаным ремешком крепили палку или доску поменьше. Этим цепом размахивали и били по лежащим в амбаре колосьям. Двери амбара при этом открывали, чтобы ветер уносил солому и мякину, а более тяжелое зерно оставалось на полу.

Зерно перемалывали в муку, а из муки пекли хлеб, основной продукт питания той эпохи. Часто он был единственным видом пищи, доступным для крестьян, потому что они очень редко могли позволить себе мясо. Иногда вместе с хлебом употребляли сыр или масло, но хлеб

никогда не считался «дополнительным» блюдом, как сейчас, когда его подают отдельно кусочками к другим блюдам. Если крестьянин съедал около килограмма хлеба в день, он считался довольно зажиточным. Зерновые культуры в те времена выращивали практически повсюду, даже в плохо приспособленных для этого местах, где сейчас их не выращивают. Поскольку транспортная система была развита плохо, зерно приходилось выращивать в том же месте, где его и потребляли. Зерно, привезенное из других мест, стоило очень дорого. Его, конечно, могли перевозить и по морю, но дальше зерно все равно приходилось везти по дорогам. В XVIII веке стали сооружать каналы, и благодаря этому транспортировка зерна значительно упростилась.

Прогнозы на будущий урожай интересовали всех без исключения. Разговоры о погоде были отнюдь не просто вежливым способом поддержать беседу; от погоды зависела судьба и даже жизнь многих людей. Если из-за плохой погоды, засухи или продолжительных дождей урожай погибал, то страдало все население. Покупное зерно обходилось очень дорого и многим было не по карману. В неурожайные годы цены на зерно возрастали в два-три раза; причем зерно было просто невозможно заменить каким-либо другим продуктом, так что в два-три раза взлетала и стоимость самой жизни. В такие времена крестьяне часто недоедали и даже голодали.

Но раз они же и выращивали зерно, разве высокие цены не были им выгодны? Это верно только в отношении крупных хозяйств. Если семья обрабатывает небольшой участок земли, то она сама потребляет почти весь урожай, а на продажу остается совсем немного. Неурожай для таких семей означал неминуемый голод и необходимость приобретать зерно на стороне. У некоторых крестьян были настолько маленькие участки, что они едва-едва собирали достаточное для своей семьи количество зерна даже в урожайные годы. У батраков вообще не было своей земли; если они жили вместе с хозяевами, которые их кормили, то их положение не было таким уж плачевным; но если они жили отдельно, то им приходилось покупать хлеб или обменивать его на другие продукты. Так что когда цены на зерно взлетали, в трудном положении оказывалось большинство сельского населения.

В такие годы у крупных землевладельцев возникал соблазн придержать зерно в своих амбарах, чтобы потом продать его еще дороже в своей или другой местности. В последнем случае местное

население оставалось вообще без зерна. Как только центральная власть более или менее упрочилась (начиная примерно с 1400 года), она попыталась взять ситуацию под свой контроль. Издавались законы, запрещавшие вывозить зерно из тех краев, где его не хватало. Если местные власти плохо следили за выполнением этих законов, в дело вмешивались сами жители. Они искали амбары, в которых богачи прятали свое зерно, и вынуждали их делиться. Голодные крестьяне нападали на повозки и корабли с зерном. Во многом именно из-за постоянной угрозы бунтов правительство и было вынуждено контролировать ситуацию с зерном.

В ту эпоху для подавляющей части населения регулярное питание было роскошью, а праздниками считались дни, когда можно было наесться до отвала. Напоминанием об этом служат такие праздники, как, например, Рождество, когда мы собираемся всей семьей за богато накрытым столом, хотя хорошо питаемся каждый день. Я, например, стараюсь подчеркнуть праздничность и потому ем индейку только на Рождество.

Цивилизацию поддерживали 85 – 95 процентов населения, которое обрабатывало землю. Если бы крестьяне производили продовольственные товары исключительно для себя, не существовало бы ни городов, ни аристократов, ни священников, ни королей, ни армий, ведь всем им нужно было питаться. Хотели они того или нет, но крестьянам приходилось обеспечивать продовольствием все остальные слои общества. В наиболее явной форме это выражено в установившемся в эпоху раннего Средневековья обычае делиться частью урожая с землевладельцем в обмен за право пользоваться землей. Церковь получала свою десятину, то есть десятую долю урожая. Позже эту обязанность заменили денежной выплатой феодалам и священникам.

Крестьяне, отдающие деньги сборщику налогов во времена Римской империи (обратите внимание на книгу записей слева). Рельеф, обнаруженный на рейнской границе. Ок. 200 г.

В период раннего Средневековья государство не взимало налогов; но в Римской империи, как и в последующие после раннего Средневековья эпохи, крестьяне облагались налогами. До нас дошли изображения сборщиков налогов, которые собирают деньги с крестьян. Записи о полученных суммах поначалу делали не в учетных книгах, а на восковых табличках. Налогообложение – основной способ содержания государственного аппарата и армии: деньги, полученные от крестьян, шли на жалование солдатам. Можно даже сказать, что изъятие финансовых средств у крестьян – это основа всей цивилизации. На протяжении большей части истории этот процесс подразумевал самое непосредственное общение со сборщиками налогов. При этом никаких писем по почте не отправляли, не посылали чеков и не вычитали определенную сумму при каждой продаже. Сборщиками служили люди, которые сами приходили к тем, с кого должны были собрать налоги; если человек отказывался платить, сборщик возвращался к нему с вооруженной охраной. В Римской империи сборщики налогов назывались *publicani* – таким образом подразумевалось, что они собирают налоги среди «публики», то есть народа^[5]. И народ их, разумеется, мягко говоря, недолюбливал. Даже Иисус разделял всеобщее предубеждение против сборщиков налогов, утверждая, что нет особой добродетели в том, чтобы любить тех, кто любит тебя, ведь так поступают даже мытари. В Библии короля Якова

слово *publicani* переведено как *publicans*. Иисуса там порицают за общение с «мытарями и грешниками» (*publicans and sinners*), что, в общем-то, было нечестно по отношению к владельцам таверн, которые по-английски обозначаются тем же словом.

Но, возможно, многие крестьяне не испытывали особой неприязни к сборщикам налогов – как-никак, а эти люди занимались общественно полезным делом. Никому не нравится, когда у него забирают часть заработанного, но все мы пользуемся благами, которые предоставляет нам государство. Правда, в прежние времена государство не могло похвастаться тем, что оно предоставляло крестьянам какие-либо блага. Государственных школ тогда не существовало, как не существовало и системы государственного здравоохранения. За состоянием дорог никто не следил, если только они не имели важного военного значения. У римлян забота о государственном здравоохранении заключалась в обеспечении горожан водой и строительстве водопроводов, но жителям сельской местности от этого не было никакой пользы. От 80 до 90 процентов всех налогов шло на содержание армий. Так, может быть, польза для крестьян заключалась в том, что государство защищало их от врагов? Однако и от содержания армий крестьянам не было никакой пользы, потому что любая из противоборствующих сторон выгапывала их поля и забирала скот для военных нужд.

В подчинении крестьян держали угроза применения силы и убеждение в том, что они представляют собой низший сорт людей. Но даже несмотря на это регулярно вспыхивали протесты, восстания и бунты. Крестьяне часто приходили к мысли, что если бы не существовало сеньоров и епископов и если бы короли и землевладельцы оставили их в покое, то им бы жилось очень хорошо. А прийти к такой мысли было легко, потому что именно крестьяне сами обеспечивали себя пропитанием, варили для своих нужд пиво, строили свои дома, шили одежду. В настоящее время некоторые люди тоже придерживаются подобных взглядов, полагая, что нужно отстраниться от всеобщей потребительской гонки, жить на земле и самостоятельно обеспечивать себя продовольствием. Но стоит немного пожить такой «простой жизнью», как понимаешь, что тебе необходимы деньги для покупки одежды, лекарств, напитков, компакт-дисков; что сам ты не проведешь телефонную линию и не добудешь бензин для автомобиля. Рано или поздно люди, мечтающие о «натуральном хозяйстве»,

устраиваются на работу, хотя бы на неполный рабочий день, и забрасывают свой огород. Тем не менее, в Средние века многие крестьяне действительно производили все необходимое для себя сами. Им было непонятно, зачем нужны аристократы и священники; налоги и обязательства работать на поле помещика казались им всего лишь разновидностью грабежа.

Крестьянские восстания неизбежно подавлялись вплоть до Великой французской революции. Французские крестьяне, как и все остальные крестьяне, в Средние века были зависимыми. В конце Средневековья крепостная зависимость как таковая в Западной Европе начала исчезать. На смену ей пришли другие формы землепользования. Во Франции, например, крестьяне владели землей и потому могли ее продавать и покупать. Но несмотря на это, они продолжали выполнять средневековые повинности – например, поставлять продукты для свадьбы дочери сеньора или работать определенное число дней в неделю на принадлежавших ему полях. Со временем такие работы сменились денежными выплатами, и это вдобавок к ренте, которую крестьянам приходилось выплачивать своим сеньорам. Возникла абсурдная ситуация, при которой крестьянин был владельцем и одновременно арендатором земли.

Владельцы крупных хозяйств – это могли быть как аристократы, так и недавно разбогатевшие представители третьего сословия – нанимали ловких юристов, которые выискивали любую возможность, чтобы навязать крестьянам дополнительные выплаты и обязательства. Угроза инфляции при этом никого не заботила, то есть, говоря нашим языком, индексации налогов не проводилось. У сеньора были все основания взыскивать недоимки за неиспользованные или неверно рассчитанные денежные обязательства крестьянина. Трудно представить себе более раздражающие и неприятные отношения: феодал передавал крестьянину землю в собственность и за это требовал возмещения в виде выплаты по старым обязательствам и сомнительным законам. Крестьяне пытались сопротивляться; некоторые даже сообщали адвокатам, чтобы те вели судебные тяжбы с сеньором.

Когда в 1788 году король Франции созвал Генеральные штаты, крестьяне решили, что настало время перемен и что все столь ненавистные сборы, подати и налоги будут отменены. Но вот народ в Париже взял штурмом Бастилию, король согласился удовлетворить

требования Национального собрания, но крестьяне продолжали платить подати. Некоторые из них пришли к выводу, что против них существует заговор. Цены на хлеб росли, потому что предыдущий год выдался неурожайным, а новый урожай еще не собрали. Пошли слухи, что аристократы и разбойники пытаются скрыть вести о реформе и помешать ей осуществиться. Во многих деревнях крестьяне собирались в отряды и шли приступом на замки сеньоров, чтобы заставить их уничтожить податные книги. Если сеньор соглашался, крестьяне расходились; если же не соглашались, крестьяне сжигали замок.

Парижские революционеры были в замешательстве – они не знали, что делать с крестьянскими бунтами, сотрясавшими страну. Они вовсе не ожидали такого поворота событий, хотя и написали Декларацию прав человека и собирались разработать новую конституцию. Загвоздка же была в том, что они, по большей части, сами были сеньорами, получавшими подати с крестьян.

В обычное время на усмирение крестьянских бунтов король посылал армию, но революционеры воспротивились такому решению, потому что король мог легко направить армию и против самих революционеров. Поэтому вожди Народного собрания решили удовлетворить требования крестьян. Вечером 4 августа 1789 года они собрались на заседание, продолжавшееся всю ночь. Один за другим на трибуну выходили ораторы, наперебой гневно порицавшие старый режим и обещавшие провести реформы; со стороны могло показаться, что разыгрывается какой-то странный фарс. Но революционеры головы не теряли и предложили провести различие между податями, относящимися к сфере личных отношений, и платой за пользование землей как собственностью, которую предполагалось отменить позднее, после выплаты компенсаций ее владельцам. На практике такое различие крестьянам показалось непонятным, и с этого момента они вообще перестали платить налоги. В 1793 году, когда революция вступила в более радикальную стадию, все подати и обязанности были отменены.

Крестьяне стали полноправными владельцами своей земли, совершенно неподвластными сеньорам. На протяжении XIX века они занимали консервативные политические позиции в отличие от французских рабочих, которые требовали отмены собственности и создания социалистического общества; в борьбе с рабочими ведущие

политики Франции часто обращались за поддержкой к крестьянству. А поскольку крестьяне владели небольшими участками земли и не производили продукцию в широких масштабах, сельское хозяйство во Франции оставалось отсталым. Сегодня французские фермеры получают субсидии от Европейского союза, а это значит, что они могут продавать свою продукцию по более низким ценам по сравнению, например, с австралийскими фермерами, использующими более эффективные способы ведения хозяйства.

В Англии исчезновение крепостной зависимости проходило по-другому и привело к совершенно иным последствиям. Феодальные подати и обязанности здесь исчезли полностью. Вилланы (зависимые крестьяне) стали арендаторами в современном смысле этого слова – они просто платили землевладельцам плату за право пользоваться землей. Земля давалась в аренду надолго, иногда даже пожизненно, но, когда срок аренды подходил к концу, землевладелец имел право выгнать арендатора и предоставить землю в пользование кому-нибудь другому. В этом смысле французский крестьянин был более застрахован – согнать с земли его не могли, хотя и заставляли платить подати и выполнять различную работу для сеньора. Но внедрение современных торговых отношений между землевладельцами и арендаторами значительно повысило продуктивность английского сельского хозяйства и привело к тому, что называется аграрной революцией.

Для этой революции характерны два ключевых элемента: улучшение способов обработки земли и перераспределение земли. С механизацией она не имеет ничего общего, так как тракторы и комбайны появились значительно позже.

Рассмотрим для начала способы обработки земли. Традиционные способы и орудия труда ухудшают плодородие почвы. Древние германцы, жившие за пределами Римской империи, просто переходили на новое место после того, как земля на старом истощалась. Такая система земледелия называется переложной. В Римской империи земельный участок делили на две части; первый засеивали, а второй оставляли под паром, то есть позволяли ему «отдохнуть». На этой части земли паслись лошади, коровы, овцы и другие животные, выщипывая остатки прошлогодних всходов и удобряя землю своим навозом.

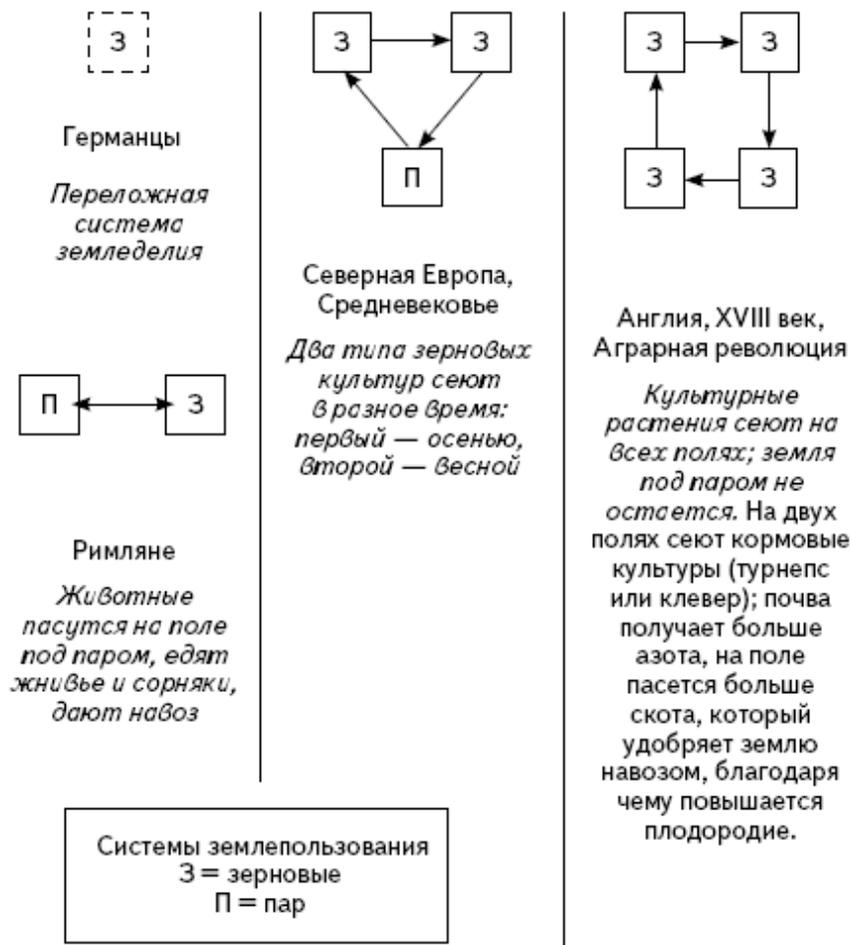
В конце года землю под паром вспахивали и засеивали, оставляя нетронутым первый участок. Такая система земледелия

просуществовала в Южной Европе вплоть до XIX века. В Северной Европе в Средние века появилась трехпольная система земледелия, при которой две части земли засеиваются, а третья остается под паром. Первая засеивалась осенью, а вторая весной. Понятно, что таким образом удавалось обрабатывать землю более эффективно, ведь урожай собирали с двух третей земли, а не с половины.

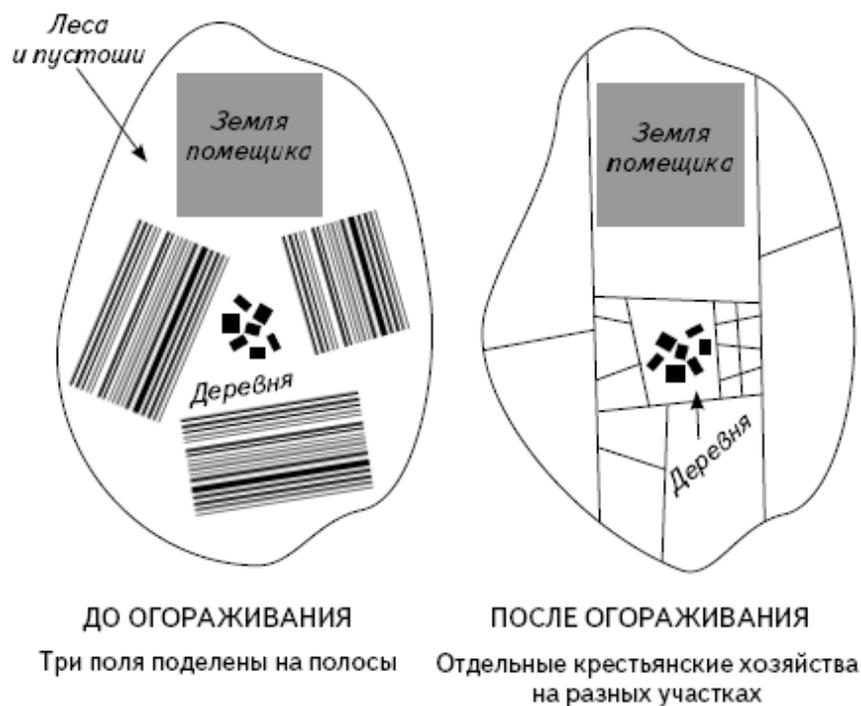
В Англии XVIII века, в эпоху аграрной революции, земля делилась уже на четыре части, причем засеивались все четыре. Но как же удавалось сохранять плодородие почвы? Дело заключалось в том, чтобы сначала поле засеивали зерновыми культурами, а затем кормовыми растениями, такими как клевер или турнепс. Они усваивают из почвы разные элементы, и почва, которую постоянно засеивают культурными растениями, не так быстро истощается. Клевер даже восстанавливает плодородие, усваивая азот из атмосферы и накапливая его в земле. К тому же он более питателен по сравнению с другими растениями, и поэтому на полях могут пастись больше коров и овец, которые вдобавок дают больше навоза. В конце года поле, на котором пасся скот, засеивали зерновыми культурами, и в таких условиях они росли гораздо лучше. В результате на фермерских хозяйствах Англии удалось повысить урожайность и увеличить поголовье скота.

В то же время происходил и процесс передела земель, вследствие чего отдельные хозяйства получили больше земли с четкими границами. Такая система пришла на смену средневековой, при которой у каждого крестьянина была своя полоса или часть одного из трех общинных полей.

Тогда у крестьян не было собственных отдельных ферм, все хозяйство было общинным, а земля принадлежала феодалу-помещику. На деревенском сходе решали, какие культуры, когда и где сажать; скот пасся на общем поле под паром. За пределами общинных полей находились пустоши, леса или болота, также доступные всем деревенским жителям, собиравшим там ягоды, тростник и хворост.

Передел земли и разграничение участков проходили по указам парламента, для каждой деревни выносилось особое постановление. В английском парламенте заседали крупные землевладельцы, и они решили, что объединение участков и передача их в собственность тому или иному конкретному человеку (или «огораживание», как оно еще называлось) крайне необходимо для внедрения новых методов землепользования. Новые методы севооборота, как и уход за увеличившимися стадами скота, требовали повышенного внимания каждого землепользователя. Общинного контроля всех жителей деревни уже было недостаточно. Землевладельцы, стремившиеся увеличить доходы со своих земель и плату за ренту, заставляли арендаторов в обязательном порядке следовать новым правилам ведения сельского хозяйства. Если, например, арендатор отказывался сеять на своем поле турнепс, то землевладелец не продлевал его аренду.

Разграничение земель проходило довольно организованно. Специальная комиссия изучала права каждого члена общины, и право пользования полосой на общинном поле и выпаса скота на общинной земле заменялось на право владения отдельным участком определенного размера. При этом пострадали крестьяне, имевшие только право выпаса скота – они получили крошечные участки, не пригодные ни для чего. В результате такого передела многие крестьяне были вынуждены покинуть деревню и направиться в поисках лучшей жизни в города. Рост продуктивности повлек за собой быстрый рост населения, так что в города устремилось еще больше народа.

Англия первой из всех стран совершила такой большой прорыв в сельском хозяйстве. Во Франции тоже выдвигались проекты объединения земельной собственности, но крестьяне там не только считались собственниками земли, но и придерживались традиционных общинных форм ведения хозяйства, так что даже абсолютная монархия не могла согнать их с земли и превратить в фермеров или рабочих.

Начиная с середины XVIII века наряду с аграрной проходила и промышленная революция. Раньше крестьяне пряли шерсть вручную и вручную ткали из нее ткань, но теперь появились фабрики со станками, которые сначала приводились в действие при помощи водяного колеса, а затем при помощи парового двигателя. Рабочие теперь стали

приходить на работу в строго определенное время и работать на хозяев, а не на себя самих. Население в городах, где находились текстильные фабрики, резко увеличилось. Промышленные предприятия соединила сначала сеть каналов, а затем и сеть железных дорог. Впервые в истории промышленные товары можно было быстро и дешево доставить в любой уголок страны.

Конечно, никто в Англии не планировал произвести промышленную революцию. Предпосылки к ней возникли потому, что правительство находилось под контролем парламента. В это время ситуация в Англии отличалась от ситуации в континентальной Европе, где существовали абсолютные монархии с правительством, строго подотчетным королю. Эти правительства планировали проведение различных реформ, постройку промышленных предприятий, внедрение новых методов хозяйствования. Но сами члены правительства не были заинтересованы в проведении реформ. В Англии же представители дворянства и крупные землевладельцы, заседавшие в парламенте, были непосредственным образом заинтересованы в увеличении своих доходов, а легче всего это было сделать, внедрив новые методы хозяйствования. Старые законы, регулировавшие сельское хозяйство и промышленность, были либо полностью отменены, либо превратились в мертвые законы, действительные только на бумаге.

Эти две революции изменили общество коренным образом. Процесс преобразований протекал отнюдь не гладко, и в ходе реформ многие слои населения значительно пострадали. Но вскоре за промышленными реформами последовали и политические, вследствие чего значительно повысилось благосостояние народа в целом, а не только кучки представителей правящего класса.

Заключение

ТАК ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ЕВРОПА?

Китайская цивилизация в течение долгого времени по многим параметрам опережала европейскую. У китайцев европейцы (прямо или косвенным образом) позаимствовали книгопечатание, бумагу, компас, порох и шлюзы. Но все же промышленная революция, за которой последовал бурный экономический рост, произошла именно в Европе. И именно в Европе зародились представления о представительной власти и о правах человека – отличительные признаки современного политического устройства. В чем же кроется секрет Европы?

В 1480 году китайский император династии Мин запретил исследовать новые заморские земли и вести торговлю с другими странами. Купцов, которые осмелились нарушить этот запрет, объявили контрабандистами, и с ними жестоко расправлялись войска, сжигавшие их дома и корабли. Ни один европейский король не сделал ничего подобного, и не только потому, что ему недоставало власти: никому из европейских правителей даже в голову не пришло издавать такой губительный как для него, так и для всего королевства указ. В Европе короли правили небольшими соперничающими между собой государствами; в Китае же у императора не было соперников, и в этом заключалось не только его преимущество, но и роковая особенность, определившая дальнейшее историческое развитие. Само соперничество между европейскими государствами подталкивало их к открытию новых земель и новых рынков.

После падения Западной Римской империи на всей ее бывшей территории ни разу не возникало единого централизованного государства. Представьте, что было бы, если бы Западную Римскую империю завоевала какая-нибудь могущественная династия, как маньчжуры завоевали Китай, моголы – Индию или турки-османы – Ближний Восток. Они стали бы единственными правителями новой империи. Но Рим завоевали разрозненные племена германцев, соперничавшие между собой. Реальная их власть была невелика. Нельзя даже сказать, что они «завоевали» Рим в полном смысле этого слова, поскольку,

скорее, просто поселились на новых землях, сливаясь с местным населением. У них не было опыта централизованного правления, и они не имели ни малейших представлений, как управлять сложной административной машиной Древнего Рима. Дело дошло до того, что они отказались от взимания налогов, одной из центральных функций государственной власти.

Эта особенность объясняет многое в европейской истории. Короли лишь номинально считались правителями своих королевств. Они очень долго боролись за укрепление своей власти, идя на заключение различных договоров и уступки. Они не могли безосновательно потребовать увеличения налогов для пополнения государственной казны или отобрать что-нибудь понравившееся им у своих подданных, как это делали многочисленные правители Центральной Азии и Ближнего Востока.

В течение многих столетий реальной властью обладали крупнейшие землевладельцы, высшее дворянство. В конечном счете королям удалось их подчинить, но в процессе борьбы дворяне добились многих прав, в том числе право на собственность, которая стала считаться неприкосновенной. Постепенно это право распространилось и на остальные слои общества. *«Не все в королевстве принадлежит королю»* – вот основополагающий принцип европейских политических свобод и европейского экономического процветания.

В борьбе с высшим дворянством король опирался на городских торговцев, купцов и банкиров, которые ссужали ему крупные суммы и служили в администрации; они же и стали приносить доход в казну в виде налогов. При этом европейские правители старались не убивать курицу, несущую золотые яйца, и не облагать богатых горожан непомерными налогами. Азиатские правители в этом отношении особенно не стеснялись – в случае необходимости они произвольно завышали налоги или конфисковывали имущество купцов. Европейским монархам волей-неволей приходилось лавировать между представителями различных слоев общества, и если бы это хрупкое равновесие нарушилось, то государство ожидал бы неминуемый крах, чем не преминули бы воспользоваться соседние государства-соперники. Европейские правители были заинтересованы в экономическом росте и во внедрении новых технологий. Конечно, в первую очередь это касалось методов ведения войны, но любое достижение в области

военных технологий влекло за собой прогресс и в других областях. Помимо практических соображений европейские правители руководствовались еще и христианскими идеалами, согласно которым справедливый правитель должен защищать своих подданных; не забывали они и о римских идеалах борьбы с тиранией и произволом царей.

Подчинив себе аристократию, короли стали покровителями нового бурно развивающегося класса городской буржуазии. Пока монархи были слабыми, они позволяли городам заниматься своими внутренними делами. С ростом экономического благосостояния городов их право на самоуправление стало играть более важную роль. По сравнению с феодалами, содержащими свои войска и проживавшими в укрепленных замках, буржуазия казалась мирной и никому не угрожавшей. Но каким бы воинственным ни было дворянство, оно все-таки представляло собой неразрывную часть общественного устройства, в котором король естественным образом воспринимается как глава государства. Буржуазия же, с ее особым городским укладом жизни, легко могла обойтись и без короля, так что впоследствии она принесла королям гораздо больше хлопот, чем феодалы.

Постепенно короли западноевропейских стран добились очень большой власти, за исключением Англии, в которой король попал в зависимость от парламента. Парламент был общественным институтом, сохранившимся с тех времен, когда королям приходилось совещаться со своими подданными. Но даже во Франции, которая называлась «абсолютной» монархией, король не контролировал все без исключения, и он шел, пусть и нехотя, на различные уступки и соглашения. Пусть Генеральные штаты не созывались в течение долгого времени, но в провинциях продолжали действовать Провинциальные штаты. В 1780-х годах Генеральные штаты сыграли ключевую роль в противодействии налоговым реформам. Под давлением реформаторов, мечтавших о введении во Франции парламентского правления по английскому образцу, король был вынужден вновь созвать Генеральные штаты.

В Центральной Европе, на территории современных Германии и Италии, ни одному правителю так и не удалось создать централизованное государство; императоры и папы постоянно вели борьбу за власть. Здесь сохранялось множество разных городов-

государств, княжеств и герцогств, в которых зародилась новая культура эпохи Возрождения и новое религиозное движение Реформация, оказавшие огромное влияние на общее историческое развитие всей Европы.

Несмотря на политическую раздробленность Европа всегда осознавала свое единство. В Средние века и в эпоху Возрождения это называлось «христианским миром». До Реформации европейские страны объединяла Католическая церковь, не знавшая политических границ. Иногда она пыталась взять под свой контроль и светскую власть, но хотя короли и называли себя защитниками веры, они далеко не всегда считали нужным подчиняться требованиям церкви. Особенно показательным в этом отношении длительное противостояние императоров и пап, способствовавшее еще большему рассредоточению власти.

Помимо всего прочего, христианская церковь была основным институтом, хранившим европейскую культуру. Монахи в монастырях переписывали и хранили не только Библию, но и сочинения древних греков и римлян. В Средние века богословы создали тщательно разработанную философскую систему – теологию. Уязвимость же церкви заключалась в том, что в самом Священном Писании о ней почти ничего не было сказано как о социальной организации, созданной, по сути дела, по образцу древнеримской администрации. Сохраняя латинский язык, она сохраняла и систему классического образования, предусматривавшего изучение сочинений языческих авторов. В эпоху Возрождения и Реформации эти противоречия вышли наружу.

В Китае вся власть была сосредоточена исключительно в руках императора, а конфуцианство, как основная официальная идеология, поддерживало авторитет императорской власти. Конфуцианство устанавливало нормы общественного поведения, нормы культуры и правовые нормы государства. Каждый, кто претендовал на пост чиновника, должен был выучить ряд конфуцианских трудов и сдать по ним экзамены.

В Европе власть была рассредоточена, культура была составной по своему характеру и не имела прочных связей с властью. Китайцы были умным народом, но их ум всегда держался под контролем; нововведения и изобретения никогда не приводили к резким

политическим, экономическим или идеологическим переменам. Открытость европейского общества прослеживается вплоть до далеких исторических эпох. Динамика политических и экономических отношений современного периода является следствием уникального исторического развития, в течение которого ни одна из форм правлений и ни одна из идеологий не занимала исключительного места. В истории Европы постоянно сосуществовали разные традиции, которые время от времени выходили на первый план и способствовали новым виткам развития. Так, например, вера древних греков в математическое объяснение мира получила свое дальнейшее развитие в эпоху научной революции, а научная революция, в свою очередь, заложила основы для развития техники.

Историки, изучающие экономическую историю, часто задают вопрос, почему Европа первой начала промышленную революцию и индустриализацию, будто другие общества шли по этому же пути, только немного отстав в своем развитии. Мне же больше нравится вопрос Патриши Кроун, идеи которой во многом определили концепцию данной книги: посчастливилось ли Европе стать первой, или же она была капризом истории изначально? И Кроун делает вывод, что это был причудливый каприз, необычная прихоть истории.

Список карт

- Стр. 13. Древнегреческие города и колонии. Ок. 550 г. до н. э.
- Стр. 15. Римская империя. Ок. 100 г.
- Стр. 99. Германские завоеватели и Римская империя. Ок. 500 г.
- Стр. 107, 185. Королевство франков. Ок. 850 г.
- Стр. 110. Арабские завоевания. Ок. 750 г.
- Стр. 115. Викинги в Европе. Ок. 800 – 900 гг.
- Стр. 197. Западная и Центральная Европа в 1648 г.
- Стр. 199. Государства Италии в эпоху Возрождения. Ок. 1494 г.
- Стр. 215. Языки Европы.
- Стр. 220. Границы между германскими и романскими языками.

Список иллюстраций

Стр. 31. Статуя Константина в Капитолийском музее, Рим.

Стр. 40. Карл Великий посвящает Роланда в рыцари. Из манускрипта французской средневековой эпической поэмы.

Стр. 42. Монах-переписчик из Лакруа за работой.

Стр. 50. Гермес работы Праксителя.

Стр. 51. Адам и Ева перед Богом. Бронзовые двери собора в Хильдесхайме, Германия.

Стр. 52. Давид работы Микеланджело.

Стр. 55. Мартин Лютер. Портрет работы Лукаса Кранаха, 1532 г.

Стр. 113. Длинный корабль викингов. Музей кораблей викингов, Осло.

Стр. 121. Собор Святой Софии, Стамбул.

Стр. 138. Жак-Луи Давид. «Ликторы приносят Бруту тела его сыновей». 1789 г.

Стр. 140. Жак-Луи Давид. «Клятва Горациев». 1784 г.

Стр. 143. Бюст Августа. Национальный музей Рима.

Стр. 151. Клятва верности. Дрезденский манускрипт «Саксонское зеркало». 1220 – 1235 гг.

Стр. 174. Жак-Луи Давид. «Клятва в зале для игры в мяч». 1791 г.

Стр. 179. Мирабо. Портрет работы неизвестного художника. Начало 1790-х гг.

Стр. 195. Статуя святого Петра. Собор Святого Петра, Рим.

Стр. 204. Арка Константина. Рим.

Стр. 205. Триумфальная арка. Париж.

Стр. 237. Ранний плуг. Иллюстрация из «Центра сельской жизни». Тилфорд, Англия.

Стр. 237. Колесный плуг. Иллюстрация Джона Томпсона.

Стр. 241. Римский рельеф с изображением крестьян и сборщика налогов. Ок. 200 г.

Примечания

Цит. по: Публий Корнелий Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии. Перевод А. С. Бобовича. – *(Здесь и далее примеч. пер.)*.

Цит. по: Хрестоматия по античной литературе. Пер. Ф. Г. Мищенко
и С. А. Жебелева.

Цит. по: *Тит Ливий*. История Рима от основания города. Пер. В. М. Смирнова.

4

Даже в русском языке с богатой системой окончаний для этого требуются три слова.

5

В русском переводе Нового Завета они называются мытарями.